

Маргарита Прошина

Отражённые лучи

рассказы

Маргарита **Прошина** Отражённые лучи

Маргарита
Прошина

Отражённые лучи

рассказы

Издательство
Книжный Сад
Москва
2020

ББК 84 Р7

П 78

*На передней стороне переплета:
писательница Маргарита Прошина.*

Прошина М.В.

П 78 Отражённые лучи: рассказы. - М.: Издательство "Книжный сад", 2020. - 244 с.

"Всю жизнь тревога, - пишет Маргарита Прошина, - не покидает меня, порой даже по каким-то пустякам, на нерве тонком душа трепещет, прежде я всё искала причины, мечтая обрести душевный покой, не догадываясь, что тревога эта связана с потребностью моего воображения найти выход из тревожной ситуации, когда же я начала уже довольно давно сочинять короткие эссе, в голове моей сами собой возникли образы, которые требовали выхода из тени, я написала один рассказ, другой, но тревога не исчезала, а мои героини стали сниться мне, уговаривая рассказать о них, так я поняла, что тревога есть потребность творчества, которая исчезает вместе с воплощением тревоги в текст".

ISBN 978-5-85676-162-6

ББК 84 Р7

© Маргарита Прошина, 2020

ТЁЩА

Чтобы не разбудить тещу, Алевтину Поликарповну, зять Саша, полный, с тройным подбородком, весь какой-то ватный и плавный, почти бесшумно вошёл в сени. И ручка входной двери старого деревянного дома не скрипнула, и половицы промолчали. Он копался в машине, а теперь надеялся ещё поспать до завтрака. Он постарался лечь так, чтобы не потревожить Вику, жену, которая слегка посапывала, свернувшись калачиком, как кошка.

Всё было тихо и пахло сухим деревом.

На протяжении почти четверти века семейной жизни, отправляясь с женой и её матерью на родину в деревню, в старый дом покойных родителей тещи, чтобы прибраться на кладбище, Саша старался не давать повода теще для бесчисленных нравоучений, и добился значительных успехов за четверть века общения с ней, но полностью избежать их ему ещё ни разу не удалось.

Тёща готовилась в следующем году отметить восьмидесятилетний юбилей, в ожидании которого запасалась соленьями, домашними винами и настойками, тщательно продумывая всё до мелочей, желая поразить всех родственников и знакомых своими кулинарными талантами и умением вести хозяйство. Она всегда и везде доминировала в поликлинике, в которой несколько десятилетий была старшей медицинской сестрой и непререкаемым авторитетом.

Крупная, высокая и громкая Алевтина Поликарповна вызывала у окружающих одним своим видом уважение и

доверие, любое недоразумение она с лёгкостью разрешала ко всеобщему согласию.

Саша же в этом году решил вообще не отвечать на её регулярные провокации, поэтому разгрузив продукты и гостинцы в доме, быстро перекусив, занялся машиной. Его по-видавшая много на своём веку старенькая «копейка» напоминала консервную банку, наполненную разболтанными предметами, но Саша настолько сроднился с ней, что предпринимал всевозможные шаги, чтобы продлить её век, перебирая и с нежностью и тщательно протирая каждую деталь, прежде чем поставить её на место, на следующий день он обещал теще съездить в райцентр за рассадой цветов, поэтому предпринял меры для того, чтобы поездка прошла без происшествий.

День обещал быть ясным и тёплым. В голубых небесных окнах красовалось солнце, с улыбкой вселяя надежду на летние дни, которых в нынешнем году было совсем немного.

Сна не было, а со второго этажа доносился мощный храп Алевтины Поликарповны, каждый взгляд которой был властным, как закон, жест - выразителен, как указ, вздох, как тяжёлый упрёк, а если кто-то осмеливался возразить ей, то потом горько сожалел об этом или ретировался и впредь избегал встреч с ней.

Посмотрев на спящую жену, Саша улыбнулся тому, как она буквально сжалась во сне, как бы чувствуя присутствие своей властной матери, в присутствии которой она чувствовала себя кроликом перед ядовитой змеей и пыталась спрятаться в ожидании очередного замечания или указания.

Жена вызывала у него нежные чувства, он, как мог, защищал её от материнского давления, совершив через два года после женитьбы поистине героический поступок: ушёл с женой на съёмную квартиру, выдержав невероят-

ное давление Алевтины Поликарповны, которая проявила невероятную изобретательность, пытаясь вернуть дочь с мужем в дом, и успокоилась только тогда, когда ей отдали на воспитание внучку Верочку, рядом с которой Алевтина Поликарповна совершенно преображалась, превращаясь из властной, нетерпящей возражений женщины-командира в восторженную бабушку, которая ни в чём не могла отказать ненаглядной внученьке, достойной безоблачной счастливой жизни, которую бабушка обеспечит ей, чего бы это не стоило.

Вика же, освободившись от плотной опеки матери, оставила изматывающую работу участкового терапевта и стала работать в кабинете ультразвукового исследования.

Тяжело вздохнув и закрыв глаза, Саша пытался заснуть, но сон пропал, он почувствовал, что жена тоже не спит, повернулся к ней и тихонько спросил:

- Чего не спишь? - в голосе его была такая же мягкость, как во всём его мягком теле.

- Не спится... - прошептала Вика.

В тишине доносился откуда-то сверху слабый перестук, должно быть, по крыше ходила какая-то ночная птица, или от ветерка постукивала ветка высокой сосны.

- Ночь такая звёздная, красота! - сказал Саша, глядя в не зашторенное занавесками окно.

- Пойдём, посидим на крыльце? - сказала Вика.

- Не стоит...

- Пойдём...

- Ты же знаешь, мать проснётся...

- Спим...

Они обнялись и полетели к звёздам.

Через какое-то время в сладком удовольствии заснули.

Разбудили их тяжёлые шаги по деревянной лестнице, ведущей на второй этаж.

Стоило Саше первому открыть глаза, как сразу же раздался голос тёщи:

- Вставайте-ка, голубки, уж завтракать пора! Дел невпроворот...

Вика приподнялась на локтях.

- Доброе утро, мама, - голосом с хрипотцой после сна сказала она.

С минуту тёща неотрывно смотрела на неповоротливого зятя.

- Доброе-то оно доброе, но для тех, кто рано встаёт. Зять-то, ишь сопит! Устал он!

Саша на это ноль внимания.

Вика стиснула в возмущении зубы, но сдержалась, чему научилась в последнее время. Преодолев обиду, как можно мягче сказала:

- Чего Саше торопиться, пусть ещё поспит, пока я завтрак приготовлю.

- Пospит! - громыхнула тёща, абсолютно не стесняясь зятя, и со злобой добавила: - На нём пахать надо. Раскормила мужика, в дверь не проходит!

Саша растянул улыбку во весь зевающий рот.

Вика молча пошла на кухню. Алевтина Поликарповна последовала за ней со словами: «Ты вари только кашу, да согрей молока, а то начнёшь тут разносолы готовить...».

- Хорошо, мама.

Остановившись на пороге кухни, Алевтина Поликарповна скрестила руки на груди и сказала:

- У Толика, соседа, родственник из Литвы приехал, красавец, двадцать девять лет, холостой, я подумала, что нужно за Верочкой Сашку послать после завтрака, глядишь, сладится у них.

- Но у Верочки свои планы на выходные, ты же сама нам сказала...

- А кто знал! Ради такого дела ей можно и планы отложить, парень-то обеспеченный...

- Мама, почему ты решила, что Вере нужно бросать свои дела и мчаться к незнакомому человеку в деревню?

Алевтина Поликарповна убрала руки с груди и, грозя дочери пальчиком, выпалила:

- Потому что у меня душа за внучку болит, в отличие от тебя, мать непутёвая, я хочу, чтобы у моей внученьки всё было самое лучшее, чтобы у неё был надёжный муж рядом, стена, а не то, что у тебя, подкаблучник!

Прежде Вика не всегда умела сдерживать себя от подобных высказываний матери, и они частенько заканчивались скандалом, и ничего не меняли в отношениях дочери с матерью, постепенно она поняла, что нужно молчать, не реагировать, всячески избегать бессмысленных выяснений отношений.

Властная мать подавляла волю и желания Вики. Только встреча с Сашей и его защита, придали ей силы и решительности ослабить гнетущее давление, но отстоять право на самостоятельное воспитание дочери Веры ни Вика, ни Саша не могли. При этом они не отрицали того, что Алевтина Поликарповна относится к внучке совершенно иначе, чем ко всем остальным.

Верочка буквально верёвки вьёт из бабушки, которая ни в чём ей не может отказать.

Во многом благодаря связям бабушки Верочка поступила на бюджетное отделение в институт, стала преподавать немецкий язык в колледже. Именно бабушка подарила ей на двадцатилетие белоснежную «тойоту», о которой Верочка так мечтала.

Алевтина Поликарповна, пыталась осуществить свои несбывшиеся мечты, проживая жизнь внучки, мечты, которые разрушила её дочь Вика, забеременев от Саши, обычного шофёра.

Рождения внучки Алевтина Поликарповна считала исключительно своей заслугой, а зятя терпела только как необходимого участника процесса.

Вика же считала, что, если бы не было случайной встречи с Сашей, то не было бы и её самой, потому что рядом с матерью она чувствовала себя её частью, абсолютно зависимой её частью.

Если бы знать наперёд, где она эта встреча ждёт каждого из нас!

Как часто мы проносимся мимо, а потом вспоминаем странную встречу и корим себя. Как распознать из череды событий и встреч, именно эту?! Научить нельзя. Подсказать это может только интуиция, к которой непременно следует прислушиваться.

Сколько страсти, эмоций, переживаний выпадает на долю человека в течение жизни. От взлёта к падению, от надежд до отчаяния мелькают дни. Но вдруг наступает момент, когда отношение к минувшим событиям меняется совершенно: отчаяние и горести вызывают светлую грусть, взлёты - ироничную улыбку. Видимое упрощается до иголки и нитки, слышимое - до ритмичного хода часов, загадочное проясняется, ошибки превращаются в опыт. Людям свойственно усложнять простые события. Ведь с момента появления на свет начинается долгий путь, который виток за витком наматывается на клубок событий, из которых и состоит жизнь. Понимание приходит у каждого в свой срок, а к некоторым и вовсе не приходит. Простой взгляд на пережитое и есть признак мудрости, принять то, что все люди сделаны по одному проекту одним и тем же конструктором, дано не каждому.

Подобные размышления Алевтина Поликарповна презирала, считая их хилыми, ей всегда было всё ясно и понятно, и она требовала выполнения её указаний, при этом на работе она признавала главенство и правоту начальников,

понимая, что от них зависит её благополучие, с ними и людьми со связями она находила правильные интонации, благодаря этому обеспечивала себе и близким хороший достаток в своём понимании, требуя при этом абсолютно-го подчинения.

У неё не было приятелей и друзей, она общалась только с полезными ей знакомыми. Вообще она производила впечатление человека, для которого никаких преград не существует. Она с детства ощущала себя центром мира, и даже мысли не желала допускать, что это не так, упрямо пытаясь вынудить окружающих её родственников вращаться по её орбите.

По приезде в деревню Алевтина Поликарповна прежде всего навестила своих приятельниц, коих осталось всего три. Конечно, главный вопрос подружек был о Верочке, спрашивали не вышла ли она замуж, ведь Алевтине Поликарповне давно пора правнуков нянчить, у них-то они уже в школу ходили, что-то долетало до них о возможной свадьбе, а подтверждения никак не приходили. Приезд Алевтины Поликарповны должен быть внести ясность в этот важнейший вопрос. Все ждали не просто свадьбу, а нечто потрясающее, а уж жених должен был быть олигархом или знаменитостью.

Пока Вика растопила печь, поставила горшок с кашей, нарезала варёной колбасы толстыми ломтями, как любит её Саша, который в ожидании завтра неспешно, даже с каким-то безразличием косил высокую в росе траву на участке, тёща тщательно, как ей казалось, обдумывала план знакомства внученьки с прибалтийским родственником соседа Толика, его оболъщением и захватом, поэтому, когда Вика позвала их завтракать, Алевтина Поликарповна отдала распоряжение зятю поторопиться с завтраком, и как можно скорее, отправляться в Москву за Верочкой, которая должна быть здесь к ужину. Саша выслушал тёщу в

полной расслабленности, как это обычно делал, без всякой реакции, даже с идиотской, как показалось теще, улыбкой на круглом лице.

- Что ты всё молчишь? Оглох что ли?

В паузе большая зелёная муха завертелась под потолком вокруг люстры.

Но на муху никто внимания не обратил.

Все были под высоким психическим напряжением.

- Мама, ты же врач, дай ему поесть спокойно... - робко сказала Вика.

- Не вмешивайся в разговор, когда тебя не просят, защитница! Ты уже своё дело сделала, раскармливая его, да оберегая покой!

Саша с повышенным аппетитом продолжал есть. Выражение лица у него было такое, как будто он уже давным-давно на всё «забил»!

Вика же вся покрылась красными пятнами от волнения, она лихорадочно искала выход из создавшегося положения, о сложности которого знала только она, пытаясь разрядить обстановку она, как можно твёрже, сказала:

- Мама, Саша никуда не поедет, у него высокое давление.

Муж с благодарностью посмотрел на жену и добавил:

- Мне сегодня, это самое, лучше за руль не садиться.

От этого лицо тещи буквально окаменело.

- Значит так... Я немедленно вызываю такси со станции, и сама еду за Верочкой, раз её родителям нет до неё никакого дела.

Она едва подавила свой гнев, чтобы не запустить тарелку с кашей в толстого зятя, который почти всегда был помехой в осуществлении её планов.

На лице Вики застыла маска растерянности. Саша был безмерно благодарен жене за защиту, но чувствовал, что скандала не избежать, кроме этого, он понимал что-то та-

кое, о чём даже не догадывался, поэтому как обычно заедал напряжение очередным бутербродом.

Тёща одним видом своим создавала тяжёлую напряжённую обстановку.

Она пошла за телефоном, а Вика выскочила из дому и помчалась к соседу Толику, который со своим родственником наслаждался охлаждённым пивом на террасе. При виде взволнованной Вики Толик с удивлением уставился на неё, и сказал:

- Чего это Поликарповна там вся из себя выходит?

- Ой, Толя, и не говори! Короче, твоя помощь необходима!

- Ты чего это, Вика? Не понял?

- Я потом всё объясню, а сейчас скажи матери моей, что у родственника твоего невеста скоро приедет, что женится он скоро, - она посмотрела на прибалтийского родственника, из-за которого у них разгорелся нешуточный скандал и, обращаясь к нему, произнесла, - простите нас. Я потом всё объясню. Сейчас нужно, чтобы моя мать никуда не поехала.

- Вика, я никак не врублюсь...

- Да чего тут врубаться! Помоги мать успокоить, я в долгу не останусь... Сам знаешь, какая она, если чего задумает, не остановишь...

- Да, чем я помочь могу... не понял...

- Вот бестолковый-то! Мать решила Верочку с твоим родственником сосватать...

- Так бы сразу и говорила... М-да-а-а... Оперативненько! - пробурчал Толя

- Интересно на девушку посмотреть, - добавил родственник.

- Дело в том, что у Верочки уже есть жених, но бабушка об этом не догадывается, а ты, Толя, знаешь её нрав, если ей сейчас об этом скажу, то у неё давление подскочит, а то ещё и похуже что-нибудь...

- Не живётся вам спокойно, вечно проблемы создаёте вы, женщины, себе и другим. Придумай сама, что-нибудь...

В доме Вика застала разъярённую мать, которая не могла найти телефон не только свой, но и её, при виде которой она спросила голосом главнокомандующего:

- Что происходит? Куда ты дела мой телефон?

- Я его не трогала, он, наверное, на втором этаже лежит.

- Нет его там, я смотрела. А твой где?

- У меня в кармане, но я его вчера забыла на зарядку поставить.

- Недоразумение сплошное, а не дочь...

- Неси Сашкин телефон...

- А ты сама у него почему не взяла?

- Так он исчез куда-то вместе с телефоном, я не понимаю, что происходит сегодня? С ума, что ли вы с Сашкой сошли. Я пытаюсь судьбу Верочки устроить, а вы мне палки в колёса вставляете.

- Мама я пыталась Верочке позвонить, но у неё телефон вне доступа находится, она, наверное, поехала к подружкам.

- Я бы знала. В отличие от тебя, Верочка, со мной обо всём советуется и всё мне рассказывает. Мы с ней очень близки, она не напускает тумана в наши отношения, это ты вечно со своим муженьком мне голову морочите.

«Да, Верочка тебе всё рассказывает, - подумала Вика, - конечно, хвались, а то, что она влюблена без памяти в женатого начальника, и ребёнка от него ждёт, а признаться ему не смеет, хочет рожать, даже, если он будет против её решения. Мы с ней у меня в кабинете УЗИ до вечера ревели, как две белуги, не представляя, что будет, когда ты об этом узнаешь, пытались придумать, куда Верочке уехать хотя бы на год. Звони ей, звони, она телефон выключила и к подруге уехала. Я даже Саше не представляю как об этом сообщить, не то, что тебе».

Пока Вика делала вид, что ищет телефон матери, который сама спрятала наверху, мать бушевала внизу, чувствуя, что ситуации полностью вышла из-под её контроля, что ещё больше выводило её из себя, она чувствовала, что вокруг неё зреет заговор.

Вика лихорадочно думала о том, как отвлечь мать от навязчивой идеи тотчас устроить личную жизнь Верочки.

Чувство раздвоения, которое она испытывала на протяжении всей своей жизни, изматывало её.

Мать, муж, дочь, окружающие её люди постоянно ждут от неё определённых поступков, решений, внимания. Ожидания эти, если их удовлетворять, забирают целиком все силы, и ей кажется, что она растворяется и теряет себя. Но никто в этом не виноват, это - её добровольная жертвенность. Но внутренний голос настойчиво напоминает ей, что пора вспомнить о своих интересах и желаниях. Она много размышляла о своём раздвоении и пришла к выводу, что необходимо жить свою собственную жизнь, и ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в жизнь близких, даже в тех случаях, когда они просят об этом, потому что заканчивается это плачевно. Интуиция говорит, что нужно промолчать, а эмоции, захлёстывая, несутся на помощь. Результат всегда один и тот же - сама во всём виновата. Уметь отказываться от заманчивых предложений - качество неопценное, но следовать ему у неё не получается.

Многие люди говорят правильные слова, однако при этом, понимают, что не выделяться и быть как все гораздо удобнее, и выбирают «доходное место», наступая на горло своим желаниям. При этом они сетуют на обстоятельства, время и судьбу.

Громкий голос матери вывел Вику из задумчивости. Она спустилась вниз и протянула её телефон.

- Где ты его взяла? - спросила мать, поедая дочь глазами.

- Он застрял между диваном и стеной.

Алевтина Поликарповна стала нервно нажимать кнопку вызова, но услышала ответ, что номер находится вне зоны действия сети.

- Мама, давай успокоимся, я приготовлю обед, и мы сходим на кладбище, как и хотели, наведём там порядок, а к вечеру Верочка сама нам позвонит. Никуда родственник Толи не денется, если им суждено познакомиться, то это случится.

- Я хочу понять, что вы задумали, что это заговор?

- Нет, конечно, просто день бестолковый выдался. Надо отдохнуть и успокоиться.

- А твой куда исчез?

- Не знаю, скорее всего, на речку пошёл.

- Ладно, готовь обед, схожу, посмотрю его, - сказала Алевтина Поликарповна, которая действительно почувствовала слабость.

Она спустилась по пологой тропике к реке, и детские воспоминания спонтанно нахлынули на неё, вновь она пережила ужас при виде извивающейся в воде змеи, услышала голоса своих друзей, присела на сваленное много лет назад в грозу могучее дерево, кора которого уже давно исчезла и оно превратилось в отполированный снегом и дождём столб.

Поверхность воды была абсолютно гладкая, переливы солнечных лучей вспыхивали как лунные блики, мерцая перед глазами. Облака то и дело тенью набегали на воду, и небо становилось серебристым. То и дело в воде вспыхивали блески, как будто рыбки резвились в небе и отражались в воде. Она устало прикрыла глаза и задремала, сладкая истома охватила её, она погрузилась в расплывчатые видения, наплывающие одно на другое.

Вика готовила обед, делая привычные движения руками, а в голове её вихрем проносились мысли о том, что делать и как быть.

- Прежде всего, всё рассказать Саше, а потом уже думать, как быть, - проговорила она себе под нос.

В этот момент раздался голос мужа:

- Что ты должна мне рассказать?

Вика вздрогнула, оглянулась и воскликнула:

- Как ты меня напугал!

- А чего пугаться-то, здесь все свои, а тёща где? На метле в Москву помчалась?

- Оставь шутки, Саша, тут у нас такие события...

- Я чего-то не знаю?

- Я должна тебе сказать об очень важном событии, которое изменит нашу жизнь...

- Надеюсь, что это хорошее событие?

- Да! Только ты слушай и не перебивай меня. Наша Верочка влюблена, и ждёт ребёнка, но как сказать об этом матери, я не знаю, боюсь, что эта новость убьёт её.

Саша в мгновения ока вспотел так, что на лбу и на толстых щеках заблестели крупные капли. Он испуганным ребёнком смотрел на жену, пытаясь осознать столь оглушительную новость.

- Да-а-а!.. Кто тебе сказал?

- Верочка пришла ко мне в поликлинику. Я сама делала ей УЗИ, девять недель, кроме нас двоих об этом никто не знает, но она решила рожать ребёнка обязательно.

- А отец, отец кто?

- Её начальник... Он женат...

- Зачем она...

- Она любит его уже два года, мы должны ей помочь...

- Но тёща!..

- Мы с тобой должны помочь дочери, она рассчитывает на нас.

После продолжительной паузы Саша медленно и задумчиво произнёс:

- Ребёнок родится, внук наш!

- Или внучка! - вставила Вика.

- Ну да... Но мы ребёнка теще на съедение не отдадим! Сами будем растить!

- Не о том ты думаешь! Как матери сказать об этом! Что будет, Саша?

- Не что, а кто! Новость эта - отличная, не переживай, бабуля! Наша Верочка не первая в женатого влюбилась, может, у неё ещё и сладится с отцом ребёнка или другую любовь встретит, главное, что у ребёночка есть мы, воспитаем, всё хорошо будет. Молодость на то и дана, чтобы ошибки совершать, а потом их исправлять. Молодые всегда спешат, не задумываясь, насладится настоящим.

РОДСТВЕННЫЕ УЗЫ

- Убирайтесь отсюда навсегда! - не крик, а вопль донёлся из-за двери.

Римма не просто вскочила от ужаса, но буквально взлетела к потолку из постели.

Только после этого до неё дошло, что жуткий крик был во сне.

Дрожа до кончиков пальцев, она опять легла, поворачиваясь с левого бока на правый, пыталась уснуть, но сон в эту ночь покинул её, исчез, кажется, навсегда, она, пытаясь заснуть, начала считать «до ста», а когда открыла глаза, часы пробили полдень.

В квартире был неприветливый сумрак, больше похожий на полночь.

Накинув на плечи шерстяной клетчатый плед, Римма вышла на балкон. На улице было темно и влажно, как будто не рассветало, она поёжилась и вернулась в комнату, плотно закрыв за собой балконную дверь.

«Она уже приближается плавно, вкрадчиво, любимая моя осень, - прошептала Римма, своему отражению в зеркале, - ночная прохлада, пожелтевшая зелень, грустный шелест сухих листьев напоминают о плавном переходе из одного времени года в другое. Глаза мои невольно закрываются, охватывает сладкая истома, хочется уединиться и погрузиться в видения, наплывающие одно на другое. Тихо-тихо, вкрадчиво напоминает о себе эта переменчивая, но чарующая всех своими музыкальными нарядами осень. Птицы готовят птенцов своих к суровой жизни. Уходит яр-

кость, появляются едва заметные морщинки на ещё вчера сочных листьях, как и на моём лице, в воздухе разлито ожидание и томление, всё реже и меньше показывается солнце, всё ближе закат, - она провела руками по лицу, пытаясь разгладить его, судорожно вздохнула и прошептала, - да, закат жизни каждого из нас наступает в неведомый нам час».

Рука её сама потянулась к полке над столом за семейным альбомом. Присев на краешек стула, она включила настольную лампу и, погрузилась в воспоминания...

На одной из страниц альбома попала фотография, где вся семья сидит на скамейке в парке с морожеными в руках, ещё жив отец, мама протягивает Римме носовой платок, Лена смеётся, отец смотрит вверх.

Римма мгновенно перенеслась в тот день: вот она в чистом, светлом ситцевом платье любит картину, созданную небом, солнцем, землёй и деревьями. Сочетание света и тени меняет ветерок. Он играет с облаками на лазурном небе, которые скользят по солнечному диску, меняя освещение. Солнце же, наблюдая их игры, продолжает свой путь. Римма всегда с упоением наблюдала, как сгущаются тени, поглощая свет. Отец обращает внимание детей на то, что деревья в солнечный день кажутся синим. Высокие стройные стволы отбрасывают длинные тени, от которых веет свежестью. Густая коса Риммы аккуратно расчесана, добрые карие глаза отца смотрят на них весело и мягко.

После смерти отца Лена незаметно взяла на себя руководство их осиротевшей семьёй, на любую её просьбу и мать, и Римма реагировали мгновенно, признавая за ней право лидера, все её желания вплоть до того как разумнее тратить деньги, какие подарки дарить на дни рождения и праздники, куда следует ходить, а куда нет, принимали без всяких сомнений, не замечая того, что всё это Лена не предлагала, а объявляла не терпящим возражений тоном,

как и того, что она гораздо больше заботится о себе, любимой, чем о других.

Никогда и ни за что Римма не поверила бы никому, что в их семье может произойти то, что случилось в день пятнадцатилетия сына Лены, Коленьки, бесконечно любимого, единственного племянника и внука, которого бабушка и тётя холили и лелеяли, баловали и развлекали со всей пылкостью горячо любящих сердец.

Спазм сжал горло, одинокая крупная слеза медленно покатилась по щеке, Римма несколько раз судорожно вздохнула от непереносимой тяжести в груди и, наконец, спасительные слёзы водопадом хлынули из её глаз, как будто, где-то внутри неё, прорвало плотину боли и обиды на старшую сестру, ранившую мать так жестоко.

Больше всего Римму мучило то, что она никак не могла понять причину той чудовищной агрессии сестры и её супруга, которые в тот, с утра счастливый и радостный для всей семьи день, буквально ошарашили Римму и маму, когда они позвонили в дверь с цветами и подарками. Лена не только не открыла им дверь, а совершенно неожиданно истерическим голосом закричала, чтобы они убирались прочь, иначе она вызовет милицию, на что мать дрожащими губами зашептала, что с Леночкой, вероятно, случилась какая-то беда.

- Убирайтесь отсюда навсегда! - не крик, а вопль донёлся из-за двери, и долго продолжал звенеть в ушах, и на всю жизнь врезался в память.

Мать попыталась успокоить дочь лаской и кротостью, но тут подключился зять, извергая страшные проклятия на головы ничего не понимающих тётчи и Риммы, которая от неожиданности не могла выговорить ни слова.

Они настолько растерялись от такой неожиданной и необъяснимой реакции, что какое-то время не могли даже пошевелиться, но крик за дверью всё усиливался и они,

поддерживая друг друга, зашли в лифт и непонятно как опомнились только дома и до позднего вечера молча просидели каждая в своей комнате.

Причины для той бесчеловечной ссоры с сестрой Римма, сколько не пыталась, понять не могла.

С того страшного дня прошло пять лет.

Мать после этого скандального поступка старшей дочери так и не пришла в себя, в течение нескольких месяцев у неё случилось три инсульта, она лежала дома без малого три года, пытаясь как можно отчётливее выговорить изо дня в день, что хочет увидеть любимых Леночку и Коленьку, а Римму, которая ухаживала за ней, окружив мать нежностью и заботой, даже не узнавала, называла её доброй незнакомкой, и всё просила пустить к ней Леночку и Коленьку.

Римма всё это время настойчиво пыталась дозвониться сестре, попросить, чтобы та навестила несчастную мать, но, услышав её голос, на том конце бросали трубку.

- За что? Мама, я понять не могу, откуда такая нечеловеческая жестокость?.. Это же бесчеловечно! Смерть примеряет даже врагов. Я никогда ни Лене, ни её мужу не желала ничего, кроме добра, ты постоянно предупреждала меня, что моё активное участие в её жизни ни к чему хорошему не приведёт, а я тебя не хотела слушать, но ты была права. Я одного никак не пойму, почему Коля нам никогда не звонит, ведь мы никогда с ним не ссорились, что у них там происходит?

Рассматривая фотографии, Римма пыталась найти причину того, из-за чего сестра выгнала их, когда и чем они могли обидеть её семью настолько, чтобы это стало поводом затаить обиду на долгие годы, но не находила ничего, что заслуживало подобного отношения, особенно к матери. «Нужно просто не иметь сердца, чтобы не ответить на звонок, не навестить больную мать, - думала Римма, - а уж

не отреагировать на сообщение о смерти матери не прийти на похороны, а молча положить трубку, нормальный человек просто не может, тут возможно только одно объяснение, что Лена вместе со своим мужем лишились рассудка, но Коля? Он же так любил бабушку, ведь ему уже 18 лет, неужели не мог позвонить?»

Смахнув слёзы, которые текли ручьём, Римма пыталась успокоиться, перелистывая альбом, но тщетно, нахлынули мрачные мысли, одна за другой, путались, противоречили друг другу, а потом сквозь пелену слёз перед глазами вдруг стали проплывать жаркие и долгие дни детства, а в ушах щекотало от верещания сверчков и жужжания огромных переливающихся изумрудной зеленью мух на фоне ослепительного света из окна, в которое смотрело солнце, с улыбкой вселяя надежду на безоблачное будущее.

Высокая, худая с широко распахнутыми рыжими глазами на бледном узком лице, Римма росла с ощущением счастья, просыпалась с улыбкой, верила в чудеса, несмотря на убегающие годы. Ласковая и приветливая, она всё ждала мужчину своей мечты, не обращая внимания на мелькающие годы к глубокому огорчению матери, которая постоянно пыталась устроить личную жизнь младшей дочери, сетуя на то, что у Риммы нет ни капельки здравого смысла, что в результате приведёт к одинокой старости.

Римма на протяжении всей жизни искренне радовалась успехам своей старшей сестры, Лены, нисколько не сомневаясь в том, что и та испытывает к ней такие же чувства. После замужества Лена часто обращалась к ней с просьбами купить и привезти продукты, помочь убраться в квартире, отнести в ремонт обувь, сдать в химчистку одежду, Римма охотно откликалась на них, хотя мать, пыталась объяснить ей, что такое активное участие в жизни семьи старшей сестры может привести к серьёзным ссорам, на что Римма беззаботно отвечала, что их отношений с сестрой

ничто не может омрачить, а мать, покачивая головой, повторяла: «Ну, ну, дай-то бог, чтобы я была неправа!»

Лена тоже на предостережения матери не реагировала, отвечая, что Римма в детстве и юности не была идеальной сестрой, позволяла себе в юности капризы, надевала без разрешения её одежду, а она всё это терпела. Римма же устала просить прощение, а вот обвинения в том, что она кокетничала с поклонниками Лены, отрицала, потому что никто из них ей даже не нравился.

Муж сестры Римме был не симпатичен, она воспринимала его, как маменькиного сынка, и даже позволила себе сказать об этом, но мать объяснила, что своё мнение в данном случае её не касается, и она больше никогда по этому поводу не высказывалась. Как только у сестры родился сын, Римма буквально дневала и ночевала у сестры, каждый день гуляла с малышом, охотно отпускала родителей прелестного племянника по первой просьбе, чем те активно пользовались, но Римма готова была всю себя посвятить племяннику, отдавать ему всё своё время.

Появление племянника Коленьки Римма восприняла как настоящее чудо, случилось так, что именно ей пришлось срочно везти Лену в роддом, она первая узнала о том, что родился мальчик, сообщила об этом его отцу, родственникам и знакомым. Затем она лично привела в чувства растерявшегося зятя и вместе с ним занялась уборкой и подготовкой всего необходимого для встречи малыша, купила коляску, первая взяла на руки новорожденного, потому что молодого отца задержали на работе, а первую неделю жила у сестры, чтобы дать той возможность выспаться, сама качала племянника.

Сколько лет прошло с той поры. Сколько любви она испытывала к этому очаровательному малышу, временами ей казалось, что это она его родила. Теперь-то она понимает, что в этом и есть её вина и большая ошибка.

Был жаркий августовский день, яркие лучи ослепляли, глаза тонули в мягкой синеве чистого неба. Деревья точно спали в сиянии веселого, ласкового дня.

Когда дома чистенького, как снег, Коленку развернули и в умилении все склонились над ним, умиляясь каждым крохотным пальчиком с мягким ноготком, Римма подумала о том, что никому из них неизвестно ничего о том, что ждёт этого беззащитного кроху, что они пока могут только окружить его заботой. Неслучайно детство представляется взрослым безоблачной порой любви и добра, когда весь мир кажется раем. О трагедиях и темных сторонах жизни новорожденное дитя ничего не знает. Желание жить, как счастливые дети и птицы, испытывают многие взрослые, вспоминая своё детство.

Римма погрузилась в воспоминания, картины прошлой жизни замелькали перед глазами. Она постоянно уходила в мир воспоминаний во время бессонницы, которая приходила к ней неожиданно, постепенно она подружилась с ней, но сегодня она окунулась в них, пытаясь спрятаться боли, вызванной смертью матери. Значительная часть жизни уходила у неё на познание себя самой, анализ своих поступков, откровенный разговор с собой, а для этого больше всего подходила ночная тишина, когда сами собой подступали размышляя о том, что такое её жизнь?! Как беспечно и легкомысленно она обращалась со временем!

Первая любовь, как навязчивая идея, время от времени возникала в памяти...

Был конец сентября, справа - море, слева - горы. Неспешно плыли облака, Римма вышла из поезда в маленьком приморском городке, она кожей чувствовала, что буквально в двух шагах, ждет её судьба. Солнце светило прямо в глаза, как выяснилось потом, они ехали в одном вагоне, она - в первом купе, он - в последнем, и увидели друг друга только на перроне. Она спиной почувствовала его

обжигающий взгляд, оглянулась, загорелый до черноты немолодой человек буквально ел её своими чёрными, горящими глазами. Двадцать незабываемых дней они не разлучались.

Не было бы этой случайной встречи, не было бы такого невероятного счастья. Если бы знать наперёд, где оно тебя встретит? Нередко мы проносимся мимо, а через потом вспоминаем странную встречу и корим себя. Как распознать из череды событий и встреч, именно эту?! Научить нельзя. Поможет только интуиция, к которой непременно следует прислушиваться. Римма в такие моменты чувствовала необычное биение сердца, вздрагивала, оглядывалась, а дальше всё происходило само собой, возникали счастливые минуты, которые тут же сменялись упадком духа, но она уже знала, что эти минуты предвещают счастье.

Римма постоянно удивлялась тому, как освещение творит чудеса, постоянно меня картину. Вот они с любимым сидят у костра, на лицах выражение счастливой чудаковатой прострации. В огромных глазах бездонная грусть. Таинственный, театральный свет костра, словно Римма присутствует на каком-то представлении в старинном театре при свете свечей. Любое слово, сказанное почти шепотом у костра, овладевает вниманием, как будто высказана сокровенная тайна. В минуты эти человек бессознательно раскрепощается. Костёр вдохновляет его. Человек готов вывернуть душу наизнанку, поведать что-то очень личное, что в другой обстановке никогда не расскажет. И она любила сказать что-то такое, что и сама понять не могла, как будто за неё говорил кто-то другой со вздохом и сразу, например: «Я во сне моей жизни...» - и умолкнуть, дав разбежаться тишине, которую вкрадчиво нарушало лишь потрескивание сухих веток. У костра люди говорят мало, но думают много. То есть для мысли необходима определённая атмосфера. Мысли у костра от-

личаются от мыслей в московских переулках, или скажем, мыслей у моря. Костер локален, интимен. Потом они в полумраке собирали хворост, чтобы, подбросив его в костер, залюбоваться внезапным фейерверком искр. Огонь затихает, лица постепенно исчезают в темноте, но когда пошевелишь затухающие угли, язычки пламени вспыхивают вновь, выхватывая силуэты с красноватым карнавальным оттенком. Стоит подложить новую порцию веток, как красное пламя накрывает синее. Ясная, тихая ночь у костра. От переливающегося всеми оттенками пламени, от его плясок глаз отвести Римма не могла, прошлая жизнь виделась ей как призрачный сон, причём сон этот трансформировался вместе с ней. Менялись не сами воспоминания, а ракурс, в котором она видела их, причём каждый раз он был разным.

Когда на темнеющем небе выступали звёзды, Римме становилось тревожно на душе, казалось, что даже природе становится жутко. В такие минуты она остро чувствовала связь с природой, невольно ей приходят мысли о том, что так было много тысяч лет назад, и будет тысячи лет после неё. Сопричастность ко всему, что было есть и будет, тревожила Римму, невольно она начинала мечтать о том, что жизнь станет непременно лучше, ей казалось, что она чувствует связь времён, наблюдая яркие всполохи костра. Римма думала о связи прошлого с настоящим как о непрерывной цепи событий, вытекающих одно из другого, ей казалось, что стоит дотронуться до одного конца, как дрогнет другой.

Сколько лет понадобилось Римме, чтобы признать свои мечты утопиями, которыми она отгораживалась от обычной жизни не просто годы, а десятилетия, сколько было выслушано не просто советов, а упрёков и даже обвинений. Не могут родственники смириться с тем, что ты не признаёшь их правоту, как единственно правильную.

Елена признавала только свою правоту, сомнения её не мучили, она трактовала абсолютно всё с точки зрения выгоды для себя. Её эгоцентризм индивидуализма незаметно достиг невообразимых высот. Она была уверена в том, что главное жить в роскоши, стремиться к ней всеми силами. Её вечное недовольство всеми и всем, что её окружало, породило замкнутый круг на ожидание негатива. Ей всегда всего было мало, ни удачное замужество, ни достаток, о котором она так мечтала, не сделали её счастливой, она продолжала завидовать успехам и приобретениям знакомых и родственников, жалуясь на то, что ей всё достаётся с большим трудом, в отличие от окружающих. Она не умела быть благодарной за всё то, что имела, постоянно упрекала Римму в неблагодарности за то, что она возилась с ней в далёком детстве, потому что мама была постоянно занята на работе. Елена не помнила, как мать заботилась о её здоровье, как она укутывала её в мороз. Она считала заботу и помощь родных естественными, уверенная в том, что только она способна оценить такое отношение, что её благополучие важнее всего для родных и близких, если они, конечно, её действительно любят.

Семья, близкие люди, сотрудники постоянно ждут от нас определённых поступков, внимания. Нередко ожидания эти, если их удовлетворять, забирают целиком все силы, кажется, что ты растворяешься, теряя себя. Но никто в этом не виноват, это добровольная жертвенность. При этом внутренний голос настойчиво напоминает нам, что пора вспомнить о своих интересах и желаниях. Римма много размышляла о своём раздвоении, и пришла к выводу, что необходимо жить свою собственную жизнь, и ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в жизнь близких, даже в тех случаях, когда они просят об этом. Опыт показал, что заканчивается это плачевно.

Римма часто размышляла о том, как дорого встретить близкого по духу человека в жизни, тем более такого, ко-

торый образованнее, глубже и лучше тебя, когда беседы с ним доставляют тебе истинное удовольствие. Это не значит, что должны совпадать взгляды и суждения, отнюдь, важно чтобы взгляды и оценки событий вы воспринимаете в одном направлении. Несогласия бывают, несомненно, но мнение такого человека ты уважаешь, потому что его жизненная позиция тебе близка, когда вы оба растёте и развиваетесь от подобных встреч.

Римма старалась выстраивать свою жизнь, отсекая всё лишнее. Её особенно настораживали люди, которые судили обо всём безапелляционно, не воспринимали других мнений. Она на своём личном опыте убедилась в склонности окружающих к поверхностным, а то и наивным суждениям и заявлениям. У каждого своя правда, а изменить своё мнение человек может только в результате собственных размышлений. Склонность к авторитарности вызывала у неё стойкое отторжение, даже в устах компетентных людей. Общественное мнение, официальное мнение, точка зрения большинства - вещь неубедительная и сомнительная.

В течение жизни Римма не раз наблюдала, как белое становилось чёрным и наоборот.

Римма закрывает глаза и видит, как раскрываются почки, выпуская листочки, такие маленькие, меньше чем с ногтей новорожденного ребёнка, нежно зелёного цвета, пропитанного солнцем, блестящие, как будто их кто-то натёр воском, которыми можно любоваться только дня два-три, потом они утратят свою первозданность, слышит шум и гомон птиц, которые несут в гнёзда кто веточку, кто соломинку, кто пёрышко - торопясь построить их для рождения новой жизни, думает о том, что из года в год, из века в век, происходит процесс вечного пробуждения, расцвета, рождения, вызывая трепет, вселяя надежды, окрыляя нас на созидательный труд. Вот оно - колесо вечности повер-

нуло из тени к свету, медленно движется, для него это мгновение, а для неё ещё одна весна, ещё одна возможность вновь наблюдать пробуждение природы и бесконечное зарождение жизни. Робкие первые травинки, с каждым днем набираясь земных соков, покроют своим фантастическим по цветам, оттенкам и рисунку ковром землю и преобразят до неузнаваемости, прикроют шрамы и раны, нанесённые человеческой рукой.

Жить своей жизнью, не мешать другим, уважать друг друга, что может быть лучше?! Однако Римма на своём опыте не раз убеждалась в том, как же не просто поступать вопреки советам и понятиям родственников, как нелегко освободиться от их удушающих объятий! Они как будто надзиратели постоянно пытаются следить за тобой, указывая, как жить и что делать. Дружба с родственниками, практически, невозможна, ибо отношения с роднёй строятся по иерархическому принципу.

Бессонная ночь. Она обладает особенным обаянием. Ночные размышления более насыщены, чем в другое время, то, что доселе скрывалось, становится ясным. Когда ночная тьма бледнеет, чары подобных мыслей рассеиваются, оставляя в душе неизгладимый след. Краски ночи, свет её и тени, способствуют постижению тайн жизни, живопись ночи позволяет проникать в её тайну. Ночные облака мазками небесной кисти предстают в совершенно другом колорите, который невозможно увидеть днём. Морозная ночь прозрачна, как вымытое стекло. Небо холодно отстраняется от взгляда, а месяц и звёзды, словно из белого золота, отрешённо наблюдают за Риммой, её здесь нет, она там, летней звёздной ночью луна и золотые огни созерцают землю с приветливой улыбкой, а весной и осенью небо смотрит на неё фиолетовыми глазами.

Да, жизнь похожа на сон, призрачный сон. Постепенно Римма поняла, что больше всего времени прошедшей жиз-

ни было потрачено на ожидание. Не само счастье, а его ожидание, предвкушение, которое, пожалуй, вызывает самые острые ощущения. «Отчего всё так призрачно в прошлом и таинственно в будущем?» - задаёт она себе вопрос, и сама же отвечает, что происходит это возможно оттого, что прошлого, не было, что она его либо придумала, либо это был сон.

О том, что все люди сделаны по одному проекту одним и тем же конструктором она не то что не догадывается, подобные мысли ей в голову даже не приходят.

Пережив разочарования и предательство самых родных людей, Римма пришла к заключению, что родственные узлы ничего не значат, они только мешают свободному самосовершенствованию, осуществлению мечты, и в это время ощущала себя избавленной от удушающей хватки родни.

- Убирайтесь отсюда навсегда! - не крик, а вопль несётся из-за двери.

Что есть жизнь?

Конечно, Римма ищет ответ на этот вечный вопрос, представляя начало своей жизни как появление из некоего мрака по зову бледного лучика света надежды, а попытка состояться в этом мире - просто мечта, осуществление которой - конец или начало чего-то загадочного, о чём никто правды не знает.

В НАСТОЯЩЕМ ИЗ ПРОШЛОГО

Благодаря наставлениям бабушки Агния научилась держать себя в руках, понимая, что это качество есть непременное условие счастливой жизни, тогда как искренность и откровенность часто являются источником обид и недоумений. Бабушка учила Агнию смягчать неприятные моменты улыбкой.

Накануне с позднего вечера всё небо обложили тяжёлые тучи. Было тихо и скучно за окном, как бывает в пасмурные дни, предвещающие перемены. Поднялся ветер, вначале он нехотя пробежался по расчищенным дорожкам, присыпав их снегом с обочин, но вскоре превратился в снежную бурю с резкими, мощными порывами. Ветер, завывая, бросал в лицо пригоршни колючих льдинок, пытался сорвать головные уборы. Прохожие, прикрывая лица руками, спешили скорее укрыться от него. Ветер дул всё сильнее, подхватывая пакеты и обрывки бумаг и поднимая их над головами съёжившихся людей. «Я, наверное, простудилась вчера, - подумала она, - ведь ветер был ледяной, а я бродила по набережной вместо того, чтобы сидеть дома».

В эти короткие декабрьские дни воспоминания преследовали Агнию, вновь и вновь возвращая в прошлое, перелистывая самые волнующие главы её жизни.

Вот она поёт на выпускном вечере в Бирюсинской средней школе:

...А река бежит, зовет куда-то...
Плывут сибирские девчата

Навстречу утренней заре
По Ангаре, по Ангаре...

В те далёкие годы у неё даже тени сомнений не было в том, что её счастье никто и ничто не спугнёт, что всё впереди - Иркутск, учёба в институте, любовь. При слове «любовь» юная Агния представляла себя парящей в объятьях мужественного, сильного, самого любящего, но весьма расплывчатого возлюбленного.

В Бирюсинске Агния была не просто самой привлекательной и желанной девушкой, она слыла первой красавицей городка, в котором жили семьи бывших зэков, да потомки строителей Великого Сибирского железнодорожного пути, прежде это был разъезд под названием Суэтиха, а городом он стал после войны, тогда появились в нём городские постройки - Краеведческий музей, созданный на пожертвования жителей, два храма, два фонтана и клуб.

В семнадцать лет Агния обладала притягательной ленивостью тела, раскрепощенностью, а блестящие, тёплые глаза её смотрели добродушно и доверчиво в будущее, мужчин же привлекали её медлительные движения, мягкий обволакивающий силуэт.

Агния смотрит на себя в лёгком голубом платье в чёрный горошек и первых модельных туфлях с бантиком, на небольшом каблучке у сцены в клубе перед началом танцев, как только заиграла музыка, перед ней вырос плечистый милиционер в новенькой форме и начищенных до блеска сапогах. Они закружились в вальсе, потом танцевали медленный танец, он не отпускал её весь вечер, а, провожая, сбивчиво пытался сказать, что утонул в её соблазнительной улыбке и плавных волнующих изгибах её тела. Агния вся горела от таких слов, ей было стыдно, волнительно, страшно и любопытно - всё это она приняла за любовь.

Целуя её вызывающе-красные губы, касаясь языком ровных крепких зубов, милиционер закрыл глаза, ощущая бурную чувственную муть. Её влажные, чувственные губы недвусмысленно выражали её возбуждение: «Я не боюсь», - шепнула она со своей необъяснимо жадной улыбкой.

Первая любовь опьянила Агнию.

Мать пыталась объяснить ей, что она принимает желаемое за действительное, но Агния не слышала её. При виде своего милиционера она окуналась в мир своих грёз и фантазий. Вскоре он сделал ей предложение, но ей ещё не было восемнадцати лет и они отложили свадьбу до осени, когда ей исполнится восемнадцать, и просто стали жить вместе в двух комнатках деревянного дома Агнии, её мать уехала к любимому человеку в Ангарск, предоставив дочери возможность устраивать личную жизнь.

До загса они так и не дошли.

Первый год влюблённые никак не могли насытиться друг другом. Муж страстно любил Агнию, но и ревновал буквально ко всем и всему: к желаниям учиться и работать в доме культуры, к встречам с подругами, он требовал, чтобы она сидела дома и занималась только домашними делами, но Агнии любовью и лаской удалось убедить его согласиться с тем, что она будет учиться заочно, и он отпустил её в Иркутск на вступительные экзамены в филиал института культуры, там она познакомилась и подружилась с Верой из Иркутска, которая рассказывала ей с горящими глазами о своей туристической поездке минувшим летом по Северной Осетии, где познакомилась с москвичом, который обещал на новый год приехать к ней в Иркутск.

Подруги стали переписываться. Во время зимней сессии Агния жила у Веры.

Перед Новым годом Агния узнала о своей беременности, милиционер был счастлив и настаивал на свадьбе, но Агния убедила его подождать до лета, чтобы отпраздно-

вать свадьбу после рождения ребёнка и сдачи весенней сессии.

Рождение сына Антона поглотило всё внимание Агнии, первые два года она была полностью занята заботами о сыне и муже, с трудом сдала весеннюю сессию и даже подумывала об академическом отпуске, но Вера убедила её не делать этого. Любовь сотворила с Верой чудо, из застенчивой серой мышки она превратилась в привлекательную девушку, кокетливую и весёлую. После окончания первого курса Вера уехала в Москву, вышла замуж, стала москвичкой, первый год присылала только открытки с видами Москвы, ссылаясь на занятость.

Агния внимательно перечитывала открытки, писала Веру длинные письма об успехах маленького Антона, расспрашивала о столичной жизни. Она мечтала выбраться из скучного Бирюсинска в Иркутск, пыталась убедить мужа в том, что там у него будет гораздо больше возможностей для профессионального роста, но он категорически отказывался не только переезжать из родного города, но даже обсуждать эту тему, повторяя известную поговорку: «Где родился, там и пригодился».

Вера приглашала Агнию приехать в гости, хотя бы с сыном, но Агния понимала, что муж её никуда не отпустит никогда.

Измученная ревностью своего милиционера Агния думала только о том, как изменить безрадостную семейную жизнь, понимая, что здесь, в Бирюсинске, она не сможет этого сделать. Муж, как водится, пользовался уважением у начальства, сослуживцев, соседей, считался образцовым семьянином, его забота о ней и о сыне была очевидна, а его желание, чтобы жена занималась только семьёй, вызывала всеобщее одобрение, особенно у женщин, которые считали, что Агния слишком много о себе понимает. Её попытки сделать культурную жизнь в городе интереснее на-

сыщеннее, организовать самодеятельный театр, устраивать праздники для детей раздражали мужа, он считал, что это только повод для измен, он всё чаще стал выпивать, упрекая Агнию то в том, что она одевается слишком вызывающе, то в том, что кокетничает с мужчинами. Она слушала его молча, не пытаясь оправдаться, понимая, что любая подобная попытка ещё больше выведет его из себя, её терпение приводило мужа в ярость.

Агния вспомнила страшный случай, который произошёл около четверти века тому назад так ясно - крик, удар по лицу, ещё один, плач Антона, муж размахивает ремнём, она хватается сына и бежит...

Как поразительно устроен мозг! Щелчок и ты опять в настоящем из прошлого!

Агния вздрогнула, оглянулась, увидела поток машин, бульвар, лоб покрылся испариной. Она достала влажную салфетку из сумочки, несколько раз глубоко вздохнула.

Эту главу своей жизни она перечитывала так внимательно впервые спустя столько лет...

Хорошо, что её спрятала тогда у своей подруги крёстная, она же на следующий день принесла из дома Агнии документы, кое-что из вещей, дала денег и посадила на поезд до Иркутска.

Агния шла по улицам, не замечая их, она была у железнодорожной кассы, потом села в поезд и отправила телеграмму Вере в Москву.

Спустя столько лет Агния никак не могла понять, откуда у неё появились силы и решительность на бегство, которое полностью изменило их с сыном судьбу.

Помнится, что в течение пяти суток путешествия в поезде она думала о том, что не будет плакать ночами, глотать горстями успокоительные. Она не будет годами терпеть рядом с собой недостойного человека, расшибаясь ради него в лепешку, и не получая от него взамен даже десятой

доли того, что она дает ему. Она не потерпит оскорблений, тем более не простит мужа за то, что он поднял на неё руку, посмел замахнуться на сына.

Всю дорогу до Москвы Агния просила защиту у своего ангела хранителя, чтобы он не оставлял её, оберегал, предостерегал, был надёжной бронёй от невзгод, чтобы ангел послал ей встречи с людьми, готовыми её выслушать, и чтобы её слова и переживания воспринимали с пониманием.

Агния нервно вздохнула, волнение зашкаливало. Она почувствовала невероятную усталость.

Из прошлого она вернулась в настоящее.

«Что делать? - подумала она. Ответ не заставил себя ждать: «В пустой дом возвращаться не хочу, но и на скамейке в декабре долго не посидишь, - размышляла она, - разве что Вере позвонить?» Недолго думая, она нашла номер подруги, с которой их связывала почти тридцатилетняя дружба и нажала кнопку вызова, но телефон подруги был вне зоны доступа.

Агния сняла перчатки, достала из сумки цвета молочного шоколада изящное зеркальце, поправила шляпу, которая была в тон сумке, подкрасила губы алой помадой, щелкнула замочком пудреницы, удовлетворённо вздохнула, затем аккуратно закрыла сумку, поднялась и, поправив свободной рукой пальто, не спеша пошла по Никитскому бульвару к переходу, размышляя о том, куда пойти. Первая мысль, которая пришла ей в голову была о рынке.

- Вот где я смогу отвлечься от нахлынувших воспоминаний, - подумала она.

Села на троллейбус и поехала на рынок.

Пурпурные манго, красные и чёрные помидоры, синие баклажаны и сливы, оранжевые апельсины и мандарины, зелёные фейхоа, жёлтые лимоны - всё это гости, прибывшие в Москву издалека. Как много всевозможных послан-

ников тепла и солнца, ежедневно прибывают посмотреть на чудо-город из разных стран, чтобы подарить горожанам яркие цвета, экзотические ароматы и хорошее настроение. С надеждой ждут они своих покупателей, чтобы согреться. «Купите скорее нас, - шепчут они на разных языках, мы такие сочные, вкусные и полезные».

Агния не спеша ходила по рядам, собирая натюрморт из экзотических фруктов.

В это время зазвонил телефон. Звонила Вера. Стоило Агнии сказать подруге, что она второй день читает страницы своей жизни, которые изменили её судьбу, как Вера предложила встретиться, ведь им обеим есть, что почитать. Встретиться решили у Веры, потому что она жила рядом с рынком.

Вера впервые призналась Агнии о том, как неудобно ей было в первом браке жить со свекровью, которая ей постоянно делала замечания, но она выслушивала их молча, чем постепенно смягчила сердце матери мужа.

Первое время Москва пугала её, она стеснялась друзей мужа и избегала шумных компаний.

Вера прожила с мужем четверть века, вырастила дочь, выдала её замуж, стала бабушкой, и встретила свою, как она утверждает единственную любовь почти в пятьдесят лет, значит и у Агнии всё ещё впереди, как утверждает взрослый сын.

Затем они, перебивая друг друга, погрузились в воспоминания о приезде Агнии с сыном.

А вспомнить было что.

Денег у Агнии не было, прописки тоже, ситуация казалась безвыходной. Агния пыталась устроиться дворником, но её не хотели брать на работу из-за маленького ребёнка. И тут муж Веры рассказал о своём сослуживце Викторе, который живёт в крохотной комнате в коммуналке, мечтает купить себе кооперативную квартиру, но ему это не светит,

жениться он после развода категорически не хочет, мечтает о независимости в своей отдельной квартире.

Агния внимательно слушала рассказ о незнакомом Викторе и вдруг воскликнула:

- Познакомьте меня с этим Виктором! У меня есть идея!

Виктор после развода получил комнату на Автозаводской и почти каждый день приглашал к себе друзей поговорить о поэзии, истории, литературе. Пили сухое вино "Столовое" или "Гамзу", воодушевлялись своими и чужими стихами, читали «Самиздат». Главное, в этих встречах было присутствие молодости, и невероятная энергия ниспровергать авторитеты. Была безумная, прекрасная, сумбурная жизнь.

Виктор мечтал строить самолёты. Он часто вспоминал то знойное лето, когда мать отправила его в пионерский лагерь по бесплатной путёвке. Вот он лежит в степи на выжженной зноем земле, облизывая пересохшие губы. Воздух дрожит, мелкая мошкара лезет в глаза. Он отмахивается от неё, но безуспешно... Растрескавшаяся земля, с мольбой взывает к небу о дожде, но небо не внимлет. Он зажмуривается. Полноводная река принимает его в свои объятия. Вода, как парное молоко, обволакивает его. Хорошо! Гул проникает в его тело, постепенно нарастая, закладывает уши. Виктор открывает глаза, оглядывается по сторонам, пытаясь понять, откуда здесь в безлюдной степи этот странный гул. Высоко в небе он скорее угадывает, чем видит точку, и понимает, что где-то там летит самолёт. Он видел самолёты только в киножурналах и фильмах, а тут летит самый настоящий самолёт. Вглядываясь в небо, он пытается разглядеть его, но тщетно. В этот день он поклялся себе, что будет строить самолёты и жить в большом городе. Он шёл вслед за своей мечтой долгие годы, и она вначале осуществилась, а затем жизнь распорядилась так, что ему было нужно выживать, а не создавать, земля ухо-

дила из-под ног, исчезло бесследно то, что казалось невыблемым. Те, которые смогли перестроиться, выжили, остальных ждало разочарование и крушение надежд.

Их познакомили.

Серые глаза Виктора смотрели на неё настороженно, короткая стрижка, аккуратные усы над верхней губой. «Чем не жених?» - подумала Агния. Она была похожа на подростка, тоненькая с осунувшимся лицом, глаза её цвета остывшей золы блестели, казались огромными.

Виктор поправил воротник рубашки, выглядывающий из пуловера, улыбнулся. Агния старалась быть с Виктором искренней и позитивной, ей это удалось легко, и он поделился с ней своими несчастьями.

Агния хорошо понимала, как приятен неспешный разговор при настольной лампе вполголоса, когда собеседник понимает тебя с полуслова, а слова приобретают особый, доверительный смысл, который угадывается в малейших оттенках интонации, вполголоса можно решить любые вопросы, добиться взаимопонимания, тогда как попытки переубедить собеседника, как и давление на него, обречены на провал.

Агния прямо сказала Виктору, что ей нужна московская прописка, она предлагает ему обдумать вариант фиктивного брака, которые даст ей возможность решить свои проблемы, а ему - вступить в кооператив, после развода с ней, она же со своей стороны найдёт деньги ему на первый взнос.

Виктор обещал подумать.

Через несколько дней они встретились у Веры. Агния при встрече приветливо улыбнулась Виктору.

Он подошёл к ней и сказал:

- Возможно, мы можем помочь друг другу справиться с навалившимися проблемами.

- А я боялась, - сказала она, протягивая руку, - что вы передумаете. Значит, вы согласны?

Голос её обволакивал.

- Да, - уверенно ответил он.

- Знаешь, - обратилась она к Вере, - мы с Виктором пришли к деловому соглашению.

Вера удивлённо воскликнула:

- Вот как! Быстро вы нашли общий язык!

В загсе Агния была в черном платье, с небольшим воротником, острые углы которого заостряли подбородок её измождённого лица. Длинные волосы с каштановым отливом были перехвачены тонкой бархатной ленточкой.

Они решили жить вместе, чтобы экономить на оплате жилья и еды, а также не вызывать вопросов у соседки по квартире.

Агния не сразу согласилась на этот вариант.

- Как вы себе это представляете? - спросила Агния, вздёрнув брови.

- Предлагаю обсудить это на улице, без посторонних, - ответил он, надел пальто и со словами. - Я жду вас у подъезда, вышел.

Во дворе о чём-то шумно спорили мальчишки лет восьми-девяти, он усмехнулся, вспомнив о том, как прежде сам когда-то также выяснял отношения со своими сверстниками.

Доводы Виктора убедили её.

В этой условной семье Агнии удалось создать обстановку уюта, покоя и защищённости.

Из её жизни исчезли страсти, скандалы, недосказанности, постоянные приступы ревности. Она забыла прошлый кошмар как страшный сон.

- Неужели у вас с Виктором так ничего и не было, - спросила Вера недоверчиво.

- Хочешь, верь, хочешь не верь, но ничего, - сказала Агния.

- Невероятно! Как это с женщиной в одной комнате и без этого?!

- Так это!

- Но ты производила впечатление вполне себе довольной, спокойной жены, которая беспокоится только о своей семье.

Они помолчали.

- А как вы это объяснили Антону тогда? - решила спросить Вера. Этот вопрос не давал ей покоя все эти годы.

- Он очень переживал за меня, за неопределённость, за нашу неустроенность. - Агния глубоко вздохнула, пытаясь сдержать охватившее её волнение. - Поэтому всё понял.

Разговор пресекся на несколько минут.

Агния перенеслась в узкую комнатку на Автозаводской, и услышала голос Виктора:

- Если Антон не уgomонится, я найду способ его успокоить.

Агния благодарно вздохнула.

Отношения Виктора с её сыном Антоном были почти мирными, но периодически выходки сына доставляли серьёзные проблемы старушке-соседке, которая однажды пообещала обратиться к участковому, но Агния сумела найти способ договориться, угощая соседку своей выпечкой и осыпая комплиментами.

- Какая у вас милая комната! - воскликнула Агния, когда соседка по коммунальной квартире, старомодная старушка с поджатыми губами сухо предложила Агнии обсудить кое-что без свидетелей.

Комната была похожа на келью - повсюду киты, лампы, половички по крашеному полу.

- Если бы Антон узнал, что я у вас была, - продолжила она, - он назвал бы меня предательницей, категоричность свойственна детям в его возрасте. - Она покраснела и опустила глаза. Простите его, пожалуйста, - и протянула ей конверт со словами, - побалуйте себя!

- Ладно, только впредь пусть в местах общего пользования не безобразничает, - сказала соседка, примирительным тоном.

Виктор в тот день долго беседовал с Антоном, но разговор не получался, Антон дерзил и в результате вывел его из себя. Был час ночи, когда раздражённый Виктор выскочил из подъезда с непокрытой головой. Он был зол на себя, на Агнию, на Антона, на свою неудавшуюся жизнь.

Ночь была синяя, прозрачная, тихая. Виктор вглядывался в крупную, играющую звезду, которая, подмигивая, казалась, пытается ему сказать что-то важное, он долго шел, всматриваясь в неё. Гнев исчез бесследно, ему стало смешно, от того, что он всерьёз так разозлился на мальчишку, который не виноват в том, что он не может, да и не готов заменить ему отца.

В доме светились одно окно, неожиданно оно распахнулось, и голос Агнии, не громко, но как раз, чтобы слышно было, крикнул:

- Виктор! Возвращайся домой!

- Иду-у!

Она выглядела испуганной. На побледневшем лице глаза лихорадочно блестели.

- А-а, ты всё ещё не спишь, Антон, - сказала Агния, - ложись. Завтра тебя не поднимешь.

- Мама, ты его любишь?

Она тихо ответила:

- Сынок, он - хороший.

Антон натянул одеяло на худенькое плечо и опять спросил:

- Он вернётся?

- Конечно

- Он будет опять ругаться?

- Нет, сынок. Постарайся не реагировать так остро на его слова. Он просто сорвался от усталости.

- Я всё понял, мама, постараюсь его не злить.

- Молодец, сынок, я знаю, - ответила Агния, спи...

С Виктором они расстались мирно, поблагодарив друг друга. Какое-то время даже созванивались в канун Нового года, обменивались поздравлениями, желали друг другу счастья, постепенно пути их окончательно разошлись.

Антон стал успешным программистом, взял квартиру в ипотеку, но не спешит жениться, правда, всегда откликается на все её просьбы, но она старается его не грузить.

Постепенно она избавилась от чувства вины, раны сердца её затянулись. Прежде Агния реагировала на происходящие в жизни события очень бурно, импульсивно, порой ей казалось, что где-то в глубине её притаился дикий зверь, она следила за тем, чтобы он не просыпался. Восхищение, упоение, экстаз всё реже возникали в её душе. Она научилась ценить лёгкий восторг, возникающий от самых простых явлений окружающей жизни.

Надежда встретить своего единственного ещё теплится в её душе.

Агния по-прежнему верит, что любовь приходит к тем, кто её ждёт, что она создает условия для знакомства тех, кто предназначены друг другу, раскрывает все стороны их дарований. Любовь до поры до времени никому не ведома.

Грустные глаза Агнии цвета остывшей золы печально смотрели на тревожное небо, тревога не покидала её, она механически открыла перламутровую пудреницу и провела пуховкой по носу и лбу...

Сейчас она вглядывалась в темноту за окном, пытаясь понять то ли ещё не рассветало, то ли уже декабрьский день, погружённый во мрак, подходит к концу. Тяжёлые веки опустились и сомкнулись, она услышала фыркание невидимых лошадей, оглянулась, но не увидела никого, кроме сутулой фигуры Чехова в свете тусклого фонаря, ко-

торый покашливая от сырости и чахоточно поёживаясь, пробирался на ощупь по улице к своему очередному съёмному углу, ей захотелось спрятаться от декабрьского мрака за книгой, чтобы погрузится в старую Москву, но она решительно откинула одеяло, села на кровать и громко сказала: «Хватит предаваться утопическим мечтам! Вставай и иди навстречу судьбе, ведь жизнь состоит из случаев, не пропусти свой, лови прекрасные мгновенья, которые, на первый взгляд, происходят совершенно случайно, но являются судьбоносными, если ты готова к волшебным изменениям, решайся, рискуй, тогда неслучайное станет твоей судьбой».

Агния всё ещё верила в то, что желания магически действуют на человека, тянут к их осуществлению. Но ведь желание желанию - рознь. Не все они достойны исполнения, чтобы согласовать желания со смыслом жизни, необходимы воля и характер, а качества эти Агния с завидным упорством воспитывала в себе, прилагая значительные усилия, понимая, что поставить разумные границы желаниям необходимо, только так сильные целеустремлённые личности добиваются поставленных целей.

Небо над Москвой было многослойным. Низкие, тяжёлые, мрачные от влажности тучи ветер гнал с Запада на Восток. Над ними в глубине то появлялся, то исчезал прорыв голубого цвета, который местами прикрывали пушистые белые овечки. Агния стояла на Космодамианской набережной спиной к Дому Музыки на Красных холмах и не могла глаз оторвать от постоянно меняющихся небесных рисунков. Небо наградило её за внимание - сначала тучи открыли едва угадываемый огромный шар закатного солнца, в одно мгновение преобразились и похорошели, порозовев, затем, между куполами Спасо-Преображенского собора и башнями Новоспасского монастыря, солнечное колесо открылось полностью, оно было столь огромно, что

все храмы и дома на той стороне Москвы-реки стали казаться игрушечными. Темнело прямо на глазах. Огромный шар неспешно передвигался от одной башни к другой. И в этот момент Агния почувствовала под ногами Землю, что она едет на ней, как «маленький принц». Перед ней открылась невероятная картина - солнце между куполами, которые переливались в его лучах, смотрело только на неё, а затем смущенно прикрыло темными тучками сначала глазки, а потом всё личико, как будто маленькими ручками, и растаяло.

В эту ночь мягкий голос бабушки звал из занесённого снегом окошка: «Агнюша, иди есть!»

Прошрое не отпускало Агнию. Бабушка, репрессированная в 30-е годы полячка, дала ей это имя: «Агния», что значит «непорочная, чистая».

ЛИНИЯ НАСТАСЬИ ФИЛИППОВНЫ

«Феденька любимый», - едва улавливаю слова влюблённой женщины, и тут же одергиваю себя: «Какой ещё Феденька!». У меня в руках «Идиот», который я целую в переплёт.

Грусть всё чаще навевается ко мне в эти мрачные дни затянувшегося ноября, которые длятся уже третий месяц. Ах, как тоскует душа звёздной ночью в спящем городе по мягким искрящимся хлопьям, которые бесшумно падая, преображают его в сказочный мир вне времени, когда на улицах можно встретить писателя и его героев.

«- Вы изверг! - крикнула Настасья Филипповна, хохоча и хлопая в ладошки как девочка».

Очнувшись от видения, я вспоминаю встречу в библиотеке с Фёдором Михайловичем, которая перевернула мою жизнь так же, как его встреча с Анной Григорьевной во многом перевернула его жизнь и подарила возможность писателю заниматься творчеством, создавая гениальные произведения. Случайная, на первый взгляд, встреча, организованная посланником небесным, указала юной девушке путь в бессмертие, подарила любовь, которая плавно переросла в служение литературе. У каждого в жизни есть свой режиссёр, но нужно ещё понять, что это именно он, почувствовать, не упустить, несмотря на то, что в момент встречи это судьбоносное обстоятельство приведёт тебя к откровению с посланником небесным, если же ты преодолеешь все сомнения и страхи, то встреча эта станет смыслом твоей жизни. Попробуй-ка найти себе такого режиссёра, без счастливого

стечения обстоятельств тут никак не обойтись. Именно такая невероятная встреча случилась в моей жизни, изменив её так, что я почувствовала себя рождённой вновь.

«- Как! Точь-в-точь? Одна и та же история на двух концах Европы, и точь-в-точь такая же во всех подробностях, до светло-голубого платья! - настаивала безжалостная Настасья Филипповна. - Я вам "Independance Belge" пришлю!»

Любовь - светлое, но и самое коварное чувство, помогает преодолевать все сложности, если ты не пройдёшь мимо неё. Достоевский почувствовал это в Анне Сниткиной и «не прошёл мимо».

Всё должно сойтись в момент встречи - одиночество и жажда любви, творческое горение, понимание друг друга с полуслова, такое происходит крайне редко. Люди настолько по настрою отличаются друг от друга, что не то что не тянутся друг к другу, а стремятся игнорировать незнакомца, унижить, поставить на место, но на одинокого писателя взирала чистая понимающая душа, настроенная на его волну. Бесконечные ночи раздумий, тревог, страхов, такими мне представляются ночи писателя. Кошмары погружают его в болезненное состояние, бесчисленные образы реальной и вымышленной жизни рвутся в текст, чтобы обрести вечную жизнь.

«Настасья Филипповна хохотала как в истерике».

Снег переходит в дождь, который сначала робко касается карниза, постепенно усиливаясь, через короткое время уже стучит в окно, прогоняя сон.

В комнату мою входит Настасья Филипповна, вся сплетенная из страстей, которые разрывают её, своими всплесками влекут на невероятные поступки:

- Что ты знаешь о жизни, о страсти, которые терзают мою душу своими противоречиями? - говорит она мне.

Я растеряно молчу, пытаюсь запомнить её горящий притягивающий взгляд, в котором соединились все оттенки чувств беспокойной, мечущейся души, тревога, страсть, бесконечные споры с собой. Настасья Филипповна вся состоит из страстей, которые раскачивают её как на качелях между спасением души и её гибелью. Жажда истиной любви и горькая обида маленькой девочки не дают покоя ей, она в который раз пытается внушить и себе, и мне то, что не достойна наслаждаться любовью человека с чистой душой ребёнка, что ради его счастья готова себя погубить в страстях того, кто жаждет её и пугает, понимая, что её ждёт, принимает решение принести себя в жертву ради спасения души светлого возлюбленного. Настасья Филипповна догадывается, что не следует позволять зависти и обидам испортить себе жизнь, но избавиться от своих бед и несчастий она не в состоянии, когда не видит другого выхода, кроме как сознательно погубить себя. Превратить опыт в судьбу не позволяет вздорный характер, так обстановка, накалённая до предела, приводит к огненной вспышке.

«Настасья Филипповна, взглядевшись в опрокинутое лицо Рогожина, вдруг засмеялась.

- Восемнадцать тысяч, мне? Вот сейчас мужик и скажется! - прибавила она вдруг с наглою фамильярностью и привстала с дивана, как бы собираясь ехать».

Я зажигаю свечу, которая напоминает мне пронзительное из Максимилиана Волошина: «Промозглым утром бледный Достоевский // Горит свечой, всходя на эшафот...»

Молва, молитвы, молчаливость - всё связано узлом переживаний при гаснущей свече, успокоение приходит при тихом шёпоте о горестной судьбе. Свеча гаснет безжалостно, но не об этом речь, потому что всегда у нас безжалостность некстати. Жизнь особенно безжалостна в моменты

переживаний и обид, особенно незаслуженных, когда острая боль кинжалом впивается в сердце и не отпускает; зрение и слух притупляются, в такие моменты ураганом из глубины души наваливается всё пережитое прежде, завязываясь в узел боли, которая не даёт дышать, нет сил терпеть, подступает отчаяние, а окружающие люди сбиваются в страшную тёмную силу, от которой некуда деться.

Настасья Филипповна поведала мне о том, как она рано, осиротевшая «дочь бедного помещика, была взята на воспитание дельцом и богачом Тоцким, для которого стала впоследствии предметом жизненных утех»; как, узнав о том, что её развратитель намерен жениться, она отправилась в Петербург, резко изменив судьбу свою неожиданно даже для себя, бросив «свой деревенский домик и вдруг явилась в Петербург, прямо к Тоцкому, одна-одинехонька», так в судьбе её произошел чрезвычайный поворот; поведала, о своей обиде и желании мстить развратнику, надругавшемуся над ее мечтами о человеческом счастье и чистой жизни, стремлением вырваться из душного мира цинизма и низости, чтоб возродиться для глубокого чувства и душевного счастья; о том, как знакомство с князем Мышкиным, столь не похожим на окружающих ее представителей великосветского Петербурга показалось ей спасением, он первый почувствовал её затаённое внутреннее страдание, его предложение руки на мгновение вызвало у неё желание освободиться от ужасов прежней жизни и возродиться; что она полюбила его, но затем страх погубить его оказался сильнее надежды, поэтому она отчаянно металась в поисках выхода, то принимая, то отвергая предложение князя Мышкина, то соглашаясь на свадьбу с Ганей Иволгиным, понимая всю её продажную суть. Но где взять сил беззащитной и в тоже время сильной, чуткой и ранимой в глубине души женщине в мире, где цель и смысл деньги?

Я смотрела на героиню Достоевского и восхищалась тем, как писатель мастерски передаёт атмосферу, напряжение и сарказм в сцене объяснения Настасьи Филипповны с Тоцким. Как искрят слова, которыми автор живописует то, как циничное, жестокое отношение Тоцкого изменило характер Настасьи Филипповны - некогда робкой, наивной, иногда грустной, задумчивой, а порой недоверчивой, плачущей и беспокойной девочки, её превращение в саркастическое существо, полное глубочайшего презрения, к нему.

Сколько страсти, сколько боли и обиды!

«- Не просите прощения, - засмеялась Настасья Филипповна, - этим нарушится вся странность и оригинальность».

Настасья Филипповна так глубоко проникла в моё сердце, что я вижу её, слышу несколько хриловатый голос, вижу, как бледнеет её лицо, думая о том, что моим героиням даже в страшном сне не снилось столько боли.

Настасья Филипповна обладает недостижимым чувством собственного достоинства, буря страданий не даёт покоя её оскорбленной нравственно одаренной душе.

«- Что это такое? - спросила Настасья Филипповна, пристально и любопытно оглядев Рогожина и указывая глазами на «предмет».

- Сто тысяч! - ответил тот почти шепотом».

Вопреки мнению постоянных посетителей её роскошной квартиры, у неё репутация бескорыстной женщины. Никто не может похвалиться успехом у этой всем известной содержанки в Петербурге. Связь её с Тоцким только видимость - она живёт замкнуто, круг общения её - какие-то бедные чиновницы, захудалые актрисы, семейство безвестного учителя. Она любит юродивых и старушек. Ее влечет ко всему незаметному, смиренному, убогому.

«Настасья Филипповна от роскоши не отказывалась, даже любила ее, но... никак не поддавалась ей, точно всегда могла и без нее обойтись...».

Общество, собравшееся у Настасьи Филипповны, состояло из самых обыкновенных и всегдашних ее знакомых.

Изредка у нее собираются ценители ее блестящей внешности. Остроумная, увлекающаяся, неотразимая, она обладает тонким даром беседы, искусством меткой реплики, умением вести опасный спор. Слушатели дивятся «блестящему уму и светлому чувству, с которым она иногда рассказывала, когда увлекалась».

Внешность ее поражает законченностью черт и какой-то скорбной одухотворенностью. «С этакою красотой можно мир перевернуть!» Гордое совершенство её облика пронизано внутренней болью и словно предвещает безумие. В Мышкине её портрет вызывает глубочайшее сострадание и мысль о доброте, которая могла бы спасти эту мятущуюся натуру. Её ослепительные черты вселяют в него тревогу и ужас, он страшится этого великолепного лица, в котором есть нечто грозное.

Эта красавица с горящими глазами говорила так страстно и искренне, что я боялась вздохнуть, чтобы не нарушить особые доверительные отношения, возникшие между Настасьей Филипповной и мной. Она была бледна и необычайно хороша собой, её голос очаровал меня, а писатель, который её создал, совершенно устранился и не мешал нашему разговору. Я же не пыталась выразить своё сочувствие, понимая, почему она бессильна бороться, когда появляется Рогожин, который увозит её, невесту князя Мышкина, выкупив её, как товар за сто тысяч рублей.

Я слушала её, думая о том, сколько страсти, любви, жажды счастья и горести пережил писатель, как глубочайший психоаналитик и тончайший лирик, создавая образ этой роковой женщины.

Настасья Филипповна, одержимая чувственной страстью, называет себя «уличной», «рогожинской», «бесстыдной», лицо её, выражает «необъятную гордость» мстительницы, не знающей пощады, обладающей красотой «фантастической и демонической», которая приведёт ее к гибели, это очевидно, но она давно уже перестала дорожить собой, и готова сама себя погубить безвозвратно Сибирью и каторгой, лишь бы отомстить Афанасию Ивановичу, к которому она питает отвращение невероятной силы.

Гаснет догоревшая свеча. Настасья Филипповна замолкает. Я зажигаю новую свечу, которая значительно больше предыдущей, надеясь на продолжение рассказа моей гостьи, оглядываюсь, но в комнате никого нет. Мысли о ней не покидают меня.

Любовь для большинства женщин во все времена есть смысл существования, в этом я убеждаюсь на протяжении своей жизни. Женщины жизнеспособнее, целомудреннее, но не в узком понятии, а в значении целостности. Нераздельная целостность - это мудрость: мир и гармония души, ума, сердца.

Размышляя над тем, что объединяет образы женщин Достоевского, я пришла к выводу, что это, прежде всего нежное, трепетное отношение к ним самого автора-создателя, но в каждом последующем произведении Достоевский дополняет уже известные образы новыми чертами, подчёркивая отсутствие в поступках своей героини преднамеренности, он пишет, что Настасья Филипповна «хотя приняла предложенный ей комфорт, но жила очень скромно и почти ничего в эти пять лет не скопила. Жила она больше уединенно, читала, даже училась, любила музыку. Знакомств имела мало: она всё зналась с какими-то бедными и смешными чиновницами, знала двух каких-то актрис, каких-то старух, очень любила многочисленное семейство одного почтенного учителя, и в семействе этом и ее очень любили

и с удовольствием принимали. Довольно часто по вечерам сходились к ней пять-шесть человек знакомых, не более...»

О красоте её знали все, но никто не мог рассказать какие-либо подробности о ней. В её метаниях преобладает покорность судьбе, которая к ней несправедлива. Настасья Филипповна вслед за другими убедила себя в том, что она падшая, низкая женщина. Находясь в плену бытовой морали, она даже называет себя уличной, хочет казаться хуже, чем есть, ведёт себя эксцентрично. Настасья Филипповна - женщина чувства. Но она уже не способна любить. Она знает цену этому миру и потому отказывается от него. Ибо в мире ей встречаются люди или выше, или ниже неё. И с теми и с другими она быть не хочет. Первых она, по ее пониманию, недостойна, а вторые недостойны ее. Она отказывается от Мышкина и едет с Рогожиным, продолжая метаться между Мышкиным и Рогожиным, пока не погибнет под ножом последнего. Мира ее красота не перевернула. "Мир погубил красоту".

Особенно завораживает меня описание дня её рождения, когда накал страстей достигает невероятной силы. Напряжённое ожидание разлито в комнате, хозяйка то нервно смеётся, то бледнеет, теряя силы на глазах у взволнованных посетителей, то неожиданно предлагает гостям шампанское, давая понять, что их ждёт нечто необычное, когда волнение зашкаливает. Наконец, раздаётся звонок колокольчика и горничная докладывает, что прибыл Рогожин с компанией, обстановка накаляется до предела, каждый из присутствующих чувствует, что вот-вот произойдёт нечто невероятное. Достоевский умеет доводить напряжение до того, что я отдёргиваю пальцы от клавиш компьютера, как будто по ним пробежал электрический разряд. Все взгляды устремлены на Настасью Филипповну, которая едва сдерживает невероятное волнение.

Для нее ситуация уже давно зашла в тупик. Отказавшись выйти за князя, она соглашается ехать за деньги с Рогожиным, но всё её поведение указывает на то, что решение такое было принято в крайнем отчаянии. Несмотря на то, что есть ещё две альтернативы: князь Мышкин и Ганя. Князь любит её, а Ганя женится из меркантильных интересов, испытывая к ней страсть смешанную с ненавистью.

Рогожин же открыто покупает её за сто тысяч, но предлагает ещё один способ оплаты, кроме денег - свою безумную любовь. Отказ Настасьи Филипповны от, казалось бы, блестящего разрешения ситуации - выйти замуж за Мышкина, который к тому же стал богатым, получив неожиданное наследство, вызван тем, что чувства в ней перегорели, и любит она "один свой позор".

В ярости Настасья Филипповна выхватывает у Рогожина деньги и бросает их в огонь, предлагая Гане достать пачку из огня голыми руками, чтобы получить все сто тысяч. На самом деле в этой сцене она бросает вызов всем присутствующим, для которых деньги дороже чести, совести, любви... Всюду крики, охи, стоны. Никто не остается равнодушным к горящим деньгам.

Раздаются голоса о том, что Настасья Филипповна сошла с ума, но она не реагирует на них, а только «схватила каминные щипцы, разгребла два тлевшие полена и, чуть только вспыхнул огонь, бросила на него пачку».

Как только пачка вспыхнула в камине, «все ахнули». Лишь Мышкин и Рогожин ведут себя по-другому. Мышкин «наблюдал грустно и молча», а Рогожин «весь обратился в один неподвижный взгляд. Он оторваться не мог от Настасьи Филипповны, он упивался, он был на седьмом небе»: «Вот это так королева... вот это так по-нашему... кто из вас, мазурики, такую штуку сделает, а?»

Ганя, которому выпало в этот день слишком много, к этому последнему неожиданному испытанию не был готов.

«Толпа расступилась пред ними на две половины, и он остался глаз на глаз с Настасьей Филипповной, в трех шагах от неё расстояния. Она стояла у самого камина и ждала, не спуская с него огненного, пристального взгляда. Ганя, во фраке, со шляпой в руке и с перчатками, стоял пред нею молча и безответно, скрестив руки и смотря на огонь. Безумная улыбка бродила на его бледном как платок лице. Правда, он не мог отвести глаз от огня, от затлевшейся пачки; но, казалось, что-то новое вошло ему в душу; как будто он поклялся выдержать пытку; он не двигался с места; через несколько мгновений всем стало ясно, что он не пойдет за пачкой, не хочет идти.

- Эй, сгорят, тебя же застыдят, - кричала ему Настасья Филипповна, - ведь после повесишься, я не шучу!

Огонь, вспыхнувший вначале между двумя дотлевавшими головнями, сперва было потух, когда упала на него и придавила его пачка. Но маленькое синее пламя еще цеплялось снизу за один угол нижней головешки. Наконец тонкий, длинный язычок огня лизнул и пачку, прицепился и побежал вверх по бумаге по углам, и вдруг вся пачка вспыхнула в камине, и яркое пламя рванулось вверх. Все ахнули».

Достоевский хорошо знал силу и власть денег, которые появлялись и исчезали в одно мгновение, деньги обесценивают любовь, свободу, честь.

Для Настасьи Филипповны же огонь стал своего рода очищением и освобождением. Бросив в огонь деньги и покинув дом с Рогожиным просто так, она пыталась доказать свою свободу совершать поступки, которые кому-то могут показаться безумными. Кроме того, это и месть. Мечь Гане и всему обществу, которое вовлекло ее в свой «рынок», заставило стать «продажной».

Настасья Филипповна устраивает настоящий скандал и раскрывает все карты, открыто бросая вызов обществу:

«А теперь я гулять хочу, я ведь уличная!.. Смотри, князь, твоя невеста деньги взяла, потому что она распутная, а ты её брать хотел!... Мои деньги! Я их за ночь у Рогожина взяла!»

Встреча Настасьи Филипповны с князем Мышкиным ночью в Павловске у дачи Епанчиных совершенно завораживает меня, столь убедительно Достоевский передаёт искреннюю сердечность и самопожертвование героини: «И вот, наконец, она стояла перед ним лицом к лицу, в первый раз после их разлуки; она что-то говорила ему, но он молча смотрел на нее; сердце его переполнилось и заняло от боли. О, никогда потом не мог он забыть эту встречу с ней и вспоминал всегда с одинаковою болью. Она опустилась пред ним на колена, тут же на улице, как исступленная; он отступил в испуге, а она ловила его руку, чтобы целовать ее, и точно так же, как и давеча в его сне, слезы блистали теперь на ее длинных ресницах.

- Встань, встань! - говорил он испуганным шепотом, подымая ее. - Встань скорее!

- Ты счастлив? Счастлив? - спрашивала она. - Мне только одно слово скажи, счастлив ты теперь?..

- Успокойся, встань - проговорил он в отчаянии.

Она жадно всматривалась в него, схватившись за его руки.

- Прощай! - сказала она, наконец, встала и быстро пошла от него, почти побежала. Князь видел, что подле нее вдруг очутился Рогожин, подхватил ее под руку и повел!».

Каждая женщина одарена чём-то. Если вдуматься, то все изобретения и поступки мужчины совершают ради женщин. Женщина - врождённый психолог. Женская интуиция творит чудеса, если она прислушивается к ней. Не зря говорят, что женщина - шея: куда захочет, туда и голову мужчины повернёт. В голове моей целая череда образов и впечатлений, но Настасья Филипповна не покидает меня,

она приходит ко мне, когда я и сижу перед чистым листом бумаги, вся в спорах с возможными героями. Порой для того, чтобы принять решение, мне необходимо отвлечься на какое-то время от размышлений. Решение приходит внезапно, как озарение, и как будто само собой. Вдруг, чётко всплывает картина вместе с героиней, которая, отеснив остальных, вдруг заполняет всё пространство.

Надо чувствовать линию Настасьи Филипповны, помнить о том, что ей 25 лет. Её мечты и желания мне понятны, ведь практически каждая девочка в юном возрасте мечтает о любви, интуитивно ищет именно свою любовь, на всю жизнь, создаёт свой идеал семейной жизни, и я когда-то рисовала себе наивные картины счастливой жизни, но в них присутствовала романтика, глядя на героиню, я невольно подумала о том, что жизненный уклад и в наше время не изменился, в третьем тысячелетии, только ушла романтика; деньги, дома, машины, драгоценности - вот мечты, о которых только и слышно, и все пересуды строятся на том, кто с кем переспал, чей, ребёнок, кто кому и сколько должен, что кому принадлежит.

Проницательная Людмила Сараскина подчёркивает главное в интересующей меня линии не только Настасьи Филипповны, но и самого Достоевского: «Князь Мышкин, глядя на портрет Настасьи Филипповны, видя, как она изумительно хороша, говорит: «Ах, кабы она была добра, всё было бы спасено!» Вот зачем нужен Достоевский - понимать людей, чувствовать всякого человека, знать, как ему помочь, - это нужно для того, чтобы жить. Если ты хочешь быть бессмысленной травой или насекомым, - можно обойтись и без Достоевского».

Я знаю, что после дождя, непременно будет ясно, может быть, не сразу, но обязательно будет. Я кожей чувствую ложь, подлость, предательство, лукавство, но я не властна над своими мыслями. Я не всегда могу держать под кон-

тролем свои эмоции, например, в общении с руководителями долгие годы была слишком дерзка и язвительна, чем значительно осложняла жизнь себе и окружающим. Теперь-то я понимаю, что следовало сдерживать эмоции, которые и сегодня могут накрыть меня порывистым ветром, подхватить и моё второе я будет с изумлением наблюдать за происходящим.

Бессмертные произведения создают только такие мастера, которые созвучны небесам. При слове «красота» я сразу вспоминаю Достоевского, он верил, что красота спасёт мир. Литература действует на исправление нравов очень медленно, через века. Писатель есть над миром существо, он ангелом парит тысячелетия, спасая красоту. Вот где идеал, к которому нужно стремиться на протяжении всей жизни - создание красоты в своей душе, передав многообразия тончайших оттенков в книге, в которой звучит музыка, присутствует мудрость и глубина мысли.

Но и визг:

«- Это меня-то бесстыжею называют!»

АЛЁНУШКА

- Алёнушка пришла?

- Пришла! - с чувством, присущим доверчивым душам, но и с нескрываемой усмешкой, восклицали старшеклассники.

Есть же такие незаметные женщины, которые как бы и вовсе не существуют. Вот идёт она по улице в старых кроссовках, в каком-то длинном синем балахоне, в вязаной шапочке, в несуразных очках, что и внимания на такую никто не обращает. А сколько их в Москве. Мы пробегаем сквозь толпы, особенно в метро, не различая лиц. Какое им дело до них!

Ей не хотелось сегодня, в воскресенье, выходить из дому, да к тому же всю ночь стучал по металлическому отливу окна дождь, хотя была зима в разгаре, но это только слово «зима», а если это слово забыть и выглянуть в окно, там сплошной водный мираж, на котором расплываются желтые цветочки ночных фонарей, и хочется поскорей нырнуть под одеяло, и она оглянулась, а там уже лежит котик любимый, место занято...

Но стоит ей перешагнуть порог школы, в которой она почти сорок лет преподаёт русский язык и литературу, как её окружают восторженные ученики.

Нужно, наверное, пытаться жить в гармонии с собой, а это требует определённых усилий.

Важность наших повседневных дел - иллюзорна. Чаше надо на небо смотреть.

Звали её более чем обычно, Алёна Викторовна, но необычны были её уроки.

В этом году осень припозднилась на полтора месяца, а зима забыла дорогу в Москву.

Позднюю осень Алёна Викторовна любила за рисунки ветвей деревьев на фоне меняющегося неба, которые она воспринимала как зашифрованную книгу, запечатлевшую в вечности хронику уходящего года. Эти рисунки волновали её столько, сколько она себя помнила, поздней осенью в душе её расцветала весна. Ведь пришла она в эту жизнь именно поздней осенью. Самые важные встречи, события жизни от ошеломляющего счастья, до глубоких душевных ран у неё случались именно поздней осенью. Из года в год она с волнением ждала, чем поразит её уходящая осень на этот раз. Осенние дни своим непостоянством и переменчивостью навевали воспоминания о лете, одаривая внезапно слепящим жарким солнцем, чередующимся с затяжными, грустными дождями. Ранними осенними сумерками она мечтала о новом снеге и жадно ловила первые нежные снежинки. Нередко поздняя осень удивляет грозой, после которой на деревьях наливаются почки, появляется новая нежная трава, а птицы в недоумении пытаются понять, неужели уже весна?! Начинается переполох.

«Поздняя осень любит заигрывать с летом, забывая о своих обязанностях. Мастерница она на сюрпризы», - размышляя об этом, Алёна Викторовна увидела на крыльце дома, на первом этаже которого была библиотека, стопки книг. Книги лежали, как будто съёжившись, Она ускорила шаг, подошла к ним, ей показалось, что они стонут оттого, что их даже не посчитали нужным завернуть, просто выбросили, они уже не нужны.

На верхней книге одной из стопок лежал мокрый жёлто-красный кленовый лист. Алёна Викторовна осторожно подняла его, и увидела книгу Толстого «Анна Каренина», от неожиданности она вздрогнула.

Алёна Викторовна вспомнила, как пару лет назад проходил урок по этому материалу. Она даже услышала свой голос:

- Как приятно видеть вас здоровыми, хотелось бы, чтобы так было всегда. Сегодня мы поговорим о романе Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина».

Тогда Алёна Викторовна обвела глазами класс, отметив про себя, что только глаза двух учениц её слушают, остальные были погружены в свои смартфоны, и, вряд ли слышали её голос.

- Прошу убрать телефоны и вернуться в класс, - попросила она, повысив голос ровно настолько, чтобы привлечь внимание, и ей это удалось.

- Поднимите руки те, кто хотя бы пытался читать этот роман?

Две девочки подняли руку, остальные смотрели на учительницу с интересом, ожидая её реакцию, но Алёна Викторовна спокойно произнесла:

- Значит, будем знакомиться с этим произведением вместе.

Алёна Викторовна никогда не спрашивала материал у учеников по памяти. Вот и сегодня, прежде чем вызвать кого-то к доске, остановила взгляд на Гончаренко и спросила, есть ли у него с собой «Каренина».

- У меня нет её, - сказал, покраснев, Гончаренко, поднимаясь.

- Возьми у кого-нибудь, - ответила она.

- У меня есть! - воскликнула Осипова, протягивая книгу Гончаренко через проход.

Он вышел с книгой к доске.

- Открой наугад роман. На середине. Читай сверху всю страницу.

Гончаренко начал читать: «Степан Аркадьич любил победать, но еще более любил дать обед, небольшой, но

утонченный и по еде, и питью, и по выбору гостей. Программа нынешнего обеда ему очень понравилась: будут окуни живые, спаржа...»

Дочитав, он смолк. В классе наступила тишина.

Алёне Викторовне удалось увлечь всех учеников в обсуждение, прочитанной страницы, особенностей языка Толстого, когда же она задала вопрос:

- Вершинина, что ты можешь сказать об использовании эпитетов в прочитанном тексте?

Вершинина поднялась с места и, коснувшись рукой лба, попыталась изобразить мыслительный процесс. Пауза затянулась, но раздался звонок на перемену.

Теперь же дети, а для неё и выпускной класс был детьми, сами ожидали того момента, когда Алёна Викторовна начнёт плести свои устные мысли, которые их буквально преображали.

Бывают минуты, когда хочется еще и еще раз заглянуть в Чехова. Почему именно в Чехова? Да потому, что он никогда не пишет сюжет, он везде и всюду - художник. А художественное всегда проникает в душу.

По дороге домой Алёна Викторовна размышляла о том, насколько каждый новый учебный год ученики отличаются друг от друга, как меняется отношение к чтению, люди спешат жить, торопятся, поток информации постоянно увеличивается, мир цифровых технологий совершенствуется ежеминутно, увлекая детей и подростков, которые всё меньше времени уделяют чтению книг, хотя возможности для этого безграничны, не нужно выходить из дома, достаточно найти текст книги в интернете, чтобы наслаждаться чтением.

В воздухе кружили редкие снежинки. Алёна Викторовна почувствовала щемящую тоску по морозному снежному дню.

Обычно, вернувшись из школы, она спрашивала:

- Коля, ты ел?

Муж у себя за компьютером.

- Нет, - не поворачивая головы, отвечает он.

- Сейчас что-нибудь приготовлю, - так же не глядя в его сторону, говорит она, проходя на кухню.

После ужина включает компьютер, и с ходу открыла «Анну Каренину», и замерла.

- Это же открытие. Конец бумажной эпохи, - шепчет она.

Масли вихрем пронесли в голове: «Мы живем не просто в XXI веке, а, трудно поверить, в третьем тысячелетии от Рождества Христова. Информация распространяется по всему миру мгновенно, стоит только нажать на клавишу».

Тем временем поспели котлеты, и муж Коля с превеликим удовольствием поужинал.

Любовь, выражение чувств, праздник - всё это очень личное, и у каждой пары есть свои праздники, и именно они прекрасны. Судьба каждой женщине дарит возможность и счастье полюбить на протяжении жизни, нужно просто читать её знаки.

Было время, когда возможность подписаться на литературно-художественные журналы, их ещё называли толстыми, считалась привилегией. Получить такой журнал в библиотеке на дом удавалось прежде самим библиотекарям, их друзьям, родственникам и, записавшись в очередь, через несколько месяцев, если за это время журнал не «зачитают». Это и понятно, ведь в них удавалось печатать авторов, которых не издавали при жизни вообще. Вместе с исчезновением СССР, исчезла и цензура, и хлынул многомиллионный поток запрещённой ранее литературы. Но коллективы этих журналов не хотели и не хотят мириться с этой реальностью. Потребности в них нет никакой, поскольку любой автор может спокойно пойти в типографию, и напечатать то, что ему нравится без всяких редакторов. Но сила этих совковых коллективов не утрачена. На всех глазах они кричат, что без них литература погибнет, и выка-

чивают всеми правдами и неправдами средства из бюджета. Мало того, навязывают свои издания библиотекам, используя чиновничий административный ресурс, ибо в продаже их никто не покупает.

Её голова постоянно вскипала от переполнявших мыслей, которые выливались через край, особенно, когда её что-то беспокоило, как, например, помпезные праздники: «Я не люблю государственные праздники, не люблю вместе со всеми что-то такое отмечать, да ещё при этом чокаться бокалами. И тут, в этом месте, я вспомнила знаменитую фразу о празднике, который всегда со мной. Тут я пишу именно о себе, потому что о моих праздниках знаю только я. И вот я вспомнила, что в юности мне очень нравилась книга Эрнеста Хемингуэя под таким же названием - «Праздник, который всегда с тобой». Хемингуэй в Париже, работает регулярно, каждый день, как некоторые современные наши писатели. И Хемингуэй ужасно не любил, когда ему мешали работать. Он садился где-нибудь в кафе и писал. В это время какой-нибудь посетитель узнавал его, подсаживался и начинал втягивать его в разговор. Хемингуэй достаточно резко обрывал незваного гостя, на что тот сильно обижался, обвиняя писателя в бестактности. Многие вещи, сказанные в этой книге, актуальны по сей день. Например, о том, что Фёдор Достоевский страдал словесным недержанием, был болен болезнью, которую ныне именуют логореей, но, несмотря на это, Хемингуэй любил этого писателя за его подсознательное проникновение в тайники человеческой души. Сильная личность всегда независима в своих суждениях. Это и есть праздник».

Она не расставалась со своими мыслями даже на уроках, говорила одно, а думала о другом.

Московская погода нагоняет тоску, суть которой точно передаёт стихотворение Ивана Бунина: «Когда на тёмный город сходит // В глухую ночь глубокий сон, // Когда ме-

тель, кружась, заводит // На колокольнях перезвон, // -
Как жутко сердце замирает! // Как заунывно в этот час, //
Сквозь вопли бури, долетает // Колоколов невнятный
глас!»

Настроение в эти дни также переменчиво, как и погода. Вместе с солнцем, чистым небом и каплей душа наполняется тревожной радостью и предчувствием непонятого и недостижимого счастья, а в серые, хмурые дни, когда метёт метель, снег слепит глаза, - на сердце тоска, грусть и некуда деться от воспоминаний о самых печальных днях жизни, хочется спрятаться от самого себя, от своих мыслей.

Но разве можно спрятаться от гениальной литературы?

А уж когда подходили к Чехову, то души учеников расцветали.

Антон Чехов создал и подарил нам свой огромный мир, которым уже более ста лет не устают восхищаться читатели. Он обладал талантом «коротко говорить о длинных вещах». Во время беседы с друзьями слова льются рекой, мысли толпятся в голове, торопят тебя и как бы кричат: «сейчас - я, моя очередь», - никаких затруднений в устной речи не возникает. Стоит только попытаться записать их - не можешь написать ни одной буквы, потому что не только слова, но и мысли исчезают. Переход к письменной речи так труден для начинающих потому, что написанное слово живёт своей самостоятельной жизнью, а звуки исчезают бесследно.

Да, вздохнула я, чем больше читаешь, тем печальнее осознаёшь краткость жизни. И как она была приятно удивлена, когда на одном из уроков Гончаренко проскандировал из Марины Цветаевой. Да и при этом пояснил, что Марина Цветаева написала о книгах стихотворение, которое точно передаёт детское ощущение счастья от чтения: «Из рая детского житья // Вы мне привет прощальный шлете, // Не изменившие друзья // В потертом, красном перепле-

те. // Чуть легкий выучен урок, // Бегу тотчас же к вам, бывало. // - Уж поздно! - Мама, десять строк!..- // Но, к счастью, мама забывала. // Дрожат на люстрах огоньки... // Как хорошо за книгой дома!»

О себе она говорила, что чтение для неё с детства - это ритуал: настольная бордовая лампа с зелёным абажуром, полумрак, книга и запах пирогов. Какое наслаждение путешествовать во времени и пространстве, читая книгу далеко за полночь, и родителей дома нет. А теперь и родителей нет, а она читает и читает.

Когда Алёна Викторовна видит у писателя со вкусом удачно построенную фразу, то довольно часто вспоминает «Золотую розу» Константина Паустовского. Само повествование в этой вещи пронизано украшенностью, и Алёнушка, так её муж ласково называл, и так за глаза звали её школьники, понимает, что художественная проза - это украшенный со вкусом текст. Так безликая массовая архитектура, то есть вообще без архитектуры, а плоские блочные дома навевают тоску, как будто их делали такие же серые, плоские люди, лишённые чувства прекрасного. А вот в старой Москве еще встречаются дома с лепниной, с резными наличниками, с кариатидами и атлантами, с мозаикой модерна. И Алёнушка понимает, что человек рожден жить украшено. Не напрасно говорится, что именно красота спасает мир.

И она спасает. Ученики Алёны Викторовны двадцатилетней давности стали докторами наук, видными писателями, а один даже послом то ли в Перу, то ли на Ямайке...

Она вспоминала, что во времена её детства самым любимым занятием у неё и её друзей было чтение. Например, она наслаждалась книгами Николая Гарина-Михайловского: «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры». Позднее она была влюблена в прозу Уильяма Фолкнера, в трилогию о Сноупсах. И тогда Алёнушка стала заме-

чать, что её мысленный мир расширяется через мастерски написанное художественное слово. С годами она стала понимать, что мысль как таковая выражается только словами. Некоторые люди думают, что мысль – это нечто воздушное, неосязаемое. Но там, где нет слова, там нет мысли. Да. А тогда, в детстве и юности мы любили собираться вечерами в укромных местах и пересказывать только что прочитанные книги. Особенным уважением пользовались ребята, которые имели доступ к взрослым книгам. Книги с той поры – самые верные друзья Алёнушки, а чтение так и осталось её любимым занятием. Она не понимает вопроса о любимом писателе, каждый серьёзный, классический писатель дарит свой художественный мир. Путешествуя по миру литературы, Алёнушка открывала новые и новые миры и они гораздо разнообразнее и увлекательнее были для неё, чем любые другие путешествия.

И эти внутренние монологи довольно-таки часто сами собой озвучивались, тогда ученики затихали с открытыми ртами, думая, не сошла ли Алёна Викторовна с ума, внимая её голосу, особенно, когда она касалась Достоевского.

Судьба была предельно сурова к Фёдору Достоевскому, особенно в молодые годы. Подобные испытания ломали судьбы многих, но талант и потребность писать позволяли ему преодолевать все препятствия на тернистом жизненном пути. Но у него была одна проблема, которую, подчас, преодолеть у него не было сил. Алёна Викторовна имела в виду его отношения с женщинами. В период работы над «Игроком» – эта проблема проявилась наиболее ярко. Он был весь издерган, замучен, буквально зачумлён ситуацией, в которой оказался в связи с договором с издателем Стелловским. Если бы рядом с ним в это время была любящая женщина, то он бы всё это переносил гораздо спокойнее. На взгляд Алёны Викторовны, он был неудовлетворённым мужчиной, он с его страстью, с его сексуальной по-

тенцией, с его эротической одержимостью не мог обходиться без любви. И тут судьба посылает ему молоденькую, сразу влюбившуюся в него Аню Сниткину. Они сошлись в любовном экстазе сразу, он буквально съел её, творчески взлетев до небес. За очень короткое время надиктовал «Игрока», постоянно прерываясь для близости. Роман был сдан в срок. И жизнь потекла в заоблачных высях любви и творчества.

Директор обязательно спрашивал, сталкиваясь с Алёной Викторовной: «Что новенького на литературном фронте?»

И всегда Алёна Викторовна предлагала:

- Совершенно невероятной силы роман Нарокова!

В каждом без исключения ребёнке с младенческого возраста проявляются определённые склонности, предпочтения, увлечения. Важно помочь ему развить их, поддержать, но самым необходимым условием развития таланта всё-таки является характер, сила воли. Уверенность в себе, убеждённость в правильности поставленной цели, стремление к совершенству в творчестве - без этих качеств результата не достичь. Человеку мало быть образованным, знающим, умным. Без умения излагать свои мысли, общаться, слушать - все его таланты безвозвратно угасают. Такие люди покорно, с горечью называют себя неудачниками. Люди же со стержнем, умеющие увлекать, зажигать, убеждать, работать над собой каждый день - живут ярко и оставляют след на земле. Плоды творчества, выраженные в знаках, есть смысл и цель жизни человека.

К слову сказать, именно Алёна Викторовна заразила директора Борхесом.

Читая Борхеса, она захлебывалась от восторга. На ночь недавно перечитала этюд о Честертоне. Три-четыре абзаца всего. Но сколько мыслей в него вколочено. Она поражалась звучанию обычных слов, поставленных в необычном порядке. И то, что Честертон, скажем, в отличие от

Дойла, не впадает в документальную чепуху, не называет номера домов, не упоминает улиц, где Шерлок Холмс расследует убийства, а рисует художественные картины широкими мазками, ничего не объясняя и не оценивая.

И вот директор говорит:

- Я с увлечением листаю замечательный трёхтомник Хорхе Луиса Борхеса, и не могу оторваться, текст забирает меня полностью, без остатка, поднимая на невиданные высоты художественной мысли. Этот трёхтомник издан в Риге издательством «Полярис», в 1994 году. Для меня в книге важно всё: бумага, переплет, оформление, наличие предисловия, комментариев, подготовленных для данного издания. Ценность издания для меня возрастает именно тогда, когда издатель позаботился о привлечении специалистов, которые обеспечат подбор произведений, качественный перевод и откроют читателю автора в максимальной полноте его таланта.

Алёна Викторовна объяснила:

- Я собирала книги издательства «Наука», они издавались всегда на высоком уровне. Подобные издательства не редко открывали нам новые имена и то, как это сделано для меня важно при вхождении в неведомый, художественный мир автора. Издание сочинений Борхеса подготовили специалисты, не только глубоко проникнувшие в его особенный мир, я бы сказала, что оно подготовлено людьми, понимающими и уважающими философию Борхеса. Мир его предстаёт во всей полноте, это - эссе, новеллы, стихотворения, устные выступления, интервью. Вместе с Борхесом я погружаюсь в «суеверную этику читателя», «Всемирную историю низости», «Историю вечности», «Замурованные тексты» или отправляюсь вместе с ним в мир Данте.

А уж о «Лолите» Алёна Викторовна сказала ему первому, как только появился у неё односторонний ксерокс с из-

дания издательства «Ардис&Анн Арбор» с предисловием доктора философии Джона Рэя, написанном в 1955 году.

В Набокове важна не «изюминка», которую вычитывали многие нетребовательные читатели, а форма, как это написано. Почувствуйте высокий стиль мастера:

«Конечно, в силу старомодных европейских навыков, Жан-Жак Гумберт, принял на веру, когда впервые ее увидел, два с половиной месяца тому назад, что она так непорочна, как полагается по шаблону быть "нормальному ребенку" с самой той поры, когда кончился незабвенный античный мир с его увлекательными нравами».

Спасибо «Самиздату», который и составляет сейчас гордость литературы, а советская «секретарская» писанина, издаваемая в те запретные годы миллионными тиражами провалилась в тартарары.

И Тургенев в её интерпретации пришёлся школьникам по вкусу.

Тургенев смело заканчивает роман «Дворянское гнездо». Он просто говорит: «"И конец? - спросит, может быть, неудовлетворенный читатель. - А что же случилось потом с Лаврецким? с Лизой?».

Алёна Викторовна говорит как бы о другом:

- Я оторвалась от текста. Выглянула в окно. Воскресное утро, дождь, неприветливо и грустно, а праздника хочется. Включила Бородину. Чудесная музыка наполнила комнату. Подхожу к стеллажу, зажмуриваюсь и снимаю с полки книгу наугад. Иван Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах, изданное издательством «Наука», в восьмидесятые годы. Шестой том сочинений, «Дворянское гнездо». С нежностью просматриваю страницы романа и, как будто переносюсь в годы юности, годы открытий авторов, их миров, таких разных и таких увлекательных. Мир остановился. Откушиваю чай с вареньем.

Директор уже махнул на неё рукой, мол, пусть отклоняется от планов урока и программы, но она это так виртуозно делает, что он сам однажды расплакался на её уроке, когда нужно было комиссии показать лучший класс. И тему ей дали, в принципе, расхожую, военную, к очередной годовщине победы, а она уместно поговорила и о Пастернаке, которого в программе не было, и о Цветаевой с Ахматовой, но вот Павла Шубина она вставила с такой проникновенной нотой, и даже стала напевать с интонациями Александра Вертинского:

...В ней за долами, за рощами,
И на всей земле одна
Деревушка есть в Орловщине
И избушка в два окна.

И за росами, берёзами
Там одна на все края
Длиннокосая, курносая
И любимая моя...

- говоря о войне с совершенно иными интонациями, нежели парадно-победными, что именно в этот момент у директора появились слезы.

БЕСПОМОЩНАЯ

В полусвете комнаты возлежало на широком диване грузное полуодетое тело Харитоновны в тёмном с огромными розами халате. Полная вздрагивающая жирком рука подносила к пухлым масляным губам сочащийся соком от пышных котлет, придавленных с двух сторон разрезанным мягким батонном, промазанным сливочным маслом и политым итальянским острым бордовым чесночным соусом, рот очень широко открывался и мелкие зубки, как у молодой акулки, откусывали сразу треть батона. Стон восторга вырывался из черева, при этом одна массивная грудь с расплывшимся вишнёвым соском падала на край дивана и казалось, что это женская грудь жила самостоятельной жизнью, но когда-то из этого соска питался сын Харитоновны Федя, который уже десятый год догнивает на Домодедовском кладбище, поэтому грудь Харитоновны осталась сиротой, но в этот вечер сосочек ждал прихода с сумками провианта Николая Егоровича, который уж знал, как распорядится этим необъятным телом, и сейчас Харитоновна провела, постанывая, ладонью по дышащему животу к пульсирующему предчувствиями коралловому лону, которому все возрасты, как писал классик, покорны, нежно обрамлённому весенним лесочком, в котором еще пели стеснительные соловушки.

В этом месте сразу хочется вступить автору, то есть мне, поскольку доброжелательность, приветливость, улыбка в глазах незнакомого человека способны подарить хорошее настроение на весь день. Но масса людей, от которых исходит негатив, к сожалению, значительно преобладает.

Есть такие люди, которым всё не нравится, на их лицах застыла маска неудовольствия. Одним видом своим способны они испортить настроение всем и каждому всегда и везде. При этом у них от этого настроение поднимается. Колючими глазками-буравчиками смотрят угрюмо на улыбающегося человека, как бы с осуждением. Они создают вокруг себя тяжёлую напряжённую обстановку. Более того, ещё и всячески комментируют своё недовольство такими, например, вопросами, как: «Чему радуешься?» или «Чего зубы скалишь?» От подобных недовольных хочется отодвинуться, уйти при первой же возможности, если же это нереально, то лучше никак не реагировать. Лица, бесконечные лица - красивые, симпатичные, привлекательные, весёлые, добрые - взгляд мой невольно отыскивает именно их в нескончаемом людском потоке.

А у нас, эх, даже автор смолкает, как смолкал Гоголь, выписывая вензеля, скажем, в «Вие».

Шевельнувшись, левая с могучими бёдрами, которые в народе называют не иначе как ляжками, и в данном случае это название было более точным, нога опустилась на пол и стала нащупывать тапочек, при этом поблескивали алым педикюром ногти, и когда зелёный бархатный тапочек с алой розой на подъёме был нащупан, весь массив тела принял вертикальное положение, и ступня другой ноги вошла в положенное место правого тапочка.

Вот, что занимает Харитоновну, поиск тапочка толстой ногой. Невольно встрянешь сам, ведь новые люди, как новые листья, появляются незаметно, даже, можно сказать, тайно. Появляются ежесекундно, с неизменным любопытством смотрят по сторонам, пытаюсь понять, куда попали, зачем? Родители же возлагают на них свои надежды, убеждая себя в том, что уж дети-то сумеют достичь того, что им не удалось. А ведь беспокоиться следует о том - будут ли они читать книги, и, тем более, писать их? А чего пи-

сать-то, ведь уже и так написано столько, что и не прочитывать за целую жизнь. Чтение только отвлекает от главного - «хорошей жизни». А книги для них ведь уже писали Чехов и Тургенев, Достоевский и Платонов... Да, этих детей в колясках, играющих в песочнице, катающихся на самокатах не было на свете каких-то пять-десять лет назад. Хочется верить, что они воспользуются постоянно расширяющимися возможностями развития своего внутреннего мира, проникнут в смысл вечного обновления, и займутся творчеством, приумножая и расширяя бесконечные художественные миры для тех, которые будут играть в песочнице после них, и оставят свою душу жить вечно. Ведь душа человека живет вне тела...

Но Харитоновна мощной рукой выталкивает Гоголя за порог. Книг, отродясь, она не читала, потому что наслаждалась собой и квартирой, в которой центральное место занимал набитый хрусталём и фарфором, где особенно выделялась фигурка в пачке Галины Улановой, сервант, именуемый «горкой», приобретённый по случаю в комиссионном магазине, Харитоновна, покачивая всем, чем было возможно её телу, поплыла в ванную, наплыла на большое зеркало над раковиной, и с улыбкой кокетства уставилась на своё с пышными щеками лицо. Осмотр начался с широких бровей, хорошо подчёркнутых чёрным карандашом, и вдруг, о! невероятно, Харитоновна обнаружила седой, белый, специально она про себя повторила: «Седой и белый», - потому что ещё хотела усилить несчастье старения, и даже вслух ляпнула: «Как снег!», - волосок.

Визг и удары молота как будто окружили Харитоновну, заставили открыть глаза. Серый мрак затаился в углах комнаты, очертания которой показались ей незнакомыми. Безотчётный страх и ужас сковали её. Она замерла. Визг, похожий на звук пилы становился всё невыносимее, он дошёл до немыслимых высот. Она попыталась заткнуть уши и

не смогла. Руки её были прочно привязаны ремнями к кровати. Все попытки шевельнуть ими ни к чему не привели. Зловещий холод охватил тело, зубы застучали, она дёрнулась и ощутила страшную, пронзительную боль в, казалось бы, онемевшем теле, зажмурившись, отключилась на какое-то время. Непонятный звук, похожий на треск и скрежет, вывел Харитоновну из забытья, посмотрев на потолок, она пришла в отчаяние. Потолок с треском медленно раздвигался. Холодный пот прошиб её, она увидела, что прямо над ней медленно, но неумолимо, опускается что-то страшное, тяжёлое и непонятное. «Этот кошмар мне снится!» - в ужасе воскликнула она и не узнала своего голоса. Крик отчаяния прозвучал как бы из трубы. Перед глазами в бешеном темпе проносились картины пролетевшей жизни с такой скоростью, что просто дух захватывало.

Нет, как говорит классик, не могу молчать! Ибо всё чаще ловлю себя на мысли, что исчезают люди, которых я в течение многих лет постоянно встречала возле дома, в соседнем магазине, на дороге к метро и обратно. Давно не видела соседку по подъезду, всегда приветливую и доброжелательную. Как-то спросила о ней у постоянно сидящих на скамейке у подъезда старушек. «Да она умерла», - ответили они вполне равнодушно. Меня ответ их расстроил. Я задумалась о том, как незаметно люди рождаются, проживают жизнь, радуясь и волнуясь, в постоянной суете, и незаметно исчезают в большинстве своём, когда замыкается круг их жизни. Новые люди рождаются, вырастают и спешат по кругу, часто даже не задумываясь, куда и зачем...

Других забот не было и нет, кроме как съездить в гости! Только в гости, потому что дома от тоски и безделья можно повеситься. И жизнь становится полной чашей, когда пустота заполняется застольями. Поводов для этого более чем достаточно, кроме общих праздников, в каждой семье существуют свои, на которых непременно собираются и

тёти, и дяди, и сёстры и братья, как родные, так и двоюродные! Веселье, песни, пляски, обсуждение новостей, выяснения отношений, так проходит жизнь. Воспоминания мелькают бесконечной карнавальной лентой.

А вот и Николай Егорович явился, с присказкой обязательной, не запыхался. С сумками, набитыми провиантом и, разумеется, с лекарствами, по списку Харитоновны, купил и от диабета, и от гипертонии, она любила слово «давление», и снотворные, она говорит, что не спит, а сами сутками храпит.

И всё это Николай Егорович успел сделать после утренней репетиции с хором, он играл на гармошке под русские народные песни, как даст заход с переливами, растягивая мехи, а сам в фабричной фуражке с алым цветочком над козырёчком, и, конечно, в красной русской рубахе, а голо-систая солистка Забавина как зальется: «Ах, Ока моя Ока, ты течёшь издалека...» Порепетировал и к Харитоновне. Вот она пред ним, как Ока пред Москвой-рекой, и халатик цыганский разъехался, и прежде чем раздеваться и разуваться, Николай Егорович обхватил двумя руками огромную грудь, свисающую до живота, и присосался к малиновому соску.

Как говорится, тиха украинская ночь, и хороши вечера на Оби. Автору никак не спрятаться, просто диву даюсь. Вот как только начнёшь писать о героине рассказа, хотя я вряд ли могу назвать Харитоновну героиней, какая ж это героиня, она так себе - персонаж, и пренеприятный. Но вот что-то тянет меня показать её такой, какова она есть, и ведь не одна такая это ж целый тип! Немного отклонюсь от мейнстрима и порассуждаю. О настоящем не говорят, в нём живут, хотя говор, особенно в транспорте, не смолкает, да ещё по телефону. Говорят-говорят и со временем исчезают, как будто говорунов и не было на белом нашем свете. Настоящее - сиюминутно, без перемен. Не то что-

бы... но и не так чтобы. Через мгновение оно неумолимо становится прошлым. Прошедшие события в нашей памяти если и задерживаются, то трансформируются до неузнаваемости в зависимости от нашего душевного состояния и духовного роста, а то и бесследно исчезают. Так чёрное становится белым, трагические моменты вспоминаются как комические. Счастливые случаи лучше хранить в душе бережно. Похвастаешь счастьем - станет другому завидно, а начнешь сетовать на жизнь - лица делаются сочувственно-далекими и тревожно-усталыми, потому что каждому человеку довольно своей заботы.

- Погоди... этпта... того... чего ты, Егорыч, с порога-то, - повизгивая от восторга, пропела Харитоновна.

Стол тут же был накрыт.

- Ну, по маленькой, - басовито пропел, они пели, а не говорили, потому что очень по-простому любили, и тосковали друг без дружки, как Харитоновны подружи, а у тех такого-то Коленьки не было, вот они и белели от зависти, а Харитоновна им в ответ жалуется, что диабет её приканчивает.

Все мы были в своё время в утробе матери, так же как наши родители, родители наших родителей, так клубок уходит в глубину веков к прародителям. Все мы принадлежим к роду человеческому, но далеко не все понимают смысл прихода в этот мир. Живут ради сиюминутных материальных благ, которые являются всего лишь малой частью обеспечения жизнедеятельности физического тела, откладывая ответ на вопросы: «Зачем я родился?», «Для чего живу?» на потом, не осознавая конечности жизни. А сколько отпущено каждому никому из нас неведомо. Так в суете исчезают бесследно, проведя жизнь в зависти, злобе, обидах. Разрушительной силе подобных, из рода человеческого, противостоит слово написанное, созидательное, по которому живёт человеческий род, преодолевая губи-

тельные силы тех, кто никакого отношения к роду человеческому не имеют.

Обычным делом в свободное время от утех Харитоновна считала своим долгом обзвонить близких людей, и долго и пискляво объяснять своё бедственное положение, главным в котором было сетование на дочку, неблагодарную и алчную, из-за которой она вынуждена ютиться в этой однокомнатной халупе на четвёртом этаже без лифта с её-то здоровьем, а та урвала себе двухкомнатную на втором этаже, и в районе получше, в зелёном, там и потолки повыше и воздух другой, да ещё на неё, на мать-то родную обиделась, за то, что она ей правду в глаза сказала. И теперь не то что не навестит, но и не звонит даже.

А та, в телефоне которая, подруга, значит, отвечает:

- Ой, не говори, Харитоновна, им только, знаешь, только бы чего, знаешь, урвать от матери... Да пока у матери деньги водятся, прикинуться, и они найдут способ выманить-то, знаешь, их.

- да я и слов-то никак, понимаешь, не найду, - голосок у Харитоновны был надтреснутый, с шипением, как старая пластинка, но при этом ещё с подчёркнутой жалобностью, просящей помощи у окружающих. Конечно, назвали её Верочкой, но прилепилось к ней это её отчество «Харитоновна», почти мужская окраска, но в женском преломлении. И её на самом деле многие воспринимали с сочувствием, ведь бывают же несчастные женщины, которым необходима помощь.

Смею предположить, что практически каждому человеку знакомо это чувство - раздвоение. Семья, близкие люди, сотрудники постоянно ждут от меня определённых поступков, внимания. Нередко ожидания эти, если их удовлетворять, забирают целиком все силы, я растворяюсь и теряю себя. Но никто в этом не виноват, это добровольная жертвенность. При этом внутренний голос настойчиво напоми-

нает мне, что пора вспомнить о своих интересах и желаниях. Я много размышляла о своём раздвоении и пришла к выводу, что необходимо жить свою собственную жизнь, и ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в жизнь близких, даже в тех случаях, когда они просят об этом. Опыт показывает, что заканчивается это плачевно. Интуиция говорит, что нужно промолчать, а эмоции, захлёстывая, несутся на помощь. Результат всегда один и тот же - сама во всём виновата. Уметь отказываться от заманчивых предложений, которые сулят мне земные блага, «достаток» - качество неопенимое, но я ему следовала не всегда. Оглядываясь назад, я сожалею о многом и пытаюсь не повторять ошибок. Как мало я встречала цельных сильных людей, которые следовали своим путём, занимаясь творчеством, не обращая внимания на отношение к ним окружающих. В основном, образованные, интеллектуально развитые, но с этическим отклонением, люди говорят правильные слова, однако при этом, понимая, что не выделяться и быть как все гораздо удобнее, выбирают «доходное место», наступая на горло своим желаниям. При этом они сетуют на обстоятельства, время и...

Мать Харитоновны говорила ей, вернее, наставляла с юных лет, мол, никогда не хвались перед людьми, потому что люди такие негодные, что каждый раз будут стараться навредить тебе, помешать спокойно жить, поэтому, понимаешь меня, никогда, нигде и никому не говори, что тебе хорошо живётся, что твоя жизнь тебе нравится, что у тебя всё хорошо, нет, никогда, нет и нет, с плачущим видом жалуйся на судьбу, это, кстати говоря, Харитоновне очень пригодилось, когда помер сын, а следом муженёк опился чёрт знает чем, чуть ли не бензином, на своей автобазе, он там в яме слесарем с фонариком под машинами сидел, там и выпивали тихо всё рабочее время, тем его мёртвого однажды утром и обнаружили, так вот, Харитоновна бродила

цельную неделю по двору и скулила, как ошпаренная собака, вспоминая наставления матери, коли уж вышибать жалость из людей, то вот так, публично, как на сцене этот самый, как уж его, Амлет, да нет, тут почти омлет, уж и не припомню, а, вспомнила, слышала звон, а не знаю, где он, вот и дозвенел до правильного имени персонажа - Гамлет - ну, этот орёл сразу слезу вышибает, со всех со зрителей выколочивает, так и Харитоновна пристрастилась на каждом углу голосить о своих несчастьях, что уродилась она такой в этот проклятый мир, чтобы страдать и плакать. И пришло к ней со стороны людей сострадание. Мало ли на свете добрых сердец, кто деньгами поможет, кто мешок картошки из деревни подарит, кто сальца домашнего привезет с под-Житомира...

Иногда встречаются настолько нелепые, жеманные женщины, что, кажется, они не выросли, и всё ещё себе кажутся девочками. Манеры и жесты их, даже неестественный голос - весь облик говорит о печальном нежелании принять простую истину о неизбежных возрастных изменениях человека. При виде взрослой женщины в короткой юбке, даже чересчур короткой для её возраста, с кокетливым, ярким бантиком в сильно покрашенных волосах, напоминающих, своей неестественностью искусственные волосы куклы, я невольно испытываю чувство неловкости и сочувствия. Ну вот, например, вижу в метро пожилую женщину, которая, по-моему, сама даже не заметила, что уже выросла, и выглядит так, как будто украдкой взяла у мамы косметику, впервые накрутилась, и счастлива.

Общение с людьми близкими мне по духу, увлеченными, доставляет истинное наслаждение. Такие люди, чаще всего деликатны, воспитаны и уважают своё время и время собеседника. Навязчивые же персонажи - совсем другая история. Случайная встреча с таким человеком равносильна для меня стихийному бедствию. Не дай Бог, встретить-

ся с ним глазами, всё зацепил, и начал грузить своими бытовыми или личными проблемами, которые никому не интересны. Задумалась я как-то после очередной подобной встречи, что это за порода такая? Пришла к выводу, что это люди пустые, как правило, не утруждающие себя чтением подлинной литературы, малоинтересные и самодовольные. Не хочется их обижать, но они никого не уважают, не ценят время окружающих, потому что сами ни чем не заняты, кроме как пустыми разговорами и обсуждением вопросов, о которых имеют смутное представление из каких-нибудь мутных источников. Как же они достают! Как трудно от них избавиться! Да, умение отказывать подобным навязчивым людям - весомое достоинство. Думала я. Думала и решила, что впредь буду решительно избегать подобных людей, даже если придётся обидеть человека. Что делать? Жизнь так коротка, что не стоит тратить время и душевные силы на пустые, бестактные отношения.

И дорога к скверу, где любила посидеть Харитоновна, пролегла по узкой асфальтированной дорожке меж зелёных железных заборчиков мимо «Пятёрочки», одного магазина на весь квартал, куда стекались местные жители. Вот и сейчас, переваливаясь с боку набок, тяжело продвигая своё тело к скамейке в скверике, поравнялась с этой «Пятёрочкой». И тут же её окликнул женский голос:

- Выбралась на воздух-то?

Тяжело вздохнув, Харитоновна с некоторым усилием повернула голову на толстой шее, которая и мешала этому повороту.

- Ох, и не говори... Совсем потеряла здоровье... Иду, понимаешь, и думаю сама про себя, сейчас упаду...

Та, с двумя набитыми харчами пакетами с надписью «Пятёрочка», отозвалась с сочувствием:

- Чего уж так... Не унывай... Держись, Харитоновна. Я ведь и сама по утрам тяжело поднимаюсь. Всё болит... Но

дойду до холодильника, и как-то легчает... Это потому, что сразу выпиваю пакетик ряженки... Ты, Харитоновна, ряженку-то не пьешь?

Поморщилась грузным лицом Харитоновна, подумав, какая там ряженка, когда я после Николая Егоровича, стопку приняла с баночкой крупных шпрот. Но разве Харитоновна скажет об этом? Ни в коем разе! И подделавшись под тон знакомой, своим болезненно-шипящим голосом ответствовала:

- Люблю ряженку... И этто, знаешь, с большой ложкой сметаны... Ну этто, чтоб мягче проходила...

- Во-во, очень укрепляет...

- Да это я так... Куды ж меня с моим инсулином укрепишь, сама понимаешь? Люто болею в последнее время. Глаза бы на белый свет не глядели... Но вот вышла, полегче стало...

- Да, это так... Погода-то, гляди, разгулялась.

При этих словах Харитоновна распустила сверху молнию своего длинного балахона, в котором она, если смотреть издали, походила на бочку, и в голове Харитоновны пронеслись трансформированные строчки из телевизионных новостей, которыми, эти, как их уж, м-да, нефтяники торгуют, и называют баррелями, в деньгах купаются, но ноне, говорят, это, рубль-то упал, а нам несчастным и больным, как теперича существовать, скажите на милость, к церкви, что ль, пойти на паперть...

- Если б одно давление с этим инсулином, а то, ночью в поту приподнимусь, и вижу, прислушиваясь, сердце-то моё стоит на месте! Понимаешь? Не бьется совсем, а я не умираю. Вот, подишь ты, и думай, гнать ли «скорую» или само рассосется. Минут десять сердце не бьётся, а потом как вдарит в голову, я аж плашмя падаю и чувствую в груди удары из-за того забора молотком. Ты, понимаешь, как организм устроен?! Сидела мертвая, а упала живой...

- Ну, Харитоновна, это ты сильно напридумывала, но, я тебе скажу, очень грамотно заметила... Время-то он не понятно. Особенно, у меня часы настенные, с этим, как его...

- С боем! - подсказала Харитоновна.

- Во-во... Они посреди ночи как встанут, хоть караул кричи... Думаю помираю, понимаешь, ну, прямо, как у тебя... как будто мы в одной пекарне сделаны... Видала, чего...

Иногда встречаются настолько нелепые, жеманные женщины, что, кажется, они не выросли, и всё ещё себе кажутся девочками. Манеры и жесты их, даже неестественный голос - весь облик говорит о печальном нежелании принять простую истину о неизбежных возрастных изменениях человека. При виде взрослой женщины в короткой юбке, даже чересчур короткой для её возраста, с кокетливым, ярким бантиком в сильно покрашенных волосах, напоминающих, своей неестественностью искусственные волосы куклы, я невольно испытываю чувство неловкости и сочувствия. Ну вот, например, вижу в метро пожилую женщину, которая, по-моему, сама даже не заметила, что уже выросла, и выглядит так, как будто украдкой взяла у мамы косметику, впервые нарядилась, и счастлива.

ЛЮБОВЬ К ЖИДКОСТИ

Ох, так и хочется воскликнуть с чувством знаменитое: «За мной, читатель!», - чтобы постараться без разрешения проникнуть в кибержидкостное, экое словечко я избрела (!), сознание моей трансцендентной, право слово, чего только не встретишь в столице, героини!

Надо сразу сказать, и не просто заметить, а подчеркнуть, что после того, как Мария Ивановна Разумовская абсолютно перестала ощущать свой возраст, и даже думать о нём, то, честно говоря, при виде её даже мысль о её возрасте в голову никому не приходила, столь изящна и женственная она была, да и она сама не считала нужным распространяться на эту тему, для подавляющего большинства женщин табуированную, косметика поможет перед зеркалом изобразить любой, по вкусу и ситуации, возраст, а есть ещё такая женская категория, которая и вовсе хочет навсегда (похвальное желание) остановиться в молодом виде, смело ложатся под нож пластических хирургов, и ходят в свои древние годы юными прелестницами, но это случается крайне редко, вот, к примеру, знаю одну женщину из известной семьи, так у неё после попытки подобного превращения лицо перекосилось так, что вернуться в первоначальное состояние не было никакой возможности, конечно, некоторые и на этом не останавливаются, идут в суд и отсуживают значительные суммы у хирурга, забыв о переправке лица, но в этот момент появляются подружки-советчицы, которые знают такого артистичного пластика, который делает из лица пострадавшей нечто среднее между Нонной Мордюковой и Мерлин Монро, так что унывать, девочки, не стоит, всё нужно доводить до конца.

Однако в нашем случае ничего подобного не случилось, поскольку Разумовская сама по себе, как говорится, природно, генетически, как хотите, так и понимаете, выглядела, максимум, на сорок. Это уникальный случай, иначе он не стал бы предметом моего рассказа, потому что, как автор, я иногда сталкиваюсь с такими невообразимыми явлениями в женской психологии, попадая в неведомые мне доселе почти по-довлатовски «ипостаси», что с небывалым азартом стараюсь размотать этот клубок, заведомо при этом и с некоторым разочарованием зная, что вряд ли найду здесь какие-нибудь концы и начала.

Это в обычной жизни видят концы и начала между двумя точками: родился - умер. Тут же случай особенной, мол, была жидкостью и осталась жидкостью, правда, с приставкой кибер. А уж если пошёл этот кибер, то он не одну Разумовскую с ума сведёт, перелицует, заменит, омолодит, сделает константой. Кибер - мозг вне человека. Не путать с умом, потому что у кибера ума нет.

Машенька с увлечением, присущим детям, поглядывает по сторонам, направляясь в школу, из Сверчкова переулка через Девяткин. И всё-то девочке интересно, она про себя считает до ста, потому что очень любит арифметику, сколько тайн хранят цифры, вот только дедушка сбивает её с толку, он совершенно серьёзно внушает Машеньке, что счёт идёт только до семи, а дальше стоит свёрнутая баранка, или как уже знает, когда велосипед передним колесом с горки врежется в столб, то и получается точно такая же восьмёрка, вот дедушка и направляет Машеньку в эту загадку, потому что, говорит, что после знака бесконечности, то есть этой самой восьмёрки, по-настоящему начинается истинная математика, которая убегает от людей в облака, потому что научное и любое другое творчество бесконечно, ибо без этой вось-

мёрки, не было бы никакого углубленного развития науки, которая, как лошадь телегу, или как двигатель внутреннего сгорания, тянут вперёд, вот в чём дело. Ведь, по словам бабушки, люди из глубины веков шествуют неведомо куда по бесконечной восьмёрке.

Да, именно тогда в Разумовской проснулся истинный учёный, стоявший у истоков теоретической науки кибержидкости.

Да и во всём она была, скажу совершенно откровенно, исключительна, обладая редкой утончённостью, это отмечали все обитатели привилегированного коттеджного посёлка, восхищённо глядя ей в след, когда в жаркий день Мария Ивановна шла к реке в прелестной шляпке из натуральной соломки, в брючках, небесный цвет которых идеально сочетался с солнечным цветом её волос и голубых глаз, в свободной блузке из неотбеленного полотна, цвет которой практически повторяли светлые удобные кроссовки, облегающие маленькую ножку. Она привлекала внимание врождённым изяществом, свойственным балеринам, которое было присуще женщинам их рода по материнской линии, все они отличались изящной осанкой, сдержанностью, умением слушать и слышать. Манеры Разумовской были естественны и доброжелательно серьёзны, что невольно обращали восхищённое внимание окружающих. По утрам Разумовская ходила на ежедневную прогулку к Москве-реке в любую погоду, в одно и то же время, по ней можно было сверять часы. Она всегда была приветлива, немногословна, одета по погоде, при этом элегантно.

Мария Ивановна при этом не тратила много времени на свою внешность, но постоянный маникюр и педикюр были для неё так же естественны, как чистка зубов. Косметикой она пользовалась столь умело, акцентируя глаза и губы, что она практически не была заметна.

Для окружающих оставалось загадкой, как Разумовская умудряется в любой ситуации выглядеть подтянутой и свежей, а секретов у Марии Ивановны не было, поскольку, просыпаясь, она не вскакивала с кровати, а обязательно делала несколько упражнений - для дыхания, для ног, для глаз, затем выпивала два стакана тёплой воды, одевалась по погоде и шла на прогулку, во время которой ей часто приходили невероятные мысли, а то и озарения, их она обязательно фиксировала в маленьком блокноте, чтобы не забыть.

Вернувшись с прогулки, она делала привычные водные процедуры, слушая классическую музыку, съедала лёгкий завтрак с непременною чашечкой свежемолотого крепкого кофе...

Этот тип женщин для меня абсолютно загадочен, но я, как автор, стараюсь понять его и проследить мыслительные процессы, происходящие в их уме, потому что женский ум рассматривали многие писатели несколько односторонне, как скажем, Достоевский, который в «Идиоте» пишет, например, следующее: «- Дура с сердцем и без ума такая же несчастная дура, как и дура с умом без сердца». И я безо всякого смущения возражаю Фёдору Михайловичу образом моей героини этого рассказа: нет, она прежде всего такое же создание Господа, как и мужчина.

С Латинским Разумовская встречалась чуть ли не ежедневно для интеллектуального и сексуального наслаждения, но жили они врозь.

Разумовская всю жизнь жила отдельно, сначала, после института отец купил ей однокомнатную квартиру в пятиэтажке на Второй Песчаной улице, а позже, когда Разумовская заняла солидное место в науке кибержидкости, ей дали большую квартиру в центре. Латинский жил тоже всю жизнь одиноко, познакомился с

Разумовской на студенческой скамье, и так они составили киберидеальный интеллектуально-сексуальный дуэт.

Белые пышные хризантемы в высокой вазе стояли на балконе целую вечность, и становились всё свежее и величественнее, с тех самых пор, как Латинский преподнёс Разумовской этот букет в 1952 году.

В ту пору студенческой беззаботности они могли часами, взявшись за руки, гулять по бульварам, причем, много раз проходили их из конца в конец, стартуя, скажем, от набережной Москвы-реки, по Гоголевскому, постоянно останавливаясь, выслушивая монологи друг друга, продолжая путь через Арбатскую площадь, мимо «Художественного» по Суворовскому бульвару...

Безлюден и тих Тверской бульвар летними ночами, когда его почитатели разъезжаются по дачам и курортам заморским, вот такими почти белыми ночами, можно встретить на нём Разумовскую с Латинским. Он бережно ведёт её за руку по узкой боковой дорожке, по гладким плитам, она следует за ним, чуть-чуть приотстав, а он то и дело останавливается и с заботливой нежностью беспокоится о том, не попал ли камешек в туфельку любимой, поскольку вся центральная аллея посыпана каменной крошкой, которая часто попадает на плиты и отскакивает в открытые туфельки, мешая идти, покалывая ступню и раздражая, а ветви деревьев едва уловим тихим шёпотом приветствуют Разумовскую с Латинским, как добрых знакомых, много влюблённых пар они повидали на своём веку, но такое слияние двух душ наблюдают впервые.

И далее, далее. А на Трубной делал круг трамвай «Аннушка», но они в горку по Рождественскому бульвару буквально взлетали, останавливаясь на мгновение только для того, чтобы слиться жадно в поцелуе.

- Смотри, саврасовское небо! - восклицала Разумовская, не отводя глаз от темных, контрастно контровым солнцем подсвеченных облаков, в разрывы которых врывалась голубизна неба.

- «Грачи прилетели!»! - ликующе восклицал Латинский, обхватывая Разумовскую за тонкую талию и привлекая к себе для нового поцелуя.

Тогда Москва была ещё маленькая, а все в последствии новые районы были деревеньками вроде Отрадного или Выхино, да и Сокольники были окраиной, изредка на улицах встречались знакомые, с которыми приходилось обмениваться взглядами, а то и теплыми рукопожатиями с ничего не значащими улыбками, подобными водяным знакам, или кругам на воде.

Ум Разумовской быстро включился в потоки водных знаков.

Вода всегда в воде, вода всегда водила и выводила ввысь, и утекала вдаль, на водной стороне вода осеменила, из воздуха вода пространство соткала, на акварельный лист лёг водянистый образ, вода смывает лик, чтоб заново создать, а до воды был знак, диктующий частицам, соединяться так, чтоб появился свет, без света нет воды, нет образа и смысла, но знак сияет всем, кого на свете нет, а сохранятся те, кто знаком на странице раскинет сеть души от мрака до звезды.

Поздним вечером яркие прожектора высвечивали белые рифмы колонн парадного здания на бульваре, и казалось, что Разумовская с Латинским шли по сцене жизни из правой кулисы в левую, а сцена была столь огромна, больше Театра Красной Армии, да куда там театра, то была сцена самой жизни, величественное поле, которое невозможно перейти.

Разве могли они предвидеть своё будущее, а если бы им сказали, что через шестьдесят лет они будут ходить по об-

новленным бульварам за ручку, то они бы просто от этого сошли с ума, разумеется, образно выражаясь, ведь «Горе от ума» было написано давным-давно, а у Разумовской с Латинским было постоянно такое возвышенное состояние, как будто они писали «Счастье от ума», или «Киберсчастье от киберлюбви».

Вдруг на углу Армянского переулка, они частенько сворачивали с Покровки к центру и доходили до этого угла, где любимая Покровка встречалась Маросейкой, так вот, на этом самом углу подул легкий тёплый ветерок, но его дуновения было достаточно для того, чтобы подхватить нашу пару и вознести над старомосковскими переулками, над Армянским, Сверчковым, Архангельским, со знаменитой изукрашенной резьбой и скрученным вазообразным куполом башней Меншикова, перелететь Харитонием, и оказаться на застеклённой террасе нового в стиле хайтек здания. Это удивительно, но именно в этом доме жил Латинский.

- Невероятно, - сказала с широко открытыми, даже округлёнными большими голубыми глазами Разумовская.

Усмехнувшись, такой же голубоглазый Латинский, парировал:

- Киберпространство скручивается под действием стыка действий киберассоциативно, а не линейно, ибо линейное мышление, если хотите, сюжетное, убивает всякую прелесть любви, сиюминутное присутствие в которой ускоряет ритм воображения, которое работает по принципу художественного мышления, отсекая всё, что может помешать строфике и ритмике... - он прервался, задумался, а Разумовская закончила:

- Сердцу ума!

- Машенька, любовь моя, ты невыносимо гениальна!

- А кто мой режиссёр? Ты, ты, любимый! Вот я и провалилась, благодаря тебе, любимый, в киберпространство,

в этот бесконечный мир любви и творчества... Ах, я чувствую себя птицей, у меня за спиной выросли крылья, и я сама превратилась в кибер - в это сладкое эротичное от «Х» до «У» виртуально-интеллектуальное пространство вне тела человека... Мы два знака, неразрывные в любви!

Латинский от смущения расстегнул пиджак, неспешно поднялся из кресла, не сводя глаз с Разумовской, она ему улыбнулась, и едва прикрыла веки, подошел к буфету, открыл резную застеклённую створку и взял с верхней полки квадратную увесистую бутылку ирландского виски, затем из нижнего отделения буфета достал хрустальный аппетитный графинчик, и принялся очень медленно из бутылки переливать в него цвета мёда жидкость, затем, убрав бутылку на место, вернулся в кресло у маленького круглого столика, и налил в две рюмки под приветливым и одобряющим взглядом Разумовской ровно по пятьдесят грамм, полагаясь не только на свой удивительно точный глазомер, но и на риски по хрустальным стенкам рюмок.

Они счастливо чокнулись, со вкусом любовного действия выпили, и в этот самый момент оказались в огромном зале в стиле начала двадцатого века в духе Шехтеля, с высоченными застеклёнными потолками, со стенами, расписанными Врубелем.

Латинский берет руку Разумовской, подносит к губам, и с томительной нежностью целует каждый с алым маникюром пальчик. Их пять. Пять на два не делится. Без остатка. Значит, главные цифры до восьмёрки - 1, 3, 5 и 7. Что в сумме дают 16. А 16 делится на 2. Получаем 8. При делении на 2 - получаем 4. Четвёрку делим на 2. Получаем 2. Двойку делим на 2. Получаем то, от чего стартовали - 1. Один. Образ и подобие в одном. Бог. А теперь - на Яузский бульвар, где красуется восьмёрка в небе, после чего можно, перескочив через 8, где шестёрка притворится девят-

кой, и двигаться далее, делить всё на всё, извлекать, умножать, строить таблицу Менделеева, расщеплять атом, возводить иксы с дельтами даже в шпиль высотного здания на Котельнической набережной, бегать от альфы до омеги, в итоге знак бесконечности укажет прямо на Разумовскую, потому что она - бесконечна...

Официант весь в белом, с чёрной бабочкой, провальсировав между пустыми столиками, посетителей, кроме них, не было, с огромным серебряным подносом, водрузил на бело-крахмальную скатерть блюдо с шипящей, с густым запахом индейкой, следом за которой последовали тарелки с закусками, окорок, севрюга, сельдерей, грибочки, ох, откуда и куда, не спрашивай, читатель, я и сама не могу понять, куда я попала, только успеваю записывать увиденное и услышанное, всё перемешалось под взлётом пламени в камине, хотелось выбраться на воздух, и они оказались там, где зеленые лозы дикого винограда, словно огромный занавес сцену, закрыла всю южную стену дачного коттеджа.

Киберповторение в постоянном старении к новому воспроизведению после восьмерки, когда случайные цифры управляются отлаженным механизмом повторения цифр от нуля до семи, собственно, в которых заложена сложная простота фразы, о которой говорил Чехов, используя те же цифры, содержащиеся в алфавите, ограниченного минимальным количеством знаков, поддающихся правилам кодирования смыслов в киберминимуме печатной платы мозга.

- Таким образом, выражение невыразимого и составляет основную функцию бесконечности, выраженную знаком восемь, - в кресле в полутьме гостиной шевельнулись влажные губы Латинского, руководителя лаборатории скручивания знаков. Он до этого пригубил тонкий стакан с простой водой, запив кусочек песочного лимонного пиро-

га. Тень от его седой головы приходилась как раз на стекле книжной полки, за которым просматривались корешки его собрания сочинений «Латинский Х.Х.»

Ответ Разумовской последовал не сразу, поскольку восьмерка предполагала некую медлительность в переливе жидкости мысли из консистенции знаков одного порядка в то положение, когда текучесть киберволны сообщала прохождение элементов нового импульса преобразования известного в новое, точно так же, как переходит преобразование одного кибертела в другое в определенный момент вращения времени вокруг оси мироздания, после чего Разумовская сказала:

- Бесконечность, взятая в протекании жидкостных знаков, предполагает конечность создания нового тела, отличного от предыдущего, путем кибержидкости, сотканной из минимального количества знаков, которое мы называем любовью с приставкой «С», и приставка эта управляется знаком «восемь», что в упрощенном виде мы называем кибержидкостью.

Латинский едва заметно кивнул, но седая прядь длинных волос в этот миг успела упасть на глаза, и он не стал её поправлять рукой, проговорив:

- Знаковая система абсолютно и всегда представляет собой жидкость, в этом вы, Мария Ивановна, правы. Я лишь бы добавил о роли рифмы в создании нового тела, поскольку всякая случайная комбинация знаков подчиняется закону сохранения оригинала в копии, которая, в свою очередь, тоже становится оригиналом...

В совершенстве воспитанная, Разумовская могла управлять своими действиями, избегая всякой негативной оценки коллег и друзей, впрочем, как и позитивной, стараясь вести себя повествовательно, а не вопросительно или «отвечательно», вот то состояние людей, когда они постоянно держат друг друга на цепи напряжения вопросами и отве-

тами, хороший термин «ответчительно», как будто человек заранее всеми осужден и всю жизнь обязан всем и всюду отвечать, но суть функционирования кибертела заключена в одном единственном правиле: никому не задавать вопросов и никогда и никому не давать ответов на них, таким образом, «ответтельность» Разумовской полностью исключалась.

ЗЕМНОВОДНОЕ

Так это энергично локотком с увесистой сумкой подталкивает перед ней входящую в троллейбус девушку в модном сиреневом пальто.

Девушка едва заметно оглянулась, но ничего не сказала, и даже улыбнулась.

Это повергло в прилив злобы у Рожковой. Она прежде была худой, а её коллеги, ехидно говорили, что эта худоба её была от патологического нежелания тратить деньги на «всякую ерунду», но в последствии всё пошло в обратную сторону: она стала полнеть.

- Ну, чего лыбишься?! - с возмущением бросила Рожкова. - Шевели ногами-то! Нешто не видишь, что я вхожу?

И тут же Рожкова плюхнулась на свободное место впереди, спиной к движению.

Троллейбус тронулся.

Солнце скользнуло по салону и скрылось от тени высоких домов.

Рожкова Зинаида Павловна, очень полная, среднего роста, всю жизнь проработала в торговле кассиром, больше всего в жизни она любит деньги, её двухкомнатная квартира была забита «добром» настолько, что ходить по ней можно было по узкому лабиринту только к спальному месту, а именно, к железной широкой кровати с пятью пуховыми подушками, в кухне от пола до потолка вдоль стены были широкие полки набитые банками, коробками и пачками с едой.

Девушка в сиреневом элегантно опустилась, сжав плотные тонкие колени, на свободное место напротив и чуть наискосок, у прохода.

Рожкова в своих рыбьих некрасивых очках уставилась на девушку, подбирая слова для речи в её адрес, чтобы прилюдно приструнить.

В конце девяностых годов Рожкову отправили на пенсию вопреки её желанию, и она всячески противилась этому - писала жалобы, пыталась даже делать весомые подарки, по её мнению, влиятельным сотрудникам, но ничего не помогло.

Но в это время девушка вдруг с лёгкостью сама вскочила, заметив седобородого старика в шапке-ушанке.

- Садитесь, пожалуйста! - звонким голоском предложила девушка, и не на шутку была озадачена ответом старика:

- Я сам всегда уступаю место молоденьким. Вы успеете и со смартфоном пообщаться!

А действительно, в руках у девушки был аккуратный, светящийся экранчиком смартфон.

Тут уж Рожкова не стерпела, словно кастрюля со щами закипела.

У Рожковой муж помер уж лет тому пятнадцать, после сверхсрочной службы выучился на шофёра, водил автобус. Поехали, помнится в отпуск на родину, в деревню, ну, известное дело, напились, он утром с мужиками пошел на большой пруд рыбачить, с пьяных глаз мужиков почему-то всё время в воду тянет, полез туда с бреднем, споткнулся о корягу, упал, захлебнулся, и так это буднично, тихо, чтоб рыбу не распугать, отдал концы.

Рожкова как-то быстро позабыла о муже, а что о нём помнить, весь пропах бензином, утром натянет телогрейку и сапоги, и на работу, в свой автобус, накаetaan, припрётся уже под хмельком, с ребятами, говорит маленько сообразили, а сам из крмана тянет четвертинку, без её ни дня, а утром, как новенький, организма деревенского был. Рожкова ему борща миску навалит, ложка стоит, со сметаной,

он и ковыряется с четвертинкой и тарелкой один на кухне, потом завалится на Рожкову и пилит её часа полтора, пока на ней и не уснёт. Ну, спрашивается, какой ей такой мужик. Она без него большего удовольствия добивается втихомолку.

Взрослый сын живёт отдельно со своей семьёй, изредка звонит Рожковой, но они практически не видятся, потому что Рожкова не выносит невестку, а та сразу дала понять свекрови, что в своём доме не потерпит её указаний.

Щи кипения Рожковой перевалили через край:

- Чевоёй-то вы молодёжь балуете? - сделала она грозное замечание старику. - Не ровён час, они и на голову сядут! Совсем разболтались. И эта, - кивнула она на девушку, - вместо того, чтобы мне путь в троллейбус уступить, встала поперёк! Нечто не видит, что я иду!

Это личное местоимение «Я» было подчёркнуто столь грозно, что многие пассажиры на неё оглянулись, дабы узреть, кто же такая эта «Я».

Старик сделал равнодушным лицо, как будто замечание его не касалось. А девушка тут же поднялась и вышла на остановке.

Конечно, Рожкова не считала себя властительницей мира, и чтобы его обитатели по первому её замечанию попадали к её ногам, даже мысль туда близко не подходила, да и мыслей таких у неё вовсе не было, так, прикидки кухонного свойства, но вот то, что окружало её, Рожковой не нравилось, потому что люди не хотели замечать её, уступать ей сразу дорогу на улице, подпускать первой к прилавкам в магазине, проходить вне очереди в поликлинике. Она же всё это сразу замечала, потому что находилась в своём теле, не понимая этого, как это её разделяют на тело и на ту, которая, Рожкова, сидит там. Ладно, это дело проходимое. Но то, что этого не понимали другие, её сильно расстраивало.

- Ишь ты, своенравная какая! Не нравится ей, вишь ты, замечания слушать от пожилых людей, гордая она, вишь, - не сказала, а прошипела Рожкова.

Седобородый старик, покачал неодобрительно головой и миролюбиво сказал:

- Позвольте вам возразить, уважаемая, молодёжь наша ничуть не хуже нас в молодости...

- Даже слушать не хочу глупости ваши, - прервала его Рожкова. - Вот из-за таких, как вы, молодёжь эта никакого уважения не имеет к таким труженикам, как я, всю жизнь головы не поднимала,

Через несколько остановок салон троллейбуса укомплектовался, и вошедшие с недоумением и хохотком выслушивали тираду спрятанной за толпой какой-то женщины. Пассажиры же не знали «выдающуюся» Рожкову, которая отчитывает всех и каждого за неуважение к ней.

А она продолжала, всё более распаляясь, изредка переходя на крик:

- Чего себе позволила, в троллейбус не пускала! Вы видали такое! Да я таких бы на пятнадцать суток сажала. Вертихвостка, а потом аборт делают через день!

Из толпы донёсся смешок:

- Как это, она, что, как лягушка, икру мечет?!

Рожкова парировала:

- Видали? Нет, вы погодите, вы видали, до чего распустились! Беременность для них как лягушачья икра?

Троллейбус энергичнее загудел электричеством.

Она ещё продолжала что-то обидное для всех говорить, но на неё уже махнули рукой. Но тут подошла и её остановка, когда как-то само собой случилось невероятное: по ходу её движения от сиденья к двери люди одновременно расступились, создавая ей коридор, по которому она, никого не коснувшись, со своим бесконечным бормотанием вышла из троллейбуса.

Деревенское детство Рожковой было тяжёлым, о любви и ласке родителей она ничего не знала, поэтому оказавшись в Москве, сразу быстро забыла о деревенской родне, связи с ними не поддерживала, чтобы им неповадно было являться к ней, чтобы, сидя на её шее, решить свои проблемы, но страсть её к заготовкам лесных ягод, грибов, трав лечебных, которые достаются даром не угасла, поэтому она выезжала в лес, как только «нутром» чувствовала, что поездка будет удачной, прежде, комары, шмели, дикие пчёлы и прочие лесные насекомые её не сильно беспокоили, принимая за свою, но с каждым годом они набрасывались на неё всё враждебнее, яростнее, поскольку чувствовали, что она чужая. Ездила Рожкова в лес всегда одна, оберегая свои ягодные и грибные места, а ещё, чтобы искупаться в безлюдном пруду голышом. Ох, как же она резвилась, представляя себя владычицей лесною. Вот она собрала две корзины ягод, постоянно отбиваясь от тучи комаров, которые с особой остервенелостью, оставляя на пухлом теле капельки крови, кусали её, пили кровь, да шмели эти наглые совсем озверели, жалят и жалят:

- Что накинулись на меня, пошли отсюда, - злобно отмахиваясь, шипела она, но насекомые только усиливали свою атаку на неё, - пошли вон твари, всю кровь мою выпили, вот погодите, я вам покажу.

С этими словами она разделась догола у куста калины. Однажды, в девичестве, правда, даже подивилась весной цветам её.

Прежде ничего не знала о строение цветов калины. Рожкова никогда не рассматривала их внимательно, а в тот день внимательно разглядела цветок, похожий на плоское белое блюдце. Белый цветок калины. Очень уж он напоминает блюдце к её любимой чашке. Калина цветёт белыми зонтиками, причём, наружные цветки по раз-

меру больше тех, что расположены внутри зонтика - удивительно! Наружные цветки состоят из пяти широких лепестков, внутренние - мелкие цветочки похожи на маленькие колокольчики, в центре которых на тоненькой ножке возвышаются горошинки, как язычки колокольчиков, но едва вспомнив о них, вбежала в воду заросшего пруда...

Если бы Рожкова держала постоянно рот закрытым, то это было бы всего лишь женское тело. Например, она видит в большое зеркало своё неподвижное обнаженное тело в горячей воде ванны, колени разведены и согнуты. Рука поглаживает собственное тело там, где удовольствие развивается наиболее остро. Лицо щекастое ещё больше от мытья покраснело. Рожкова как бы со стороны всматривается в своё обильное тело. Полезно попариться в горячей воде, чтобы тело не было дряблым. Разомлев, Рожкова вспоминала свою деревню на холме над рекой, бабушку, которая раз в неделю обязательно вела её с собой ночевать на задний двор, рядом с козой и поросёнком, чтобы девочка привыкала к неприятным запахам.

Когда же Рожкова подросла, то сошлась со скотником Семёном, пропитанным животными миазмами, на которые Рожкова никакого внимания уже не обращала, так как была добротнo подготовлена к роли самки. В памяти всегда оживал момент, когда Семён целовал ее малиновые соски, крепкие, как вишнёвые косточки, как заголил подол, освободив от прочего, завалил на солому и, раздвинув ноги, определил в известное место, словно сквозь лепестки цветка скользящее «не могу» своего вставшего солдатика, уже не мальчика, но «вьюношу». А Рожкова-то повизгивала от удовольствия, и даже бляла козой.

И тут самый срок, ну, надо же, подоспел Семёну идти в армию, гуляли три дня, все каблук*и* отшибла в плясках, а

через неделю Семён пишет, что попал служить в самую Москву.

Дома Рожковой не сиделось, не с кем спорить, неко-го учить жизни, единственной радостью была еда, она постоянно что-то жевала, а уж обед её состоял из большой тарелки наваристых щей с рулькой и кусочками сала, затем овощей побольше, чтобы ложка стояла, а на второе, как водится, картошка жаренная на сале, 3-4 сардельки с горчицей, огурцов солёных или капустаки квашенной и пару бокалов чаю с колотым сахаром. На еду она денег не жалела, наставительно объясняя всем и каждому, что в жизни только две радости наличествует - поесть пожирнее, да одеться побогаче, а без этого и родиться незачем.

После обильного обеда Рожкова ежедневно, тяжело дыша, постоянно останавливаясь, несла своё огромное тело весом около ста пятидесяти килограмм на прогулку, прежняя худоба исчезла бесследно вместе с ростом благосостояния её, вокруг своего длинного десяти-подъездного дома с обязательным посещением близлежащего сквера, в котором она постоянно отводила душу, отчитывая одуревших от денег владельцев собак. Особенную ненависть у неё вызывали собаки мелких пород такие как - Русские той-терьеры, Брюссельские гриффоны, Чихуахуа, Японские хины, Мальтийцы, Йоркширские терьеры и Той-фокстерьер и прочие очаровательные создания, которые вызывают у окружающих восторженное умиление своими стрижками, нарядами, аксессуарами. Рожкову же то, что вызывало улыбку у людей нормальных, эти «крысята», иначе она их не называла, и их хозяева приводили в бешенство, она считала своим долгом объяснять невменяемым собачникам, что «дитям в Африке» есть нечего, а они с жиру бесятся, не знают, куда деньги девать, водят и водят их там, где приличные люди здоровье своё поправ-

ляют, а «крысятя их гадят и гадят». Собаки при виде её громко лаяли, а она топала ногами и извергала огненные клубы ненависти.

И всё томило, подтачивало, опустошало и без того пустую душу Рожковой, она на какое-то время смирялась со своим недовольством всем и всеми, главным образом, во время дневного сна, когда, вернувшись с прогулки и, набив необъятный желудок обедом, валилась на узкую тахту и тут же засыпала глубоким сном, настолько глубоким, что даже никакие сны не шли к ней. О снах Рожкова, впрочем, никогда не заботилась, и даже ночью в моменты их явления, она не могла при пробуждении их вспомнить. Надо вообще сказать, что с памятью у неё дела обстояли неважно. Бывало, включит телевизор на любой программе, не имеет значения на какой, устанется экран и при смене кадров уже не помнит предыдущего кадра, то есть вообще не умела складывать кадры в целое. Рекламу принимала за явь, чтобы тут же забыть, это только когда каждый день и каждый час противным голосом сантехник говорит про засор сантехника, она кое-как врубается, идет в ванную и на кухню, чтобы пролить трубы горячей водой, которая уходила со свистом, успокаивая Рожкову.

Особым достижением Рожковой было то, что она в своей жизни не прочитала ни одной книги. Впрочем, и газет она не читала. Но вот что касается цифр, тот тут она была настоящим арифмометром. Ещё бы, посиди за кассой всю жизнь!

Отслужив срочную службу, Семён остался в Москве на сверхсрочную, выписал из деревни Рожкову, расписались, им дали комнату в коммуналке, в которой Рожкова почему-то возомнила себя хозяйкой, заглядывала без стука в комнаты соседей, на общей кухне сбрасывала с плиты чужие кастрюли - ведь это Рожкова пришла готовить, при этом

приговаривала, что она терпеть не будет подобное свинство в своём доме.

А когда соседка, чья кастрюля улетела в угол, благо пустая была, та только собиралась готовить, едва рот открыла, чтобы что-то возразить, Рожкова грубым металлом голоса изрекла:

- Зарубите себе на носу - я тут хозяйка!

Это было так странно слышать, что в кухню вошли другие соседи, но увидев жилистую, тогда она ещё не растолстела, деревенскую бабу, смекнули, что качать права здесь бесполезно. Это Рожкова пошла в атаку:

- Мой Семён в армии на положении... Мы ни перед чем тут не остановимся...

С каким твердым характером! Сразу как из деревни замуж приехала к Семёну, поступила на курсы кассирш, выучилась, и кассирала до пенсии.

И установила главенство, могла ходить по длинному коридору коммуналки в каком угодно виде, и никого не замечая, ведь это она идёт.

Ежедневно, после обильного завтрака, Рожкова выползала на улицу, чтобы узнать новости, обсудить их с подобными ей приятельницами, непременно поспорить, высмеять советы их и объяснить, как и зачем нужно жить, вот она тщательно подбирает шарф к своему пальто цвета варёной свёклы, останавливая выбор на блестящем или как она говорит «блескучем» шарфе, наматывая его на то место, где должна быть шея, затем, не спеша пристраивает ярко зелёный мохеровый берет, украшенный массивной переливающейся брошкой, долго красит губы сочной малиновой помадой и с видом победительницы выходит из подъезда, если около него никто не гуляет, она идёт, тяжело дыша, вдоль дома, в поисках «приятельниц», которые вскоре находятся, и тут начинается разговор о жизни. У Рожковой выработана своя тактика бесе-

ды, она не спешит вступать в разговор, давая высказаться собеседницам.

- Ой, Тихоновна, ты никак похудела, - говорит Татьяна Феликсовна, самая учёная из присутствующих на скамейке соседок, - болеешь, что ли?

- Чего это, Феликсовна, взяла, что я болею, наоборот к лету хочу похудеть, а то намедни к приходу подружек дочки надела платье лёгкое, а оно-то - в обтяг. А дочка-то и говорит, что нужно воду пить простую натошак утром стакан, а то и два, а потом завтракать не раньше, чем через полчаса, а то и через час. Тогда и съешь меньше, да еще всякая гадость из организма выйдет и так каждые два часа, всего не меньше двух литров...

Рожкова возмущённо вступает в разговор:

- Глупости это! Уж я-то в еде понимаю, какая вода? Зачем пустую воду пить? Перегружать желудок, а как гулять после этого? Ведь то и дело будешь в туалет бегать! Например, я вообще воду пустую не пью...

Татьяна Феликсовна авторитетно перебивает Рожкову.

- Да, я читала об этом и слышала по телевизору не раз, что нужно помимо супа, чая и прочей жидкости пить простую воду. Я теперь покупаю пятилитровые банки «Святого источника» каждые два дня...

Что-то в небе загудело, должно быть, вертолет.

- Дурью ты маешься, Феликсовна, - сказала раздражённая Рожкова и даже рукой махнула от возмущения, - какая вода, суп, чай, компот, соки - вот тебе и польза и жидкость, а по телевизору чего хочешь тебе в уши вдуют, им же деньги нужны, вот они сегодня объясняют одно, а завтра противоположное...

Окружающие их приятельницы закивали в знак согласия с Рожковой.

- Чего воду-то пустую гонять, а? Вот ты мне скажи, как же наши бабки, дедки без воды этой жили, А?!

Татьяна Феликсовна попыталась возразить, но Рожкова не дала ей и слова вставить:

- Смешно слушать, им нужно банки эти распродать пятилитровые, которыми магазины забиты, вот вам в уши дуют, чтобы воду пили, вместо еды. Воду пьют больные, у которых еда не проходит, это несчастные люди, а ты тут теорию развернула, чтобы проходимцев всяких поддержать. Где это видано было раньше-то, чтобы в магазине простую воду продавали. Это только дураки таскают её, деньги свои не жалеют.

На некоторое время все замолкают, глядя по сторонам. Стоят группкой и стот. Почти без движений. Голуби подходят, посмотрят на них, дадут или не дадут? И уходят дальше по своим делам. Воробьи за ними вприпрыжку. Вороны не приближаются. Издали поглядывают. Воронам спешить некуда.

Татьяна Феликсовна, понимая, что Рожкова ей не даст возможности возразить, молча пошла в магазин, а окружающие Рожкову соседки согласно кивали Рожковой, которая пользовалась у них особым авторитетом.

У них ещё теплилось чувство вины. Но вот у Рожковой чувства вины отродясь не было. Какая вина? За что и почему? Пустобрехи, взвизгнет она.

Она вышла из природы первозданной, то есть почти бессловесной, как телята, поросята, ягняты и даже куры с петухами. Дивно как созданы! Хотя постепенно устные слова налипали на неё, причём, оборонительного, злого характера. неотёсанной, хотя научилась умножать и складывать. А ведь чувство вины в разной степени в течение жизни испытывает не раз каждый нормальный человек. Но большинство, как мне кажется, людей, считают, что в их неудачах, несбывшихся мечтах виноват кто угодно, только не они сами. Эти люди всегда и везде ищут виноватых. Они считают свои проблемы самыми важными и

значительными, выносят их на всеобщее обсуждение, и ждут сочувствия. Подумать о том, что вину надо исключительно искать в себе, им не приходит в голову. В любой ситуации стоит задуматься о том, что «виновным», «виноватым», «грешным», «неправым», «преступным», «повинным», «провинившимся», «ответственным» являешься ты сам. Если у тебя не складываются отношения в семье или с окружающими тебя людьми, ищи причину, прежде всего, в себе. Читай Достоевского, слушай Стравинского, смотри Феллини... От тебя отвернулись друзья, выпотроши себя, пойми, что ты им неприятен. Почему? Вот и думай. Чтобы к тебе относились по-доброму, не критикуй, не делай замечаний, не грузи никого своими «умными» советами, которые на самом деле оказываются «идиотскими», не лезь туда, куда тебя не звали, не доставай людей пустыми телефонными звонками... Течёт кран, перегорела лампочка - виноват ты, кто за тебя будет заниматься ремонтом? Пригласи специалиста, сам исправь. Не жалуйся, не ной, не грузи людей. Прежде всего, надо причину искать в себе. Однако это ни в коей мере не касалось Рожковой, поскольку она и так была в себе, как в центре мира, который охранял её, как она говорила, от наносного, и умных людей она считала придурками, которые очень много о себе понимают.

Выйдет на балкон и смотрит сверху вниз. Смотрит и смотрит. Взгляд застывает. Кто там, что там? Неизвестно.

Рожкова не сразу засыпала на своей мягкой, с сетчатыми пружинами, широкой кровати, с железными спинками и поблескивающими шарами на стойках, потому что любила нежится в собственных ласках, доводя себя до экстаза, когда кровать начинала ритмично поскрипывать, как будто с ней был мужчина. Рожкова часто дышала, даже поскуливала от возвышения удовольствия. И она плыла в воображении по широкому деревенскому пруду среди желто-

боких кувшинок и зелёных крупных, величиной с тарелку, листьев, распланных по поверхности и опутанных витиеватыми водорослями. Ноги сами собой сгибались в коленях и расходились в стороны так широко, что, казалось, она садилась на шпагат, и в момент пика удовольствия так согнулись и так оттолкнулись, как у прыгуньи в высоту, что Рожкова взлетела огромной лягушкой и впрыгнула на берег под кусты бузины в густых зарослях крапивы. Скользкое с крапинками болотного цвета тело колыхалось, жёлтый свисающий зоб пульсировал, и всё говорило о счастливом возвращении в привычную стихию природы.

"Наша улица" №248 (7) июль 2020

В ГОЛОВЕ СТОИТ ТУМАН

Если сын наркоман, то в голове стоит туман.

- А ты что молчишь? - обратилась Костикова к мужу.

Всё в жизни происходит незаметно, даже плавно. Не замечаешь, как из пятилетней девочки становишься пятидесятилетней, а потом семидесятилетней женщиной. Смотришь на себя в зеркало и с изумлением задаёшь себе вопрос: «Ты кто?» Прошлые годы прессуются в миг, будущее растянуто до непостижимости. Именно поэтому незаметность понимается только тогда, когда уходит в прошлое. Будущее же давит грузом неизвестности.

Муж, Николай Петрович, лежал на диване и одним глазом поглядывал на экран работающего телевизора, который не выключали с утра до ночи.

- Ты оглох, что ли? - продолжила Костикова.

Всюду витает дух весенний. Весна держит паузу перед буйным цветением, которое неизменно из года в год преображает всё вокруг. Весенний дух пробуждает неожиданные переменчивые настроения, он едва уловим. Просыпается неспешно земля, оттаивает. Облака движутся непрерывно по делам своим, рассеивая попеременно то мелкий дождичек, то крупинки снежной пыли. Пасмурно, но с ветерком доносится нежный аромат пробуждающихся трав. Едва проклюнувшись. Птицы деловито и внимательно осматривают их, в поисках прошлогодних семян и сонных букашек. А почки на глазах увеличиваются, набухают. Как только теплый луч коснётся их, так и раскроются. Они уже истекают клейкой смолой, дурмящей до безумия, с кислинкой. Воздух пьянит, кружит голову.

- А что тут скажешь... - наконец откликнулся муж и глухо вздохнул.

Раннее пробуждение природы после дождливой пасмурной зимы, происходит естественно. Едва подсушенные мартовским солнцем ветви деревьев, во многих местах ещё влажные, как бы с удивлением оживают, напитываясь лучами солнца, вырвавшегося из-за туч, выпрямляются, возрождаясь к новой жизни. На ветвях появляются посланцы весны - маленькие точки, которые с каждым днём увеличиваются, растут, соком наливаясь, как у Мандельштама: «...И еще набухнут почки, // Брызнет зелени побег...», происходит чудо - почки из маленькой точки превращаются в буйную зелень и благоухающие цветы.

Ольга Валентиновна Костикова привлекала к себе внимание окружающих, прежде всего, негромким обволакивающим голосом, который в сочетании с покатыми плечами, узкой талией и широкими бёдрами, ассоциировался с выпускницей гимназии начала прошлого века. Да, женственность была её отличительной чертой: плавные движения, несколько рассеянный взгляд, умение проникновенно слушать собеседника магически действовали на молодых людей с первых дней занятий в институте, поэтому поклонников у Оленьки с первых дней учёбы в институте было более чем достаточно, она выбрала москвича из очень обеспеченной семьи, который уже писал диплом, а вскоре состоялась студенческая свадьба, а через год, как и положено, родился сын Женечка. К удивлению свекрови мягкая и нежная Ольга оказалась девушкой неуступчивой, даже строптивой, а супруг её был совершенно очарован невесткой и всегда во время семейных споров принимал её сторону.

Конечно, у Ольги Валентиновны были романтические отношения, но они были непродолжительны и она о них

никому не рассказывала. У неё было много подруг, с которыми они приятно проводили время постоянными встречами и захватывающими разговорами о моде, уходе за собой и невероятных подарках судьбы, которые непременно должны произойти с каждой из них. Став старше, Костикова из привлекательной девушки превратилась в интересную женщину брюнетку, её блестящие каштановые волосы оттеняли светлую кожу, а тёмные брови, разлетающиеся дугой с такими же тёмными ресницами, притягивали светлые, доверчиво распахнутые глаза. Она производила впечатление настолько беззащитного создания, что в желающих её защищать недостатка не было.

Костикова стала следить за собой, всегда выглядела привлекательной и ухоженной, при этом косметикой пользовалась очень сдержанно, подчеркивая только губы, глаза и умело использовала пудру и румяна. Если нужно было сделать выбор между билетами в театр и покупкой сумки или очередной кофточки, она выбирала билеты в театр, или поездку куда-нибудь дня на 2-3, особенно любила она Петербург.

Женечка был копией своего отца - высокий худощавый, угрюмый настойчивый и неуступчивый, Костикова объясняла это тем, что ему не хватало отцовской ласки, он абсолютно не умел слушать, всегда и во всём упрямо настаивал на своём. Бабушку с дедом он изводил своим упрямством при их жизни, а когда их не стало, часто говорил, что, так как они его любили, его больше не полюбит никто. У Костиковой слова эти неизменно вызывали комплекс вины, который она пыталась загладить тем, что во всём потакала ненаглядному, «бедненькому» Женечке.

Появление внука настолько поглотило родителей мужа, что они подарили молодым кооперативную квартиру, а заботы о внуке полностью взяли на себя. Ольга же с су-

пругом стали воскресными родителями. Очень скоро муж Ольги убедился в том, что семья и быт тяготят молодую жену, она постоянно упрекала его, что он пытается сделать из неё прачку и повариху, а сам постоянно развлекается, так они стали проводить время в разных компаниях. Молодые супруги настолько увлеклись лёгкостью и весельем столичной жизни, что постепенно настолько отдалились друг от друга, что решили расстаться, тем более что молодой супруг полюбил другую. Костикова какое-то время жила с сыном у родителей мужа, сумела найти подход даже к свекрови, которая встала на её сторону, понимая, что ребёнку, прежде всего, нужна мать, поэтому они купили сыну другую квартиру, а квартира, подаренная молодым в связи с рождением сына, осталась Ольге с ребёнком.

После развода Ольга несколько лет подряд возила Женечку на море, потому что он слишком часто простужался, родители отца Жени поддерживали её. Они очень переживали оттого, что у внука, ненаглядного Женечки, появится отчим, поэтому всячески баловали внука.

Николай Петрович был круглолиц, упитан, с заметным брюшком, и небольшим косоглазием, поэтому часто казалось, что он во время разговора смотрит не на тебя, а в сторону.

- Лучше б только водку пил... - наконец изрёк он и замолчал.

Костикова не стала встречать, давая возможность мужу сосредоточиться.

Когда Женечке было 9 лет, Костикова встретила коренастого военного Николая Петровича, которые был немного ниже её, но производил впечатление надёжного тыла, который так красиво ухаживал за ней, окружил заботой и вниманием их с Женечкой, что она после непродолжительных раздумий согласилась выйти за него замуж. С первых

дней совместной жизни их отношения сложились как-то так, что муж ухаживал за ней, а она ему это позволяла, а уж когда она родила ему сына Дениса, Николай Петрович готов был исполнять любой её каприз.

Денис родился копией матери - такие же темные брови, выразительные светлые глаза, а на левой щеке - выпуклая родинка, благодаря которой, как шутили ещё в роддоме, его ни с кем не спутаешь. Правда губы у него были отцовские, полноватые, да и коренастой фигурой он был в отца.

О настоящем не говорят, в нём живут, хотя разговоры, особенно по телефону, не смолкают. Говорят-говорят и со временем исчезают, как будто говорунов и не было на белом свете. Настоящее - сиюминутно, без перемен. Не то чтобы, но и не так чтобы. Через мгновение оно неумолимо становится прошлым. Прошедшие события в нашей памяти если и задерживаются, то трансформируются до неузнаваемости в зависимости от нашего душевного состояния и духовного роста, а то и бесследно исчезают, так чёрное становится белым, трагические моменты вспоминаются как комические. Счастливые случаи лучше хранить в душе бережно. Похваляешься счастьем - станет другому завидно, а начнешь сетовать на жизнь - лица делаются сочувственно-далекими и тревожно-усталыми, потому что каждому человеку довольно своей заботы.

В поте лица своего строила Костикова своё женское счастье, пытаясь обеспечить счастливую, безбедную жизнь детям своим, и не заметила, что жизнь прошла, а нерушимое здание семьи, которое она упорно, как ей казалось, строила - развалилось.

- Я вот выпиваю, а дураком не делаюсь. А этот на шприцы и таблетки перекинулся, - договорил муж.

Костикова вспыхнула:

- Не «этот», а Женечка!

- Вот-вот, бегай за ним, сопли вытирай, корми, одевай...
- Я же мать его! А ты - посторонний...
- Это я-то посторонний. Да ему хоть кол на голове тиши! Сколько раз я ему пытался объяснить, что он разрушает себя? То-то...

Да, муж часто раздражал Костикову тем, что делал замечания её старшему сыну от первого брака Жене, чувство вины перед которым не давало ей покоя, она же старалась быть с ним особенно ласковой, избегая делать ему замечания. Женечка с детства, как ей казалось, был очень впечатлительным, настойчивым в исполнении своих желаний, всегда добивался своего, поэтому Костикова даже не пыталась ему возражать, поскольку считала, что материнская любовь способна делать чудеса.

Действительно, Женечка, старший сын, с одиннадцати лет жил с отчимом, то есть с Николаем Петровичем, родного отца видел несколько раз в год, правда, и не очень-то ждал встреч с ним, потому что отец был постоянно недоволен сыном, выговаривал, что мать невероятно балует его, но Костикова считала, что раз Женя учится хорошо, проблем с учителями и поведением не создаёт, то они должны выполнять его желания.

В пятнадцать лет Женя захотел мотоцикл, а когда ему отказали и отец, и отчим, пропал на два дня. Костикова сбилась с ног, разыскивая сына, а когда он позвонил ей, убедил вернуться домой, а он сказал, что вернётся только после покупки «крутого прикида», она сказала, что «прикид» уже куплен, и пообещала купить ещё и мотоцикл в следующем году.

Через год Женечка забыл о мотоцикле и ушёл жить к одинокой женщине, которая была старше его более чем в два раза, никакие мольбы матери не убедили его вернуться домой. Правда, через три года он вернулся с беремен-

ной сверстницей, Костикова была так счастлива, что организовала свадьбу и убедила мужа, Николая Петровича, переписать свою однокомнатную квартиру на пасынка, а самому прописаться в её трёхкомнатной квартире, чтобы они жили своей семьёй с их маленьким сыном Денисом. На свадьбу Жени родной отец подарил ему «Москвич». Сын был счастлив.

Женечке были свойственны резкие перепады настроения: в один миг он мог быть добрыми и отзывчивыми, а в другой - холодным и злым, часто обманывал по любому поводу и отказывался признавать это, мгновенно переходил в наступление, когда ему указывали на откровенную ложь, обвиняя окружающих.

Костикова же всегда и во всём оправдывала Женечку, попрекая себя в том, что ему пришлось жить с отчимом, который так и не смог его полюбить, старалась относиться к жене сына дружелюбно, но постоянно вмешивалась «из лучших побуждений» в их личную жизнь.

После рождения дочки, Женя увлёкся игровыми автоматами, молодой семье было не на что жить. Костикова была убеждена в том, что невестка не уделяет внимания её сыну, поэтому он вынужден искать себе утешение таким образом. Молодые развелись. Костикова договорилась с невесткой, что деньги на содержание внучки она будет платить каждый месяц сама, чтобы Женю не нервировали алименты.

Бесконечные разговоры поздними вечерами по телефону с Женей и бывшей невесткой занимали всё её время, что раздражало её мужа, который всё чаще пытался объяснить бесполезность этих разговоров, Костикова же искренне считала, что в жизни иначе и быть не может. В любое время суток она ловила машину и спешила домой к Женечке, спасать своего «ненаглядного мальчика, которого никто, кроме неё не понимает».

Чувство вины в разной степени в течение жизни испытывает не раз каждый нормальный человек. Но большинство, как мне кажется, людей, считают, что в их неудачах, несбывшихся мечтах виноват кто угодно, только не они сами. Эти люди всегда и везде ищут виноватых. Они считают свои проблемы самыми важными и значительными, выносят их на всеобщее обсуждение, и ждут сочувствия. Подумать о том, что вину надо исключительно искать в себе, им не приходит в голову.

Обида огромным спрутом распустила свои щупальца внутри Костиковой, ей стало трудно дышать, так хотелось избавиться от неё, но как?

- Коля, как же спасти Женечку? - не успокаивалась Костикова.

Николай Петрович безответно косил в телевизор.

Ему и без того забот хватало, молча готовил еду, забирал сына Дениса из детского сада, потом из школы. Денис рос самостоятельным мальчиком, любил математику, участвовал в различных олимпиадах и даже занимал призовые места. «За Дениса моё сердце спокойно», - постоянно повторяла Костикова.

В калейдоскопе дней Костикова не заметила, как старшему сыну минуло тридцать лет, к своему юбилею, он продал за долги свою квартиру и вернулся к матери с отчимом, вновь пристрастился к наркотикам, Костикова возила его по различным народным целителям, но это приводило лишь к кратковременным передышкам.

Как часто окружающие нас люди, близкие и случайные, наблюдая увлеченного чтением человека, задают один и тот же вопрос: «А какой из этого прок будет?» Всё пытаются получить прок, каждый день, приобретая нечто материальное. Воистину фамусовщина бессмертна! Если занятие не приносит ощутимого материального вознаграждения, то это - прихоть. Много читает человек, значит, себя не бе-

режёт, от этого и заболеть можно, куда лучше смотреть в ящик.

Перемещение свойственно людям, бегущим, как мне кажется, от самих себя. Там, за горизонтом, жизнь лучше, чем у нас. Что у нас? Тоска и серость с урчащим телевизором. На худой конец восклицают: давай переставим мебель, нет, погоди, сначала нужно переклеить обои. Потом доходит очередь до потолка, а пол? Выясняется, что линолеум необходимо заменить паркетом, а новый диван уже привезли. Перемещениям нет конца. Ссорятся и разводятся. Разъезжаются, делят имущество. Меняют один район на другой, один город на новый город. И нигде не находят покоя. Суета, спешка. Бегут, толкая друг друга. Чтобы успеть на поезд в метро, как будто он - последний. Впрыгивают в трамвай, троллейбус с сумкой на колёсах, едут да не в ту сторону, оказывается, надо было дорогу перейти. Перемещают вещи из дома на дачу. Падают с ног от усталости. Сил нет. Надо было уезжать отсюда, подальше, за горизонт, потому что счастье их ждёт именно за горизонтом.

Спасая Женечку, Костикова все силы свои направила на то, чтобы он был рядом с ней, забросила мужа и Дениса. Младший сын, как-то быстро вырос, поступил в физико-технический институт, успешно учился, но в двадцать лет совершил поступок, от которого они с мужем потеряли дар речи: привёл в дом пятнадцатилетнюю девочку, заявив, что у них любовь и они будут жить, как муж и жена, а когда ей исполнится восемнадцать лет - поженятся.

Родители девочки пытались забрать дочь домой, но молодые были настроены решительно, и настояли на своём. Костикова с мужем, опасаясь того, что сына могут привлечь по статье за соращения малолетней, всячески баловали юную возлюбленную сына, а когда та стала совершеннолетней, с облегчением сыграли свадьбу.

Денис нашёл себе интересную работу в уважаемой компании, молодые сняли квартиру. Костикова, по-прежнему, всё своё время отдавала Жене, но тут с мужем стали происходить постоянные несчастья, то перитонит на даче, то переломы один за другим, ей пришлось много времени уделять мужу, а Женя в это время опять связался с наркоманами.

В результате после бесчисленных болезней муж умер. Костикова никак не могла смириться с этим, только потеряв его, она, вдруг осознала, какой опорой и поддержкой для неё он был. На неё свалилась масса бытовых проблем, о которых она вообще не знала, да и деньги стали исчезать с невероятной скоростью. Устроив старшего сына на очередное лечение, она поняла, что не может жить одна в квартире и переехала жить к младшему сыну, у которого рос очаровательный шестилетний сын. Как же она была поражена, выяснив, что жена Дениса не заботится о муже, не занимается хозяйством, целыми днями болтает по телефону, вместо того чтобы играть с ребёнком, она решила спасти сына от недостойной жены. Через несколько недель она добилась того, что невестка с ребёнком уехала жить к родителям. Потом Костикова убедила Дениса в том, что он совсем не знает женщин, потому и терпел такую жену, она убедила его вернуться домой, отказаться от съёмной квартиры, чтобы они втроём - он, брат и она были вместе и заботились друг о друге, тем более что она абсолютно не сможет жить одна.

Денис искренне переживал за мать, поэтому согласился с матерью, которая совершенно растерялась от количества проблем и дел, свалившихся на её хрупкие плечи. Он ещё не догадывался, что для того, чтобы научиться владеть собой необходимо желание, выдержка, приветливость и добрый нрав, который можно воспитать в себе. Обидчивость,

вспыльчивость, гневливость - качества, которые можно обуздать, было бы желание. Конечно, очень важна самоирония и стремление понять, как тебя воспринимают те, чьим мнением ты дорожишь.

Дела набегают сами собой. И если их откладывать, то это приводит к расстройству нервной системы, потому что не сделанные тобой дела долбят затылок, как дятел ствол березы. Отложил одно дело, потом другое, а их уже накопилась целая гора, кажется, что ситуация приближается к критической, наступает момент отчаяния, хочется исчезнуть, спрятаться от себя и окружающих. По сути, вся жизнь - это преодоление себя и всевозможных препятствий, выполнение обязательств и дел. Просто к делам обыденным следует относиться легко, выполняя их по мере возникновения.

Как часто люди советуют друг другу не обращать внимания на любые неприятности. И это правильно, но трудновыполнимо. Потому что плохое очень сильно задевает, особенно впечатлительного человека, тонко чувствующего. Да, просто выводит из равновесия. С этим нужно учиться справляться, понимая, что есть такая категория людей, которым доставляет удовольствие ранить окружающих своими высказываниями. Они считают себя правдолюбцами, гордятся этим своим качеством, полагая, что правда доступна только им, но не понимая, что постоянно жалят хороших людей своим ядовитым жалом. Сила слова, его возможность вдохновить, поднять человека над толпой, им не ведома.

Черты характера проявляются у каждого человека не сразу, а постепенно. Немногие позволяют себе роскошь быть, а не казаться. В общественных местах, на работе люди, как правило, скрывают свой истинный характер. Его распознает только близкий человек. На собственном опыте я убедилась в том, что, порой, в критической

ситуации изумляюсь своим поступкам, открываю в себе такие черты характера, о наличии которых не догадывалась. Тайные особенности характера не всегда проявляются в течение жизни. Всё зависит от ситуации. Люди, не переносят одиночества, за редкими исключениями, оно их гнетёт, и они почти бессознательно устремляются к себе подобным. Особенно привлекает толпа в часы пик. Когда волна людская несёт их туда-сюда, вздымает, и выносит утомлённых, но довольных домой, где в свете люстр их ждёт огромная семья. Стук ложек и вилок, громыхает телевизор, непрерывно звонит телефон. А ведь мы приходим в этот мир и покидаем его в одиночестве. Да и самая важная часть жизни происходит в одиночестве...

Утром шёл дождь, его сменил град, затем показалось ослепительное солнце, которое внезапно сменила метель. Ольга Валентиновна Костикова бесцельно ходила из одной комнаты в другую, подходила к окну, смотрела на небо с 12-го этажа, но ни солнца, ни тяжёлой черной тучи, из окна комнаты младшего сына Дениса, ни апрельской метели, которая внезапно появилась непонятно откуда и также внезапно исчезла, не видела.

Она бродила так уже несколько дней, то и дело, вытирая набегающие слёзы тыльной стороной ладоней. Немногим более недели прошло со дня похорон мужа, Николая Петровича, а она всё никак не хотела верить в то, что его нет, сердце её сжимала боль от обиды на него за то, что он подвёл её: «Как ты мог так подвести меня, за что?» - повторяла она один и тот же вопрос и сама же отвечала: «Смерть всегда неожиданно случается, так устроена жизнь...».

Костикова испытывала навязчивое чувство стыда за то, что позволяла себе упрёки, демонстрировала своё раздражение мужу, который неизменно выслушивал её молча,

в голове стоит туман

или спешил скрыться от её гнева на длительной прогулке, чтобы по возвращении тенью пробраться на диван в гостиной. Костикова не заметила, как и когда исчез день, пролетела ночь, что исчез ещё один день, что вновь тьма спустилась на Москву.

"Наша улица" №249 (8) август 2020

ОТРАЖЁННЫЕ ЛУЧИ

- Любимый юный, мудрый, красивый! - плотно прижимая трубку к уху, буквально пропела Галина Юрьевна, 45-летняя женщина-учёная, научный сотрудник, пишущая кандидатскую диссертацию.

- Любимая Галчонок - властительница науки! - прозвучал голос Вадима Сергеевича, 60-летнего доктора биологических наук.

- Я только учусь у тебя! - сказала она.

- А я учусь очень многому и в жизни, и в науке у тебя, необыкновенная чувственная любимая Галчонок!

Она тут же пропела:

- Я сейчас от гордости птицей взлечу высоко-высоко!

Их взгляды встретились.

"Гляди, гляди - не отвращай свой взгляд! // Читай любовь в моих глазах влюбленных, // Лучи в них отраженные горят, // Лучи твоих очей непобежденных".

Галина Юрьевна просыпается от звонка городского телефона, звонит он так тревожно, что она невольно начинает волноваться, но сразу понимает, что это очередное навязчивое предложение ненужных услуг или развод мошенников, не успевает произнести ни слова, как звонит мобильник, прислоняет его к другому уху, отвечает в оба телефона одновременно, чтобы не беспокоили, расстроенная тем, что забыла отключить их на ночь, отключает их, включает музыку, которая неизменно успокаивает её и настраивает на работу, садится к компьютеру с чашечкой целебного кофе, но замечает пыль под монитором.

Вот уж, впрямь, коварная вещь - пыль, ведь недавно протирала всё на свете, а она опять на месте лежит себе, как

ни в чём не бывало, и так на протяжении всей жизни идёт с ней борьба, в которой победа неизменно остаётся за пылью. В солнечном луче она чудесно золотится. Но красота её коварна, можно и задохнуться. Непобедимая и вездесущая пыль в результате убедила Галину Юрьевну в том, что ей с ней не справиться, в итоге пришли к компромиссу - Галина Юрьевна изредка смахивает её, а пыль на какое-то время прячется, как будто они с пылью играют в прятки.

- Как хорошо, Галчонок, что я тебя нашёл! - сказал Вадим Сергеевич.

- Да, любимый Вадимчик - это чудо! - сказала она.

- И сразу, с первого взгляда, полюбил! - сказал он.

- Так не бывает, неужели прямо полюбил? - спросила она и добавила: - Как ты это понял, что это любовь! Я сначала испугалась. Так было в этот раз... Страшно!

Подумав, Вадим Сергеевич сказал:

- Как видишь, почти десять лет я проверяю любовь свою с первого взгляда, при этом люблю всё сильнее! Вот что значит полюбить с первого взгляда!

- А я просто люблю и ничего не проверяю! - сказала она уверенно.

- Иначе никто не поймёт, что такое любовь с первого взгляда! Я могу это твёрдо говорить, потому что сразу полюбил такую красавицу, царицу Галчонка! - усилил интонацию Вадим Сергеевич.

На щеках Галины Юрьевны вспыхнул румянец, после короткой паузы она сказала:

- Любимый Вадимчик, я тоже понимаю, но лишь тогда, когда ты об этом говоришь!

Вадим Сергеевич поднес пальцы ко лбу, на мгновение задумался и сказал:

- В народе говорят, что мы сильны "задним умом", мы с тобой, любимая, конечно, невероятным образом по всем параметрам совпали, но то есть случай, о котором я много

размышляю, то счастливый случай, который нужно уметь ловить, иначе говоря, оказаться в одном институте, в одной научной среде!

Галина Юрьевна, счастливо вздохнув, сказала:

- Вадимчик, ты - совершенно необыкновенный, уникальный человек, таких нет и никогда уже не будет, а ты будешь всегда! - и после паузы добавила: - Да, этот случай изменил меня, поразил, потряс и разбудил!

Галина Юрьевна прошла на кухню, кивнув в коридоре мужу. Тот тенью исчез у себя.

Обычная вилка лежит у тарелки тихо, слева, так тихо, что её и не замечаешь, такая привычная, каждый день несколько раз с самого рождения Галина Юрьевна машинально достаёт вилку из нержавеющей стали и кладёт её слева от тарелки, вогнутой стороной вверх, вилка эта одна из шести каждый день лежит на столе, потому что следует за Галиной Юрьевной столько, сколько она себя помнит, хотя за эти годы менялась постоянно, а мать с улыбкой говорила ей, что это - к счастью, вилка же по-прежнему хороша - лёгкая, отражающая свет, рукоять её украшена ажурным растительным узором, с четырьмя зубцами, она практически невесомая, но Галина Юрьевна не забывала то время, когда пользовалась ею весьма неумело.

Так шли дни за днями. Как-то Вадим Сергеевич намекнул, что ему горестно оттого, что она живёт с мужем, а любит его, и ещё что-то на эту тему ляпнул... Галина Юрьевна бросила трубку. Пришлось долго дозваниваться, а когда услышал её голос, то взмолился:

- Все слова беру назад, прости, виноват я сам, любимая Галчонок! Люблю, люблю. Я дурак, буду лечиться, прости, ты лучшая из женщин! Люблю!

У Галины Юрьевны отлегло, она улыбнулась и проговорила в трубку:

- Ты - лучший из мужчин! Очень умён и самокритичен! Люблю!

И сама про себя подумала: "Отхожу от обид очень медленно, сержусь на себя за это, но упрямства хватает ненадолго, приходит понимание того, что любые преграды следует преодолевать, чтобы быть в равных отношениях с дорогим человеком, он ведь тоже обидчив, а жизнь такая короткая, в ней хватает препятствий и трудностей, возникающих по независимым от нас причинам, поэтому нужно дорожить и беречь то, что так дорого".

Из пустяка может вырасти чудесное воспоминание. Надо пристальнее взглядеться в этот пустяк, и в какой-то момент возникнет целая история, связанная с ним. Сегодня, сосредоточенно разглядывая свой букет из засушенных цветов, Галина Юрьевна как-то очень остро ощутила это. Раньше она расставалась с увядшими розами без сожаления. Срезанные цветы недолго радуют глаз, особенно быстро никнут головки у роз. Галине Юрьевне всегда грустно расставаться с ними. Однажды ей объяснили, как правильно засушивать розы, чтобы они превратились в "бессмертный" букет. С тех пор роскошные розы, которые ей наиболее дороги, украшают её квартиру, как лакированные потемневшие холсты голландских мастеров натюрморта. И мужу нравятся. Остановленные во времени цветы придают дому уют, создают атмосферу тепла, счастья, а также напоминают о дорогих сердцу днях. Постепенно букет разрастается, в нём присутствуют самые разные по цвету и размеру розы, а веточки кустарников и засушенных трав преобразили букет в оригинальную композицию, которая смотрится превосходно. Ваза с изысканной икебаной в сочетании с другими предметами на комодке неожиданно для самой Галины Юрьевны составили чудесный натюрморт, который напомнил ей "Вазу с цветами и часы" натюрморт 1656 года Виллема ван Эльста.

- Солнце моё, любимая Галчонок, мне так было тяжело весь день от своей тупости. Спасибо, я воспарил! - усилил голос Вадим Сергеевич.

У Галины Юрьевны даже дыхание от радости перехватило, сглатывая комок в горле, она прошептала:

- Мне тоже было тяжело, от моей глупости. Я тоже воспарила!

Каждый был у себя. Вадим Сергеевич сел в кресло против телевизора, включил на анонсе о фильме "Достоевский". Тут же взял со столика мобильник, набрал Галину Юрьевну, которая со своим мобильником сидела в своей с балконом комнате. Муж её занимался в кабинете. Услышав звонок, поднесла телефон к ушку с золотой бусинкой серёжки. Конечно, звонил Вадим Сергеевич, куда ж без него.

- Ах, счастье моё... Сейчас твоими глазами буду смотреть "Достоевского".

- Смотрим вместе! - отозвалась она весело.

Она отключилась и перешла в большую комнату с телевизором, который уже работал, а напротив на диване сидел муж. Она села рядом. Взглянула на люстру.

Лампы у прежнего светильника были направлены в потолок, который почти не отражал свет, но Галина Юрьевна долгие годы не обращала внимания на то, что в комнате сумрачно, уж очень полумрак ей нравился, да и зрение было отличное, и слишком яркий свет ей бы мешал, но с годами появились у неё очки, и она всё чаще стала посматривать на люстру с мыслью о том, что пора её заменить, но длилось эта мысль несколько лет, и вот, наконец, она решилась приступить к замене, и теперь новая люстра сияет, освещая все углы, совершенно преобразила большую комнату, и она выглядит значительно уютнее, и читать теперь удобно, и свободно различать мелкий шрифт.

Пошёл фильм, а Галина Юрьевна, глядя на Достоевского, вдруг вспомнила Блока, сопоставив его Христа с эшафо-

том, где сейчас должны были расстрелять Достоевского. Она терялась в этом сопоставлении, тема - прекрасная, и для Галины Юрьевны вполне изученная, мысли с удовольствием прокручивая в голове, вызывают всевозможные ассоциации, в венчике из роз Достоевский, вот так образ, в надежде и в вечности, такой непостижимый и такой ясный, в белом венчике, как Галчонок в детстве в веночке из ромашек, возникает в минуты печалей и горестей с того момента, как она услышала строчки Блока: "Нежной поступью надвьюжной, // Снежной россыпью жемчужной, // В белом венчике из роз - // Впереди - Иисус Христос", у меня два эти образа невероятным образом соединились и всегда поддерживают, придавая невероятные силы.

В кадре был сервированный стол. Галине Юрьевне пришли на ум ложки. Они отлично смотрелись в свете софитов. И в руках у Достоевского была красивая ложка.

Ложки хороши к обеду, но можно и без обеда немного подумать о них - чайные, десертные, столовые, салатные, много разных ложек есть ещё на свете, но в детстве её больше всего привлекали маленькие, изящные ложечки для специй, с витыми, ажурными ручками, они просто очаровывали её, поэтому она стала кормить из них своих кукол, сервизы игрушечные у неё были, а вот ложечки она брала именно эти, в результате мама купила для специй другие, а эти прелестные ложечки отдала ей, но с годами они сами куда-то исчезли. Ныне же Галина Юрьевна отдаёт предпочтение кофейным серебряным ложкам, и дарит их родным, выбирая самые очаровательные.

Через неделю Галина Юрьевна выслушивала исповедь Вадима Сергеевич после одной ссоры во время страстных объятий:

- Ты, Галчонок, в случившемся со мной нервном срыве абсолютно ни при чём, это глубины моей проклятой психики, и я просто констатировал своё состояние неисправи-

мого учёного-фанатика! Я верю тебе, верю, что никакой прогулки не было. Склоняю грешную голову перед тобой! Виноват. Но со мной всю жизнь подобное происходит, ибо воспалённое мое воображение диктует мне свои правила. Не сердись, я тебя сильно люблю, от этого все преувеличения. Извини!

А видел-то он её с Семёном Яковлевичем Харченко на Арбате. Ну, и что, что видел? Подумаешь! А он пошёл в азарте ревности накручивать чуть ли не любовную связь Галины Юрьевны с ним.

- Ты верная моя любовь! - почти крикнул в трубку Вадим Сергеевич.

- Да, любимый, ненаглядный Вадимчик!

- Как мне приятно быть с тобой рядом, любимая Галчонок!.. Вот тыходишь ко мне, вижу твои карие большие глаза, приближаюсь к тебе, обнимаю крепко и целую тебя, язычок к язычку, рукой глажу по спинке и ниже, крепко-крепко...

- Я тоже целую тебя постоянно язычок к язычку, любимый, гениальный Вадимчик!

- Галчонок, я ночами разговариваю с тобой, ты слышишь меня?

- Да-а-а...

- Я всё время думаю о нашей невероятной, исключительной любви, и она такая долгая, что просто дух захватывает! Почти 10 лет! Уму непостижимо! Но это есть! - сказал он.

- И это - чудо! - воскликнула она.

В это время Галина Юрьевна мыла на кухне тарелки.

О тарелках можно сочинить роман, поскольку каждый человек пользуется тарелками, мелкими, глубокими, с золотой каёмочкой, с тиснёным узором, ах, сколько восхитительных тарелок ещё в молодости она рассматривала в "Доме фарфора" на Ленинском проспекте, разных заводов, тонкие и невесомые, с разнообразными рисунками

цветов, животных, выбирая тарелки на все случаи жизни в свой будущий дом, со временем её мечты сбылись, она уже не заглядывалась на посуду, а память хранит две тарелки - мелкую и глубокую с золотыми каёмочками, лёгкие и изящные с цветочным рисунком, это были голубые цветочки, тарелки эти ей подарили в самый памятный день рождения, когда ей исполнилось пять лет и к ней в гости пришли друзья, это чудесное событие Галчонок запомнила как невероятно счастливый день, а в тарелки эти, завернутые в прозрачную бумагу, завязанную голубой лентой, были насыпаны конфеты в ярких фантиках.

- Как мне хорошо с тобой, любимая Галчонок, милая, нежная и всевластная надо мной! Ты обладаешь просто божественной силой воздействия на меня! - С невероятным подъёмом сказал Вадим Сергеевич.

- Я обладаю бесконечной нежностью и любовью к тебе, гений моего сердца, Вадимчик!

Галина Юрьевна пила при этом разговор кофе. Когда-то кофе пили одну чашечку за другой, особенно в рабочие дни среди приборов и книжных стеллажей, теперь же для неё это целый ритуал, каждый день она с нетерпением дожидается счастливого момента, когда наступает долгожданное время, и она непременно включает музыку, соответствующую её настроению, достаёт кофемолку, насыпает в неё зёрна, вдыхая их аромат, затем мелет его, кладёт в турку чуть-чуть соли, кофе, сахар на кончике кофейной ложки, после этого зальёт водой, как только он готов, сервирует стол, на который обязательно ставит горький шоколад и очаровательную кофейную чашечку, подаренную любимым - наступает момент абсолютного счастья!

- Любимая красавица, желанная Галчонок, спокойной ночи, и я мысленно ложусь рядом с тобой тихо! Рядышком всегда, на всю жизнь, драгоценная Галчонок, любимая! - сказал с чувством он.

- Любимый Вадимчик! Ты прелесть, создан для счастья!
- с не менее сильным чувством ответила она, - отключая телефон.

Она прошла в спальню и легла рядом с мужем. Когда он положил свою ладонь на её живот, она увидела Вадима Сергеевича и покорно отдалась ему.

На экране возникли чашки. Достоевский пил чай. Галина Юрьевна любила чашки. Чашки изящные тонкие и надёжные тяжёлые, всевозможные, и такие, и сякие ей улыбаются, призывают попить чайку, без чаепития она жизни себе не представляла, в изматывающий жарой день в голове её преобладает только мысль о живительной чашке чая, и в ненастный день она думает о нём же, рука так и тянется к большой чашке с восточным узором, которая уверенно располагается на таком же украшенном блюде и манит её ароматом целебного напитка. Сколько разнообразных по форме, цвету, узору чашек возвращали Галину Юрьевну к жизни, вызывая восхищение изысканностью и оригинальностью! Невозможно даже вспомнить. Вот стоит перед нею белая чашечка из тончайшего фарфора, изогнутая ручка её золотом сверкает, как и ободки на блюде, а голубая роза, едва распустила лепестки свои, и в это мгновение нет для Галины Юрьевны чашки краше.

Под впечатлением от просмотра "Достоевского", спустя несколько дней, Вадим Сергеевич сказал:

- Так и есть! Писатель враг семьи! Любить можно только книгу!

Галина Юрьевна, прикрыв дверь, чтобы не слышал муж, подхватила тему:

- Прочувствовала! Жить с писателем невозможно... Писатель всё время пишет, заключил себя на всю жизнь в четырёх стенах, и всё пишет и пишет, а хочется дышать полной грудью, ходить в театры, рестораны, на презентации, путешествовать, наконец! Писатель целый день сидит на

одном месте, это же ужас, требует, чтобы ему не мешали работать, чуть что спросишь, он психует, пойдёшь куда-нибудь, познакомишься с приятным человеком, он подозревает в изменах, придумывает всякие небылицы, с ума сходит, падает на пол, бьётся в истерике... Думаю о Достоевском... До чего же не устроена и тяжела была его жизнь, но явилась Анна Григорьевна! Да, жить с писателем невозможно, его можно только любить...

Слушая Галину Юрьевну, он погружался в переживания, а когда она закончила, сказал:

- Любимая Галчонок! Проникновенно и с пониманием! Отхожу от обид очень медленно, сержусь на себя за это, но упрямства хватает ненадолго, приходит понимание того, что любые преграды следует преодолевать, чтобы быть в равных отношениях с дорогим человеком, он ведь тоже обидчив, а жизнь такая короткая, в ней хватает препятствий и трудностей, возникающих по независимым от нас причинам, поэтому нужно дорожить и беречь то, что так дорого.

Галина Юрьевна от восторга воскликнула:

- Люблю!

Утром она долго копалась в гардеробе. Купит что-то новенькое из одежды для себя любимой и на вешалку попытается определить, а места-то свободного нет, купит другую, забывает о предыдущей, и вот наступает момент, дарующий увлекательное занятие по пересмотру вещей, с целью узнать, что же у неё висит здесь, тут и выясняется, что значительная часть одежды совершенно не нужна, не идёт, а то и никуда не годится, а надеть буквально нечего, наступает момент расставания с тем, что и одеждой-то назвать нельзя, в результате на вешалке появляется свободное место, которое необходимо заполнить.

Он разведённый. Она замужем... Конфликт. Интрига... Постоянные препятствия. Но они приспособились за де-

сять лет связи, потому что любят... Почему она не может уйти от мужа? Дети, родители, чувство благодарности к мужу? Не может по причинам очень простым: не желает показаться в дурном свете в институте. Там они с Вадимом Сергеевичем делают вид, что вообще не интересуются друг другом. Большинство женщин живут эмоциями, по частному мнению Галины Юрьевны, они искренне обещают сохранить конфиденциальную информацию, но узнав в чём её суть, буквально через час после того, как услышали секретное, набирают номер подружки той, о которой говорилось, и зловещим шёпотом сообщают, что им нужно встретиться, чтобы обсудить страшную новость. То, что они дали слово не разглашать новость, совершенно вылетело у них из головы, они уже полны благих намерений, желая помочь той, новость о которой узнали, так тайное становится явным, об обещанной конфиденциальности не остаётся ни следа. Да ещё Галина Юрьевна не желает раздела имущества, ибо ей очень хорошо в огромной квартире. У Вадима Сергеевича в квартире прописана дочь, незамужняя, приводит гостей... Масса препятствий... бытового характера, юридического... Все это прекрасно понимают и знают.

И зачем даже думать о разводе?! Когда одна кухня чего стоит. Просторно, уютно, просто ещё одна великолепная комната. Вообще-то кухня не её стихия, но без кастрюль никак не обойтись, надо отметить, что Галина Юрьевна обходится минимумом, у неё их всего пять, но каждую из них она выбирала с одной целью, чтобы она не только была удобна, но и глаз радовала. Все они у неё белые, но украшены рисунками цветов или фруктов. Ушли в прошлое времена, когда Галина Юрьевна готовила на 2-3 дня, да и большие застолья постепенно стали редкостью, теперь у неё в ходу две очаровательные кастрюльки на полтора литра, но они настолько обе хороши, что поднимают настроение даже в хмурые дни. Одна из них украшена сочными

красными розами с зелёными листочками, а другая - букетиками нежных полевых цветов, обе ей нравятся, поэтому пользуется она ими по очереди. Прокрутила в голове слово "очередь" и хотела его мысленно заменить, а потом подумала, что слово это выскочило не случайно.

- Все дни с думою о тебе, любовь моя Галчонок!

- Аналогичные мысли не дают мне уснуть, любимый Вадимчик.

- Сердце забилось в восторге!

- Трепещу!

В знакомстве с новой женщиной есть сильное препятствие, заключающееся в своем собственном сомнении о её желании с тобой вообще знакомиться. Ну, подойдешь, заговоришь, а она посмотрит на тебя деревянными глазами, и скажет, что она замужем. Это самый любимый прием женщины к отшиванию кавалера, мол, её ждет муж, хотя, может быть, никакого мужа у нее нет, а может, и есть. Суть не в этом, а в том, что ты ей незнаком, посторонен, необязателен. У неё масса дел, заученный, постоянный круговорот жизни, дом, работа, метро, трамвай. А ты - прогуляться по набережной! Когда? Зачем? Не мешай! Но ты очень вежлив, в первый раз просто говоришь на нейтральные приятные темы, и уходишь. Через несколько дней ты читаешь ей стихи, ну, например, Перси Биши Шелли в переводе Константина Бальмонта:

Гляди, гляди - не отвращай свой взгляд!
Читай любовь в моих глазах влюбленных,
Лучи в них отраженные горят,
Лучи твоих очей непобежденных.
О, говори! Твой голос - вздох мечты,
Моей души восторженное эхо.
В мой взор взглянув, себя в нем видишь ты,
Мне голос твой - ответная утеха.
Мне чудится, что любишь ты меня,

Я слышу затаенные признания,
Ты мне близка, как ночь сиянью дня,
Как родина в последний миг изгнания!

Она с недоумением, переходящим в испуг, - как это так в наши дни знают стихи наизусть?! - смотрит на тебя, вздыхает и позволяет на прощанье поцеловать руку. Потом через неделю звонишь ей, и приглашаешь в театр, она сначала отнекивается, потом соглашается. В театре ты угощаешь её шоколадными конфетами и минеральной водой. Расстаетесь, как друзья, в метро. Через неделю в парке она уже берет тебя под руку. И эта же женщина через год говорит тебе, что не может минуты прожить без тебя, и страстно целует, дрожа как гитарная струна, шепчет на ухо: пошли скорее! В чем тут дело? В очень простом привыкании. К тебе сначала должны привыкнуть, а привыкают постепенно, но так, что уже от твоего обаяния не могут отвыкнуть.

- Ты ко мне сильно привыкла? - спросил он.

- Что значит привыкла? Я тебя люблю так, как умею, всем сердцем и душой! - сказала Галина Юрьевна.

- Я с тобой никогда не расстанусь, потому что ты в моём сердце! - сказал он.

- Это так! Я тоже всегда чувствую тебя рядом, всегда, и говорю с тобой бессонными ночами... - сказала она.

- Я всё это к тому, что веду обычный свой образ жизни, по распорядку, но душа болит, всё время думаю о тебе, и я к тебе в этом смысле привык, как к науке!

- А я сначала привыкла к тебе, а потом к нашей биологии, так же сильно, как к тебе. У меня душа болит, но я постоянно повторяю себе, что мы вместе!

Она взяла нож. Есть ножи столовые, десертные, есть ножи для разделки рыбы, мяса, овощей, и есть ножи складные, чего в них только нет - можно и консервный нож достать, и вилку, и ложку, достал ножик, открыл всё, что нуж-

но, поиграл в ножички, как в детстве, сложил ножик, убрал, он места занимает мало, у Галины Юрьевны такого ножа не было, а вот ребята во дворе иногда играли в ножички, а она наблюдала, но попробовать не решилась, ей же доверяли дома на стол накрывать, поэтому она быстро усвоила, куда и как нужно класть ножи, особенно последовательность её веселила, и она каждый раз спрашивала маму о том, какие ножи на ужин понадобятся. Это стало её с ней игрой.

- Родная моя Галчонок, жизнь моя!

- Вадимчик, любимый!

- Галчонок, любимая!

- Я пришла на свидание с любимым!

- Ой, у меня кружится голова от нечаянной встречи! - воскликнул он.

- Это сюрприз для Вадимчика, гения моего сердца!

- Любовь моя, любимая Галчонок, целую, целую, не могу нацеловаться!

- Я зачитываюсь твоими публикациями в американском журнале, любимый, ты - истинный служитель биологии и её воскреситель! Целую...

- Я счастлив, я счастлив все 10 лет, я ликую, я нашел настоящую любовь, Галчонок!

- Вадимчик, ты не только её нашел, но ты мне её подарил! Вот уже 10 лет, как вновь родилась в любви!

Муж поставил на стол бутылку "киндзмараули".

В бутылки наливают всё что угодно: воду, водку, вино, молоко, лимонад, шампунь, бальзамы, прочие женские радости, и так далее, а сами бутылки ныне настолько расфасовались, каких только причудливых форм ни встретишь, что покупаешь ненужную жидкость исключительно из-за оригинальной формы бутылочки! Прежде они с мужем даже хранили бутылки не откупоренными, с диковинными заморскими напитками, одно время оставляли пылиться

даже пустые, но настало время, когда форма и оригинальность совершенно перестали Галину Юрьевну привлекать, и в своё время бутылки все вынесли без всякого сожаления, теперь форма бутылок её мало волнует, она присматривается исключительно к содержанию и качеству. А "киндзмараули" вещь!

После очередной размолвки Галина Юрьевна думала о том, что эмоции нужно сдерживать. Она это знает, принимает, понимает, но не всегда справляется с ними. Бывают моменты, когда чувства вырываются из-под контроля. Галина Юрьевна сама опасается подобных моментов. Они сродни извержению вулкана - бушуют, клокочут, и она бессильна перед этой стихией. Это ужасно! После подобных "гроз" она обессиленная непременно должна выспаться, и только после этого способна проанализировать свой срыв, и исправлять ситуацию. Надо сказать, что всё чаще с годами ей удаётся контролировать свои чувства и поведение. Люди, обладающие такими качествами, как терпение, сдержанность, умение слушать - вызывают у Галины Юрьевны искреннее уважение. Надо сказать, что она постоянно развивает эти качества в себе, и не безуспешно. А воспитание чувств, умение владеть ими - вот уж без чего в жизни никак не обойтись. От умения сдерживать чувства, управлять ими зависит, собственно, то, как складывается у человека жизнь. Воспитание! До чего же приятно строить отношения в разных сферах жизни с людьми воспитанными. Любые вопросы, проблемы с ними решаются легко и свободно. Было бы желание выслушать, понять и пойти навстречу, а то и помочь собеседнику. Она любит мечтать о том, что однажды свершится чудо, и все люди станут доброжелательными, приветливыми, воспитанными и терпимыми. Ведь понять такую простую мысль, что каждый человек - самостоятельный центр мира, поэтому относиться друг к дру-

гу следует соответственно так же, как ты относишься к себе, довольно несложно. Однако для многих это понимание так никогда и не приходит. А негативные чувства и эмоции лучше направить на созидательный физический труд. И всем будет хорошо. Воспитание чувств - необходимый и увлекательный процесс! Галине Юрьевне он нравится.

Да и работа нравится. Например, изучение микрофлоры биологического образца спермы, давал возможность проникнуть Галине Юрьевне в микроскопические сообщества, составляющие сперму. Галина Юрьевна сама любила собирать образцы материала. Она возбуждала массированием фаллос Вадима Сергеевича губами и языком, сжимая при этом длинный чувственный ствол своими нежными, но крепкими, с алым маникюром пальчиками до тех пор, пока головка члена не разбухала до огромных размеров и состояния малинового взрыва, и сперма со свистом вылетала из отверстия урины в специальный герметичный стаканчик. Причём для сбора материала нельзя было применять презерватив.

Есть возраст, в котором женщина должна быть красивой, чтобы ее полюбили. А потом наступает возраст, когда женщину должны полюбить, чтобы она стала красивой. На одном бутерброде и двух комплиментах женщина может продержаться весь день. Для здоровья женщин восхищённые взгляды мужчин важнее, чем калории и лекарства. Прежде чем прочесть что-либо о нынешней молодежи, стоит поинтересоваться, каков возраст автора. Чтобы быть любимой, лучше всего быть красивой. Но чтобы быть красивой, нужно быть любимой.

- Слушаю Первый концерт и ты перед глазами, любимая Галчонок, непрерывно!

- Вадимчик, я также отчётливо вижу твоё лицо и слушаю любимого исполнителя этого концерта Вана Клиберна.

именно таким я увидела его в фильме на 1-м конкурсе Чайковского, а потом сестра подарила мне пластинку, которую я часто крутила, но там он исполнял Листа.

- Ты Ангел сердца моего, ты чувства возбуждаешь за пределы! О, Галчонок!

- О, Вадимчик! Гений сердца моего!

- Самое замечательное то, что ты меня понимаешь, и постоянно возвышаешься в моих глазах!

- Спасибо тебе за душевный рост!

- Спасибо тебе за то, что ты терпеливо ведёшь меня в микромир неведомый мне до тебя дорогой!

В День рождения без стола не обойтись! Есть разные способы украсить стол, чтобы он в этот день выглядел привлекательно, радовал глаз, самый простой, создать из посуды интересную композицию, но она через небольшой промежуток времени примелькается, а вот поставить в центре стола красивую вазу с цветами, со свежими цветами, вот они-то и хороши на столе, только свежие, а потом, конечно, разложить салфетки, которых, как известно, великое множество, ажурные вязанные, туго накрахмаленные - прекрасный материал для фантазии, салфетки тканевые с вышивкой разной формы, а проще всего салфетки бумажные, вот тут пригодится воображение, важно с какими чувствами ты это делаешь.

- Хорошенькая! Я не мог сегодня дозвониться до тебя. Ты сегодня с кем-то другим говорила, или с кем-то похожим на меня. Ты сказала вначале: отключаюсь, и бросила трубку! Так с тобой сегодня и не услышался. Видно, у тебя дела есть поважнее?

- Нет Вадимчик, я ни с кем не говорила, я сидела за книгами. Кроме тебя у меня нет никаких дел.

- Но ты же сказала, что отключаешься... Видимо, ты это сообщала не мне, а кому-то другому, но ошиблась адресом... И сейчас ты целый час не брала трубку...

- Это была оговорка, я имела в виду, что буду заниматься диссертацией, что я и делала, потому что времени не хватает. Просто вышло недоразумение.

Если говорить в общих чертах о работе Галины Юрьевны, то она, в сущности, сводится к изучению микроскопических сообществ любви. Именно они создают человека, который сплошь состоит из микросуществ. Невидимые колесики в нём крутятся-вертятся, как в часовом механизме, а человек о них даже не подозревает. Да и каждый сперматозоид состоит из множества живых микроорганизмов, как и каждое минисущество построено из более мельчайших существ, и всё крутится-вертится, как земля вокруг солнца, как в самом атоме чёрт знает сколько существ.

Вечером Галина Юрьевна жарит антрекоты. Но сначала выбирает сковородку. На этой сковородке пригорает, на другой прилипает и не получается аппетитная румяная корочка, вообще плохо жарится, а на третьей сковородке - тяжёлой, чугунной, еда жарится в самый раз, она проверена в боях, но слишком уж она велика, столько Галина Юрьевна уже ни готовит, задумалась о том, что дожидая до того дня, что при четырёх сковородках ей буквально пожарить не на чем, и пошла в магазин, а там такое разнообразие сковородок из новых современных сплавов, глаза её разбежались, но выручила милая девушка, которая скучала в своём отделе, она-то сказала ей, что самые лучшие сковородки нынче делают с добавлением камня, объяснила, как ими пользоваться и подобрала её то, что нужно, дома все свои сковородки Галина Юрьевна немедленно вынесла, и теперь пользуется новой сковородкой, подумывая о том, чтобы приобрести ей пару из подобного материала, другого размера.

- После 19-го, когда я тебя засёк с Харченко, я могу думать всё что угодно! Моя психика сломана... До 19 такого

со мной никогда не было... Впрочем, как ты поливала меня: я замужняя женщина... Сильнее к Богу не пошлешь...

- У меня не было никакого умысла навредить твоей психике, прости! Только я тоже не могу похвалиться здоровьем психики своей, видимо я произвожу впечатление человека, которого можно обижать, но это не так. Упрёки и обиды меня ранят не менее, чем тебя. Доброго вечера!

- Я всё время, набирая твой номер говорю себе: сейчас она отключится, я не успею ей что-то хорошее сказать... И точно - бац, и отключилась! Всё время, постоянно...

- Я даже подумать не могла, что не нужно первой отключаться, исправлюсь, буду постоянно на связи. Вадимчик, любимый, я с тобой ни на минуту не расстанусь! Просто боюсь показаться навязчивой...

В минуты отчаяния всё сущее становится inferнальным, невольно ищешь Вергилия, чтобы успокоил и поводил по самым жутким кругам, не так ли мы блуждаем по жизни, постоянно отгоняя inferнальные мысли, цепляясь только за радужные, но обстоятельства неумолимо погружают нас в адские муки, одержимые бурными страстями близкие люди не могут успокоиться до тех пор, пока не доведут до полного смятения беспомощную женщину, не вызовут в её душе великий гнев, чтобы вспомнить из Мандельштама: "Легче было вам, дантовых девять // Атлетических дисков, звенеть. // Не разнять меня с жизнью, - ей снится // Убивать и сейчас же ласкать...".

Хорошо в эти моменты сварить в турке кофе. Ведь турки тоже рекламируют, великолепные медные турки, да к тому же ручной работы, не заводские, а от частных мастеров, не для обычного, а для правильного кофе, но прежде чем варить его, нужно подготовить зернышки кофе, положив их специальной серебряной ложкой с длинным черенком в ручную медную мельницу, не спеша вращать ручку, напевая и вдыхая умопомрачительный аромат кофе, получив

нужный помол, сначала следует добавить несколько кристаллов соли в турку, предварительно подогрев её дно, затем - 3 ложки кофе на две кофейные чашечки, налить мягкой воды и, помешивая, довести до кипения, соблюдая свои секреты, например, плеснуть чуть-чуть холодной воды, чтобы "осадок осел", только после этого турку ставят на стол, прежде чем налить кофе в чашечки, следует вспомнить историю появления турки в доме, приправив её легендой о мастере.

Вадим Сергеевич стал вслух неспешно размышлять:

- Вера, доверие, ревность, вер и рев, инверсия словообразования, ревность есть самый сильный синоним любви, я тебя ревную, значит, очень сильно люблю, верю тебе и реву без тебя, когда человек перестает ревновать, кончается любовь и начинается свободный секс (пошлость, попса, бездуховность), потому что ревнуют в любви любимого человека, а когда любовь кончается, начинается блядство, вот поэтому блядей не ревнуют, и сами бляди удивляются: "Я не знала, что ты такой ревнивый!", - говорят очередному партнёру, который вдруг в неё (в него) влюбился, как не испытывают ревности животные, к которым принадлежит бездуховный человек, но высшая любовь перенасыщена ревностью, потому что здесь царит истинная ревнивая с верой любовь, диктует поведение доверительная ревность, потому что во главе угла у человека мыслящего, культурного, воспитанного, интеллигентного стоят совесть и душа (Слово), поэтому так мало нас, служителей прекрасному, недостижимому идеалу (Господу, в моём понимании, постоянной победы высшего над низменным, человека над зверем).

Раздвоение личностей... И в этом состоянии живут очень многие... Ну, "Анна Каренина"... А тут Вадим Сергеевич глянул одним глазком фильм о маршале Жукове... Трое жён было, с одной зарегистрирован, другая на фронте ппж, третья медсестра...

Невольно Галина Юрьевна понимала, в какие психологические дебри Вадим Сергеевич завёл её. То есть они переживали такой период взаимоотношений, когда оба заглублялись в невероятные сложности...

Всхлипнув едва слышно, ох эти слёзы, они знакомы ей, очистительные и целительные слёзы - источник обретения себя, душевного роста, выражения чувств, Галина Юрьевна сказала:

- А как же быть с моими переживаниями и чувствами, ты упиваешься своими, а я пытаюсь держаться ровно и спокойно, а внутри - шторма и бури, я имею право на отчаяние! Мне плохо.

ДАША И НАТАША

Наташа звонит Даше по телефону: "Привет! Ты представляешь, выхожу утром из подъезда, на скамейке, это самое, соседка, сплетница такая, что просто кошмар. Это я от другой слышала, что она про моего Костю болтает чёрт знает что! Вот я ей с порога и вlepила: "Вы сплетница!.." А она мне: "У тебя муж дурак!.." Я хотела её сразу послать, это самое, туда... Ну, ты понимаешь... А я улыбаюсь, мол, мне хорошо. Вроде бы я даже где-то счастлива. Только, это самое, не знаю где. Говорят, есть мужья, которые пьют и гуляют. С моим чтоб такое?! Ни в жисть. Он только размышляет, это самое... Но не о простом каком-то, это самое, а про людей всех думает. Это я знаю точно. С ним нельзя просто так... А соседка говорит: "У этой-то, с шестого этажа, не просыхает. Пьёт и падает... Это ещё что! А у Зинки из сорок пятой квартиры гуляет, и тоже поддаёт... Пьёт и гуляет... А Зинка-то от ревности вся высохла... Как вобла стала. Всё следит, как бы у неё мужа не отбили". Я ей говорю: "А я спокойна. Моего никто не отобьёт... Умных-то у нас не любят. Да и в быту мой, это самое, неприхотлив. Но я целый день стираю, крахмалю... На каждой верёвке по три простыни. И все белые. А как же, непьющим мужьям комфорт нужен..." Соседка понимающе кивает и говорит: "Это ты, Наташа, правильно подметила... Ведь пьянице всё равно на чём спать, - и тут проговаривается, ведь не хотела о своём муже говорить, но вырвалось: "Мой вообще спать предпочитает на улице. Зато какая у него окружающая среда!.."

Положив с горестным видом трубку, подумав, Даша набирает номер человека из другого мира, который может

слушать Дашу часами, и когда он снимает трубку, нежным голосом неторопливо говорит: "Сколько помню себя с детства, меня интересовали женские лица. Сначала меня интересовали прически, брови и губы. Слово "макияж" тогда не было знакомо мне, да и о косметике разговоров в нашем доме не вели. Я мечтала стать взрослой как можно скорее, выщипать брови, иметь просто красивые от природы брови, казалось мне неправильно, и купить губную помаду всех оттенков, к каждому платью. Смешная, глупая и наивная я была. Повзрослев, я стала не просто рассматривать, я стала любоваться женскими лицами: внутренним светом, благородством, глазами, выражением лиц, и пришла к мысли, что красота, во многом зависит от внутренней самооценки, от наличия или отсутствия вкуса, умения подчеркнуть свою индивидуальность. Я расстраиваюсь, когда вижу лица старательно "сделанные под кого-то..."

Много раз мы слышали от разных людей всевозможные истории о трудных, подчас неразрешимых ситуациях в семье, среди братьев и сестер, между родителями и детьми, но если анализировать все эти эпизоды, знакомые каждому человеку, поскольку каждый человек появлялся в какой-нибудь семье, даже состоящей, в большинстве случаев, из матери-одиночки и ребёнка, но тем не менее, вполне способен разобраться, пусть поверхностно, в хитросплетениях этих родственных отношений. Главная же особенность здесь заключается в том, что родство, как правило, расценивается как пожизненная обязанность одних перед другими, если ты мне сестра, скажем, то значит, обязана меня как старшую сестру слушаться, так же как и другая наделена как бы врожденным чувством зависимости перед своей сестрой. И если углубляться во все эти хитросплетения, то дойдешь до начала времен, когда животное заговорило и начало наделять себе подобных именами, после чего медленно стала возникать, как говорили марк-

систы, ячейка общества, которая впоследствии переросла в регистрации гражданского состояния штампами в паспортах. Эка, куда шагнули волосатики с пальм с бананами в руках, но, конечно, так или иначе, устоявшиеся традиции не так-то легко сдаются, и если ребенку с молоком матери внушали, что эта девочка твоя сестра, то ты настолько с этим смирилась, что даже никогда не появлялось сомнений в этом постулате. Как же иначе? Но попытаемся в этом рассказе найти хотя бы приблизительно объяснение этим положениям.

Итак, ни с того ни с сего к Даше ранним воскресным утром прибыла, а точнее неожиданно нежданно свалилась старшая сестра Наташа. Она не постеснялась нарушить почти элегический покой сестры, проживающей в малогабаритной однокомнатной квартирке с мужем.

А собственно, почему Наташа должна входить искусственно в какое-то положение сестры Даши? Наташа старше, и этим для неё всё сказано. О, тут начинаются такие дебри, что, как говорят мужики в пивной, без бутылки не разобратся. А дело вот в чём. Наташа, в свою очередь, была ошарашена этим утром тем, что к ней ни свет, ни заря явились сёстры её мужа Константина, спасти его от тирании Наташи. Она, мол, его использует, эксплуатирует, и его надо спасать. Хотя всё сводилось к очень простому делу. Константин не желал работать, ибо занимался теорией, конечно, в устном виде и про себя, в голове, спасением человечества. Вот поэтому его сестры обвинили во всех проблемах Наташу, так как считали брата гением. А Наташа, по их мнению, не понимала величия человека, который ей достался в мужья.

Но во всем этом была самая простейшая история. Двухкомнатная квартира принадлежала Наташе, приватизированная на неё одну до того, как она вышла замуж за Константина, который был родом из солнечного Таджикиста-

на. Его старшая сестра несколько лет назад вышла замуж за москвича, родила троих детей, а потом её муж ушёл из семьи и уехал на заработки, оставив жене и детям квартиру в качестве выкупа за свободу. Тут, естественно, в гостеприимную Москву подъехали сестра и брат, который вскоре стал мужем Натальи. Даша была поставлена перед фактом, что старшая сестра вышла замуж. Она, правда, с некоторой опаской посмотрела на гениального мужа сестры, который при первой же встрече пытался загрузить её своей великой теорией, которую он боялся доверить даже бумаге, поэтому держал исключительно в голове, но искренне желая счастья сестре, смирилась с её выбором.

Дело было в 90-х годах.

Глядя на него, Даша поймала себя на мысли, что Константин считает себя абсолютно здоровым психически. Вот тут в чём дело! Он здоров, а они все больны и тупы.

- Я никому не скажу, кроме тебя, - сказал он Даше, при этом несколько раз посмотрел по сторонам. - Я получил сигнал от него. - Костя кивнул в потолок. - Такая малюсенькая идейка, а решает все вопросы. О, я спасу мир. Вы ещё узнаете обо мне, но сейчас тихо. Я всё упакую в пакеты, и буду невидимым сигналом передавать их от себя ко всем, и ты получишь мой пакет, но не увидишь его, потому что это будет твой осуществлённый сон. Все люди живут как будто наяву. Но они не понимают, что живут во сне. Я отправлю всем пакеты смыслов, наполненные пакеты... И каждый увидит всех, и все увидят себя. Я опутаю мир паутиной своих сигналов... Но не догадаются, как все это сделано. Это самое надёжное решение вопроса - никому не рассказывать. Вы слышали о прямых сигналах? Я так и знал, что вы ни черта не слышали, потому что головки у вас не так устроены. Сигнал-то идёт только ко мне. Я же пришёл в этот мир. Все остальные есть моё воображение...

Даша в испуге опустила глаза в пол. В пакеты чего-то пакует и посылает по воздуху сигналами. Ну, не идиот ли?!

Тут же в голове Даши промелькнул монолог Поприщина из "Записок сумасшедшего": "Садись, мой ящик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! Матушка! пожалей о своем больном дитятке!..."

Родственники Константина Наташу не приняли, считая её плохой хозяйкой. Они были уверены в том, что жена брата просто обязана всячески способствовать продвижению их гениального брата. Надо сказать, что Наташа в семье считала себя главной и единственно правой, никогда ни в чём не уступала даже родителям, и как-то само собой у них сложилась ситуация, что она - всегда права. По словам Наташи они угрожали ей и буквально избивали бы, и она едва вырвалась от них.

Столь запутанная история, пронизанная сложнейшими отношениями между родственниками, порой приводила каждого из них к совершенно невероятным ситуациям, даже во вред себе.

Свободолюбивая Даша отвергала с порога самые благие намерения по устройству собственной жизни. Вроде бы с девических лет в её голове крутились мысли пойти по проверенной жизненной дороге, заключающейся, главным образом, в создании семьи, в хороших жилищных условиях, в

умном и терпеливом муже, в детях, как в продолжателях рода, но вся эта штампованная глупость приводила Дашу в исступление. Как только она видела, что её пытаются завлечь в это благопристойное болото, она категорически возражала, и она выражала свой протест тем, что ни с того ни с сего убегала, молча, хлопнув дверью, ни капельки не задумываясь о последствиях. Она хотела ходить в консерваторию, в театры на самые яркие постановки и премьеры, читать книги, и никого поблизости не видеть, особенно тех, которые пытались руководить ею. Так протекала её жизнь в свободном полёте до сорока лет, пока она однажды не встретила человека, близкого ей по духу, и не остановилась. Но это не означает, что Даша отказалась от своих взглядов на жизнь, или тем более изменила свою жизненную установку. С мужем сложились самые теплые отношения, никто не лез в душу друг к другу. Расходились по утрам по своим работам, чтобы увидеться вечером. Дело даже не в том, что возраст изменял темпы и осуществление свободы, а в том, что так было удобнее просто жить в своей маленькой квартирке, куда приятно было возвращаться, и пусть это выглядело несколько традиционно, но какие-то общеизвестные параметры жизни так или иначе привели Дашу к некоторому смирению. Но то, что она дала себе зарок в юности не иметь детей, потому что она пришла в эту жизнь не по своему желанию, а её кто-то произвёл на свет, и не хотела, чтобы её дети жили жалкой жизнью.

Сестра Наташа в противоположность Даше постоянно стремилась к созданию семьи. И когда она нашла Константина, то стала ещё более ярой защитницей семейных идеалов. К тому же Наташа считала своего Костю гением. И везде и всюду громогласно об этом трубила.

Даша однажды услышала его многословные монологи о спасении человечества, которые, как правило, заканчивались тирадой о том, что он никогда не объективирует свои

мысли, изложив их на бумаге, иначе у него их украдут.

Он соглашался, в виде исключения, только на аудиенцию с руководством страны, чтобы им указать, как изготавливать пакеты всеобщего объединения людей для спасения и постоянного счастья.

Даша жила столь свободно, подобно истинному поэту, который несет свет и радость окружающим и никого не грузит своими вопросами и замечаниями, что мгновенно, чувствуя покушение на её свободу, хлопала за собой дверью.

У неё тогда появился ксерокс с американского Мандельштама, от которого она не могла оторваться. Помнится, как-то утром Даша пришла в восторг от строк Мандельштама:

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

И глубоко задумалась. Центром мира является любой человек, раз в каждом есть частица Бога. Но человек живёт сам в себе, отдавая преимущество другим, умаляя себя, ибо ему и в голову не придет, что он-то и есть центр мира. Вне себя переносит центр мира: на Солнце, на Яхве, на Христа, на Моисея, на Марс, на природу, на Магомеда, на Будду... Если человек согласится с тем, что он и есть центр мира, то должен догадаться, что помимо него на земле одновременно живут, жили и будут жить тьмы и тьмы, как писал Александр Блок, таких центров. Следовательно, если я хочу, чтобы меня, такую прекрасную, удивительную, уникальную уважали и принимали такой, какая я

есть, значит, мне необходимо так же относиться ко всем жителям земли...

Разнонаправленность устремлений сестёр в этом калейдоскопе жизненных вихрей, лишней раз напоминало Даше о загадочности и не вполне верном понимании родства. А как же дети, выходящие из детских домов и не знающие своих родителей, там более, сестёр и братьев. Вот уж поистине свободные души, для которых все люди, пусть это звучит наивно, братья.

Но здесь Наташа считала себя повелительницей сестры.

Сколько помнила себя Даша, ей всегда в пример ставили Наташу, как родители, так и учителя, потому что та училась хорошо, всегда была уверена в себе, а Даша училась неровно, предпочитая гуманитарные предметы и совершенно не интересуясь точными науками, по которым у неё были тройки, и даже случались двойки, причём, она в отличие от честолюбивой старшей сестры, совершенно из-за них не переживала. Любимым занятием её было чтение, она старалась найти уединённое место, чтобы никто не отрывал её от наслаждения чтением. Наташа же несколько свысока делала ей обычно замечания, что так можно жизнь свою просидеть в заветном углу. Да, Даша не сразу определила для себя, чем она хочет заниматься, окончив искусствоведческий факультет, но постепенно увлеклась творчеством художника Валентина Серова, который в значительной степени был новатором, одним из первых принял новое направление в живописи художников объединения "Мира искусств", ушёл от академической школы, наполнив свои картины воздухом и элементами импрессионизма.

Сколько раз Даша смотрела на картину Валентина Серова "Похищение Европы", и только однажды в Третьяковке, она, вглядываясь в неё, подумала о том, что человек есть миф. Конечно, её друзья и знакомые с этим определением

вряд ли согласятся. Какие же они мифы?! Они поднимают бокалы и чокаются в Новый год, поздравляют друг друга с днём рождения. Реальнее не бывает! А как быть с человеком, отдалённым во времени лет этак на 700? Он мифом проступает в нашем представлении и становится реальнее нас, поднимающих бокалы в Новый год... Так постепенно она защитила кандидатскую диссертацию, затем докторскую, издала одну книгу, а потом другую, её стали приглашать для чтения лекций в университетах Европы, незаметно для неё самой она полностью перенеслась как бы в другую жизнь, в параллельную реальность.

- Как живёшь?! - спросила однажды у незамужней сестры с ехидцей Наташа, нашедшая себе мужа.

Даша не в целях самообороны, но всё же, ответила не односложно, как принято: "Нормально!", - а дала развёрнутый ответ:

- Живу в самой себе, и удивляюсь тому, как весь мир помещается во мне: и Москва с Парижем на Кузнецком мосту, и там, на Ордынке, где китайские свечи горят в византийских церквях... Сама собой в себе живу! Под сонеты Верлена по Нью-Йоркской Тверской прохожу, и в лондонский храм в Старосадском спокойно вхожу, на Татарской молитвы в мечети поют мне о вечном, в каждом встречном встречаю себя. На бульварах строения Шехтеля поражают мой взгляд. Встретились во мне все времена и стили под мелодичный звон Ивана Великого...

Во время этой тирады старшая сестра стояла с открытым ртом, и забыла, что нужно грозно топтать ножками и кричать.

Когда Константина его родные сёстры поместили в психиатрическую больницу, упрекая Наташу в его расстройстве, Даша приняла сторону Наташи, которая из-за подобных обвинений буквально слегла в её доме и, чтобы поддержать старшую сестру, она стала вместо неё регулярно на-

вещать в клинике Константина, который встречал её приветливо и постоянно передавал своё бельё для стирки и рассказывал ей с гордостью, как много с ним гуляют его сёстры в больничном парке. Как только Наташа узнала, что сёстры Константина навещают его, она, рыдая, поделилась с Дашей о том, что ей просто опасно там появляться, потому что эти нахалки могут её даже избить, на что младшая сестра ответила, что готова ходить к Константину вместо неё столько, сколько нужно. Когда Даша в очередной раз развешивала на балконе чистое бельё Константина, на балкон вышел покурить её муж, он задумчиво наблюдал за её занятием, а потом спокойно спросил: "Дашенька, я только одного понять не могу, что делают на нашем балконе эти чужие мужские трусы?"

- Что ты всё пишешь свои книжки, - кричала Наташа, топая ногами. - Кому они нужны?! Вот я на своей станции метро, не только объясняю, как себя нужно вести на эскалаторе, я ещё помогаю несчастным приезжим, как доехать до нужной станции, отвечаю на их вопросы и помогаю, они мне очень благодарны, и всегда меня благодарят со слезами на глазах и говорят, что такой любезной женщины они в метро не встречали.

И когда Наташа исчезала, Даша говорила понимающему её человеку: "Эмоции нужно сдерживать. Я это знаю, принимаю, понимаю, но не всегда справляюсь с ними. Бывают моменты, когда они вырываются из-под контроля. Я сама опасаясь подобных моментов. Они сродни извержению вулкана - бушуют, клокочут, и я бессильна перед этой стихией. Это ужасно! После подобных "грозы" я обессиленная непременно должна выспаться, и только после этого способна проанализировать свой срыв, и исправлять ситуацию. Надо сказать, что всё чаще с годами мне удаётся контролировать свои чувства и поведение. Люди, обладающие такими качествами, как терпение, сдержанность, умение

слушать - вызывают у меня искреннее уважение. Надо сказать, что я постоянно развиваю эти качества в себе, и не безуспешно. А воспитание чувств, умение владеть ими - вот уж без чего в жизни никак не обойтись. От умения сдерживать чувства, управлять ими зависит, собственно, то, как складывается у человека жизнь. Воспитание! До чего же приятно строить отношения в разных сферах жизни с людьми воспитанными. Любые вопросы, проблемы с ними решаются легко и свободно. Было бы желание выслушать, понять и пойти навстречу, а то и помочь собеседнику. Я люблю мечтать о том, что, однажды, свершится чудо, и мы все станем доброжелательными, приветливыми, воспитанными и терпимыми. Ведь понять такую простую мысль, что каждый из нас - самостоятельный центр мира, поэтому относиться друг к другу следует соответственно так же, как ты относишься к себе, довольно несложно. Однако для многих это понимание так никогда и не приходит. А негативные чувства и эмоции лучше направить на созидательный физический труд. И всем будет хорошо. Воспитание чувств - необходимый и увлекательный процесс! Мне нравится..."

И вот спустя почти сорок лет Даша наконец догадалась, что Константин в те времена обосновывал появление интернета, но делал это сумбурно, инкогнито, в своём мозгу, оставшись не известным гением, признанным сумасшедшим.

В сознание Даши тогда сразу закралась мысль о явно выраженной у Кости шизофрении, так как она прекрасно понимала, что все великие идеи приходят к людям через посмертно опубликованные книги, или те книги великих мыслителей, которые в открытую конфронтацию с властями не шли, вроде спасительной книги Николая Фёдорова. Даша сама, время от времени, перечитывала "Философию общего дела", особенно те места, где Фёдоров размышлял

о главном враге человека - смерти, а человек есть существо погребующее. И вот Федоров решает проблему бессмертия - новейшими средствами сделать человека бессмертным, конкретного человека, Иванова, Петрова, Сидорова. Фёдоров много говорит о христианстве с идеей воскрешения из мёртвых. Все живут вечно. На Земле не остаётся места для человечества. Эту идею подхватывает Циолковский с ракетами и другими планетами, дабы расселять в космосе бессмертных. Идеи Норберта Винера мелькали в откровениях Константина, хотя он ни Фёдорова, ни Винера не читал.

И Даше так это ныне нравилось, что свою жизнь она сличала с этими двумя именами, обязательно рождающими третью, генеральную - о Константине, а там уж вихри воображения возносили её к звёздному небу с неизменной поправкой на нравственный закон в своей душе.

Значит, и сестра Наташа была права, говоря о своём муже как о гении. Пакеты! И теперь Даша понимала, что "пакет" - это определённым образом сформированный объем данных, передаваемых компьютерной сетью. И придумали интернет два американских студента, переславшие пакет по телефонной линии с восточного побережья США на западное. Их поддержали мыслящие дальновидные бизнесмены. И зашагал интернет, опутав сетями весь мир.

Именно "пакетами" долбил тайно, и только родственников, Константин.

И Даша прослезилась.

ЖДИ ДОЖДИ

Перед дождём побаливала голова, но она тут же проходила, как только Лидия оказывалась на улице. Она не могла объяснить это своё стремительное перевоплощение. Дома она была как бы в одном состоянии, а под дождём совершенно иной. Ей нравилось распахивать зонт, вслушиваться в звуки капель по нему, изредка опуская глаза на свои резиновые сапожки, любуясь как дождь, умывая их, придаёт им блеск.

Лидия никогда бы не обратила внимания на какую-то там каплю дождя, но в этот раз крупная капля стремительно ударила её прямо по кончику носа, капля эта заставила на ней сосредоточиться, поскольку ударила именно по самому кончику носа, такая огромная капля, почти градина, но потерявшая уже свою мёрзлость, и Лидия остановилась в задумчивости, почему капля угодила по кончику носа, а не ударила в переносицу, или как-нибудь сбоку. Вот ведь какие открытия совершаются под дождем, поскольку в прежние времена на подобных моментах Лидия особо не сосредотачивалась, потому что пробегала под дождем на работу, или по делам, иными словами, свыклась с дождём, как с воздухом, который мы не замечаем. Вот-вот, точное сравнение само собой возникло из ниоткуда, потому что родились мы и живём в стране дождей, в стране болот, рек, озёр и прудов, и Лидия в этой нашей местности сама себе представлялась водоплавающей птицей. Ещё бы, теперь она в солнечные редкие дни вообще не выходила на улицу, потому что с нетерпением дождалась дней дождливых, и они не замедляли являться.

Особенно восторженно её душа ликует, когда в черноте неба продергивается зигзаг какой-то сиреневой ослепи-

тельной молнии, а за ней раскаты грома сотрясают всё на свете, следом вылетают стекла из оконных рам, улетают с легкостью пушинок крыши, взлетают в воздух не только легковые автомобили, но и автобусы, и даже однажды взлетела электричка, шедшая на север в Дмитров, а прилетевшая на юг в Серпухов.

Дождик отнюдь не всегда бывает мелодичен и нежен, дождик, если постарается, то может смыть всё на свете вместе с рядовыми членами общества и с правителями, которых-то следует смыть в первую очередь, потому что они забывают, что живут на земном шаре, где действует не конституция, и не закон Божий, а сам Господь во всём величии своего роста...

Подобные мысли возникли в голове Лидии совершенно самостоятельно, она даже остановилась, потрясённая своим открытием. «Дождь частый гость наш в любое время года, но всё же он не перестаёт удивлять, - размышляла Лидия, - ведь прежде я не за что бы не поверила в то, что в нашем климате суровом возможна гроза зимой, да ещё с молниями, рассекающими небо на две части, в период самых коротких дней, и бесконечных ночей, когда из-за грозовых туч рассвет увидеть невозможно».

Если бы кто-то спросил Лидию о том, когда она полюбила дожди в любое время года, почему они вызывают такую радость и придают силы, вопреки реакции на них окружающих её людей, она не сумела бы определённо ответить, а только бы с удивлением вскинув брови, сказала, что не понимает, как можно не любить эти звуки дождя, всегда разные, ритмичные, умиротворяющие и питающие всё вокруг, омывающие душу от плохих мыслей, которые время от времени пытаются испортить ей настроение, а дождь их уносит в небытие, ведь у юности нет опыта, но страсти разъедают молодое тело, всё кипит, бунтует, мчится смутное осознание себя как нового человека, не такого, как все, ори-

гинального, единственного и неповторимого, и это затмевает мир вокруг настолько сильно, что ты совершаешь одну ошибку за другой, не желая задумываться и принимать очевидное, ведь юные страсти ослепляют, захватывают в манящий плен, но ты этого не в состоянии осмысливать, потому что страсти твои столь сильны и всеобъемлющи, что погружаешься в них полностью, не задумываясь о последствиях, которые часто приводят к разочарованию, но, пережив его горечь, понимаешь, что это твой личный бесценный опыт.

Лидия испытала подобные чувства, когда её предал в юности друг, которому она доверяла свои самые сокровенные мысли и чувства всегда, сколько она себя помнила. Потому что росли они вместе, он был как бы продолжением или частью её. Это было так больно! Это было нестерпимо! Казалось ей, что окружающий мир исчезнет вместе с ней сейчас...

Черная полоска появилась на горизонте и стала стремительно приближаться, расширяясь, как будто кто-то могучий, всемогущий разматывал чёрное бесконечное покрывало. Солнце ещё всею силой освещало пространство до черной тучи, внезапно вспыхнув ослепительной белой вертикалью церкви, которая до этого мгновения была не заметна, и золотом полыхнул крест. Машина неслась стремительно по синей ленте шоссе. Лидия не старалась сбавить скорость, так ей нравилось мчаться в черноту, которая налетала на машину. Порыв ветра приземлил кружившихся ворон. Потом на несколько минут наступила тишина. Казалось, все живое кругом притаилось, ожидая чего-то страшного. Но вот зашумело, на лобовом стекле появились мелкие кружки от первых капель. И вдруг разом, сплошной полосой хлестанул дождь. После чего обрушились невероятные водопады, справа и слева взвихрились молнии, ударил гром, затряслась земля. И уже через потоки воды

через лобовое стекло ничего не было видно. Лидия включила щетки, которые веером открывали видимость, но тут же ливень закрывал её. Ничего нельзя было разобрать, она сбавила обороты и включила подфарники.

Наступила грозовая ночь. Лидия приняла к обочине, остановилась.

Она всячески избегала в своей музыке штампов, как только возникало нечто уже бывшее у других композиторов, так она как бы вставала в стойку и мгновенно всё переиначивала на свой лад. Она заботилась о своём музыкальном языке, он у неё всегда должен быть новым.

Дождь барабанил по крыше машины так сильно, как будто кто-то стучал молотком. Это к ливню добавился град. Он конопатил водопад на стекле уверенными точками, а то и многоточиями, когда тема не прерывается, а повторяется, раз за разом, не смолкая, то притихая на короткое время, то вновь достигая бравурных вершин, а на горизонте уже появлялся просвет, как будто наступал новый день.

А потом из-под долгой ноты «ля» у струнных плавно вытекает рекой причудливый почти как цирке при параде-алле марш, идея создания которого была схвачена Лидией как раз в этой надвигающейся на её машину грозе и выбор инструментальных тембров в этой части оказался даже для самой Лидии совершенно невероятным по своей новизне, как квадрат Малевича.

Лидия повернула ключ зажигания и тронулась навстречу рассвету, после этого добавив к духовым, медные, деревянные, после чего подключила группу альтов, и только потом, когда рассветная полоса превратилась в голубое небо полудня, включила весь оркестр, мелодия дождя звучала то тревожно, то настойчиво, то вдруг стихая, звучала так нежно и упоительно, что Лидия с улыбкой подпевала ей...

Изысканность настроений в её музыке возникала сама собой от её чуткого к красоте и поэзии сердца, от причудливости женской нежной иронии, от всепоглощающих душу звуков природы, просыпающейся с восходом солнца, от неясно звучащих флейт, труб, передающих голоса птиц, возникающих из лесной тишины...

Жара стояла нестерпимая, сухая, растрескавшаяся земля изнывала от жажды, обжигала подошвы ног, а узкий ручеёк из шланга испарялся, не успев коснуться земли Лидия с надеждой поглядывала в окно, ожидая хоть небольшого освежающего дождя, но ни одной тучки не увидела. Всё же она вышла на участок, запах сирени перенёс её в юность, первая любовь, которая казалась слаще любых ягод, мокрые волосы с любимыми запахами сирени и летнего дождя, она настолько явно почувствовала его, что облизнула губы, потянулась, едва устояв на ногах к мокрой ветке сирени, приникла к нему язычком, сладкий стон вернул её в это знойное утро, листья сирени, которые ещё вчера радовали сочностью и насыщенностью цвета, грустно смотрели на её босые ноги, Лидия пошла в сторону террасы, но тут совершенно непонятно откуда возникший порыв ветра толкнул её в спину, она даже ойкнула, взглянула вверх и увидела косые тоненькие, как ниточки, но такие трогательные струйки тёплого дождика, что не поверила своим глазам, подумав, что это мираж. Лицо Лидии засветилось от восторга, она подняла руки, приветствуя нежный слепой дождик детства, напевая: «Кап-кап-капли, здравствуй дождик, // Радуюсь я, // Кап-кап-капли, смейся дождик, // Мы теперь с тобой друзья». Она закружилась, закрыв глаза, чтобы дождик непременно приласкал её веки, одновременно слизывая тёплую небесную воду с губ кончиком язычка, представляя себя росточком, пробивающимся к солнцу под дождём, и никакие невзгоды и печали были ей нипочём, когда есть спасительный дождь, благодаря которому она парила птицей вольной над землёй.

Дождь идёт. Она проснулась под музыку дождя и заслушалась. Та-та- та-тата, тата - стучало по железному карнизу. Потом вдруг обрушился водяной поток, как будто за окном шумел водопад... Дождь идёт. Проливной дождь, настоящий ливень.

Утром погода была не чудная, а средняя, все небо в тучах, но, во всяком случае, без дождя. Даже солнца луч то и дело внезапно выглядывал из-за туч, и вновь прятался за дождевым облаком, и все опять тускнело прямо на глазах Лидии. Пасмурно было и в сердце её. Сильный отвесный дождь внезапно обрушился на голову. На лицах прохожих - струи дождя. Печаль её уносит дождь, сквозь шум его отчетливо доносится голос детства. Именно такой долгожданный дождь умыл и напоил центр города. От Котельников в сторону Крымского моста медленно надвигалась огромная во весь горизонт чёрная туча. Раздался удар грома, как бы глухой, нестрашный, потом звук его раскатился во всю свою мощь. Как симфонический оркестр в конце увертюры, на одно мгновение стало тихо, тихо, а затем крупные капли стали падать на землю осторожно, как бы в разведку, чтобы оценить ситуацию, следом мощные струи воды устремились вниз сплошным потоком, звонко отскакивая от асфальта.

Стена ливня накрыла землю.

Потоки воды обрушивались с карнизов.

Улицы опустели.

Ливень незаметно перешёл в крупный прохладный дождь. В воздухе запахло цветами. Редкие капли приятно освежали лицо и руки. Свет стал другим. Лидия не стала прятаться в уютной московской арке, куда поспешали прохожие, она продолжала идти, наблюдая за многочисленными кругами в лужах, которые торопливо кружили и спешили по только им известному маршруту, как людские потоки в час пик устремлялись к ближайшей станции метро.

Мимо неё прошёл человек с ярким красным зонтом, часть спиц которого поникла грустно под тяжестью потоков воды, она мысленно пожелала поникшему зонтику не унывать, но тут прохожий остановился и воскликнул: «Вы совсем промокли! Возьмите мой зонтик, у меня есть пакет, я уже почти дома!» Лидия кивком головы поблагодарила его и ускорила шаг. Дождь ритмично стучал по шёлку зонтов прохожих, а она шла спокойно, омываемая небесной водой, напевая: «С тобой я, мой дождик, мокну, ну и что ж, под любым нескромным взглядом будем вместе, будем рядом, мой желанный дождь».

Лидия совершенно спокойно реагировала на особенность московской погоды, которая имеет обыкновение круто меняться. Накануне холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя. Фасад дома напротив представляется живым, точно морщинистое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами окон, по стёклам которых нескончаемым потоком льются слёзы, а от надвигающихся туч в комнате темнеет, в сумраке мелькает красноватый отблеск молнии, после чего начинается где-то вверху смутный рокот. Он приближается тяжкими раскатами, так что дрожат стекла, и вдруг разражается треском и резкими ударами над самой крышей дома, начинает сыпать дождь, сначала осторожно, потом все шире и шире, тяжелый запах цветущих тополей наполняет комнату сырым воздухом...

Совсем уже около дома стал крапать дождь. «Откуда на безоблачном небе дождь?» - спросила Лидия у домиков, но старые камни домов, мокнувшие под дождем, не ответили ей. Затихли птицы, лишь ветви деревьев перешёптывались о чём-то своём. Разошелся дождик, не видать было даже фонарей, и сырой ветер, налетавший откуда-то из равнин, был жуток, целый день легкие серебристо-серые облака стерегли болото, вглядываясь в заснувшие травы, а

к вечеру лицо их мутнело, хмурилось, и вниз падала мертвенная тень.

Тихо, чуть заметно выпадал дождь, тонкие капли его, бороздившие воздух, не весели и сползали вниз с неба неизвестно зачем, небо, все темневшее, пухнувшее и по-прежнему молчаливое, распростершееся над побледневшим, замершим болотом, небо, славшее такой робкий и странный дождь, казалось таинственным, зловеще-мистичным. Лидия изо всех сил черпала воду из лодки пластмассовой одноразовой миской, но ливень был таким сильным, как будто там, в небе, кто-то опрокинул целое озеро, но борта лодки с минуты на минуту должны были скрыться под водой бурлящей реки, несмотря на её усилия, Лидия испуганно вскрикнула, открыла глаза и услышала своё учащённое дыхание: «Всё хорошо, - услышала она свой голос, - ты же знаешь, что дождь - это твоя стихия, поэтому с тобой ничего не может случиться плохого».

Лидия встала, сделала несколько глотков воды из кружки, которую всегда ставила перед тем, как лечь спать, на изящный журнальный столик и подошла к окну, время было предрассветное - солнечные лучи ещё не появились на горизонте, но темнота несколько рассеялась.

Лидия открыла створку окна, комната наполнилась холодным воздухом, она поёжилась, выглянула в окно и увидела, что с юга на город надвигаются облака, к её огорчению, отнюдь не дождевые. Она сладко потянулась, легла, и казалось, что только на миг прикрыла глаза, как услышала приятную её слуху вкрадчивую мелодию дождя, Лидия открыла глаза, вскочила, поспешно раздвинула занавески, открыла окно, протянула руку навстречу столь любимым ею мягким струйкам влаги небесной, которые ласково касаясь пальцев, скользили вниз, чтобы умыть всё вокруг до наступающего утра.

Дождь идёт. Затаив дыхание, Лидия слушала его мелодию: та-та-та-тата, тата - стучало по железному карнизу.

Ту-ту-ту-динь - доносились звуки из кухни. Потом вдруг обрушился водяной поток, как будто за окном шумел водопад. Дождь идёт. Лидия зажмурилась, превращаясь в дождь. Это она стучит в окно дождём. Стекло покрыто не каплями, а как будто льдинками мелкими, которые заглядывают в комнату, как будто просят разрешения войти и погреться.

Дождь создает атмосферу для неспешных размышлений, когда навеивает грусть мысли о скоротечности жизни, об утраченных надеждах, да и просто о самом дожде как таковом, который в зените лета является гостем с полюса северного, стихают птичьи голоса, в ожидании момента, когда стихнет ветер, разойдутся тучи, вновь выглянет солнышко.

Как же замирало сердце Лидии, когда воздух как будто на мгновение становился недвижим, а белые и пузыристые, словно мыльная пена облака неспешно плыли по небу, а вслед за ними ползли облака серые, потом - совсем темные, солнце ныряло в тучи раз, другой, мелькало в голубом разрыве, скрывалось, наплывал сумрак, с гнетущей тишиной, а вслед за этим налетал ветер, и сплошной полосой начинал хлестать дождь. Искать убежища в подобных случаях было уже поздно.

Лидия не раз задумывалась о воде, пыталась её рассмотреть, воспеть, поблагодарить, наконец. Сколько ощущений связано с ней! Крупные капли дождя падают на голову, они пугают силой своей неприветливой, оглушают громкими ударами, в таких случаях она невольно прикрывала голову руками, струйки воды текли за воротник, она ускоряла шаг. Гром гремит. Молнии сверкают, пытаюсь смыть её, но гроза прошла так же внезапно, как и началась. Лидия поднялась, чтобы закрыть окно...

Дождь идет один, два, три... часа. Он не прекращается день, ночь, идёт, то затихая, то усиливаясь. О таком дож-

де обычно говорят, что он зарядил или припустил. Мокрый асфальт, лужи преображают отражённые в них дома, они выглядят слегка размытыми, нечёткими. Старые дома предстают пред взором Лидии иначе, чем их отражения в окнах или в зеркале в ясную погоду. Дождь, рисуя импрессионистические картины, не повторяется никогда. Остановить мгновения дождя можно, но это только мгновение. Миг и картина меняется. Нет и быть не может одинакового ветра, дождя, освещения. Вот почему Лидия так любила бродить по переулочкам старой Москвы. Здесь теперь офисы и бутики. А век назад в этих домах жили люди, исчезнувшие навсегда под грустную музыку дождя, струи которого своим движением создают иллюзию непрерывного повторения. То было, и это было, то будет и это будет... Да, в дождь камни оживают, они умываются, покачиваются, переговариваются, но шум дождя не даёт возможности услышать то, о чём они говорят, но она ходила, прислушиваясь, не теряя надежды проникнуть в их тайны.

Особенно Лидия любила ночной дождь, когда он струится как тихая шёлковая музыка, когда он скачет и играет ритмично, как ударные инструменты. Лидия каждому дождю давала своё определение, разделяя дождь слёз от дождяжданного, светлый и тёплый - от тёмного и грозного, маленький дождичек называла «миленьким», а то и мальчишкой капризным, к такому дождю она протягивала руки, чтобы дотронуться до него и рассмешить.

Однако при всей любви к дождю у Лидии бывало так, что пасмурная погода и ветер, поднимающий пыль и мусор с земли, вызывали на душе - серость, хмурость, подавленность, но стоило ей услышать милые сердцу звуки: кап-кап-кап, тук-тук-тук, как она мгновенно преображалась, а душа её наполнялась солнечным светом и теплом, вот такой парадокс!

Вокруг серо, тускло, безотрадно, а у Лидии столько энергии, как будто огонь горит внутри.

Когда же дождь лил целыми днями и ночами, и капли немолчно стучали по крыше, и хлестала под окном вода, стекая по желобу, а на дворе была слякоть, туман, черная мгла, Лидия под всхлипывания косого дождя открывала томик Чехова, который в полумраке сам спешил к ней с полки и начинала читать при свете настольной лампы. Забывая обо всём, буквы каким-то невероятным образом сами складывались в дождь. Это просто волшебство какое-то! Мысль о том, что вся великая литература состоит из дождя букв, в один из таких дней поразила её.

Здесь уже Лидия видела состав оркестра под свою дождевую симфонию: пять скрипок, столько же альтов, четыре флейты, две флейты-пикколо, три гобоя и три же фагота, два кларнета, бас-кларнет, кларнет-пикколо, пять валторн, пять труб, литавры, ксилофон, тарелки, большой барабан...

Жизнь - дистанция длинная, понимания этой простой истины пришло к Лидии постепенно, после головокружительных периодов счастья и разочарований она убедилась в том, что внезапный гром и струи дождя остужают любовь. Открывая глаза, после потрясений она смотрела на капли на стеклах судьбы, волнения и переживания угасали, душа оживала, и она вновь убеждалась в том, что только крылья любви поднимают над миром угрюмым, только пламенный дождь возвышает до звёзд человека, в такие мгновения он постепенно стихает, а на востоке появляется ослепительная полоса, предвещающая самые невероятные, но светлые встречи и перемены в жизни в самый неожиданный день и час, потому что любовь настагает нас вне всякой зависимости от места и времени, если встреча состоялась в ненастный день, то он тут же преобразуется в день озарённый светом.

Осенний дождик соткан небом, как связь воды и бытия, где ходят рыбы с белым хлебом, где проплываем ты и я. Вода основа мироздания, вода с телами без одежд - источник вечного познания и нескончаемых надежд. Легко разносит дождь осенний по влажной почве семена, готовя старой жизни смену и рассыпая имена.

Поздней осенью дождь лепечет, ноет и стенает за окном, ненастный дождь, шепчущий, неодолимый, Он шуршит за стеной потоками чёрной воды.

Да, мы живём в стране дождей, но вслед за холодными неприветливыми водяными снежно-ледяными потоками, непременно, застучит дождь весенний, такой для Лидии сложилась симфония «Жди дожди».

Дождь очень выразителен, дождь захватывал Лидию. Она никогда вообще к своим вещам не подходила формально, ею овладевало чувственное наслаждение дождём звуков с невероятно красочным тембром.

Когда пройдут дожди, умытое солнце согреет землю, расцветут цветы, чтобы вместе с ним встречать новый дождь в расцвете дня, и так по кругу - дожди пройдут и будет опять светить всем солнце, чтобы дождь подкрался незаметно и напоил землю, птиц и всё вокруг.

Лидия свободно избегала традиционной композиции симфонии, как правило состоящей из четырёх частей, здесь она писала семь частей, по дням творения, шесть дней созидания всего сущего под дождём, во всемирных водах, седьмой день невероятного восхитительного отдыха для наслаждения красотой.

ИЗУМРУД

На днях звонила Анечка. Чижова была крайне удивлена этому звонку. Дело в том, что они не виделись лет тридцать. Анечка рассказала, что у сына в Германии родился четвёртый ребёнок.

- А как Семён Семёнович? - спросила Чижова

Чуть помедлив, Анна сказала: "Он умер в девяностом году".

После сочувствий и соболезнований, говорили, как это водится у женщин, о том, о сём. Собственно, звонок и был чисто женским, без всяких поводов, просто поболтать.

Положив трубку, Чижова задумалась.

В памяти воскресли картины, связанные с этой семейкой.

Тогда они жили в одном доме в Измайлово, их пятиэтажка была такой длинной, что её за полчаса не обойдёшь.

Дом был кооперативный. Одним из первых, кстати говоря.

Публика в доме была довольно-таки интеллигентная. И как-то само собой Чижова познакомилась с Анной. Стали ходить друг к другу в гости. Ещё и потому, что их сыновья учились в одном классе, и так повелось, что стали отмечать Новый год, дни рождения, поздравлять друг друга с шампанским и цветами. Да, к тому же их мужья нашли общий язык. И Семён Семёнович, и муж Чижовой Виктор Васильевич работали преподавателями в разных вузах.

Самым большим счастьем в жизни для Анечки было служение мужу - Семёну Семёновичу. Потому что при посторонних она всё время называла его почтительно, исключительно по имени-отчеству, поднимая его на пьедестал.

Все мысли крупнотелой Ани связаны только с ним.

Просыпаясь, Аня искала глазами Сенечку, спит ли он, или поднялся, и в зависимости от этого она вспархивала очень тихо, или наоборот радостно, просто как птичка она летела, чтобы обеспечить Сенечке приятное утро, чтобы зарядить его положительными эмоциями на целый день. Она никогда не спрашивала его, как он себя чувствует, это было не нужно, это было понятно по любому его движению. Мало того, она по порам кожи на его лице определяла его давление, и уже мысленно у неё складывалось меню его завтрака. И всё это она делала с таким удовольствием, от которого Сенечка невольно приободрялся, подавляя какие-то не очень приятные ощущения, или забывая о предстоящих заседаниях кафедры или партсобраниях.

Женщины живо обсуждали последние новости самиздата, или кто что прочитала в Максимовском "Континенте", или в "Гранях", или вообще малоизвестные вещи, как, скажем, "Факультет ненужных вещей", каждая из обсуждавших высказывала свое суждение о Набокове или Солженицыне, но полногрудая Анечка выдавливала из себя только междометия, но всё же она была благодарным слушателем, она смотрела на говорящего своими черными поблескивающими глазами так, как будто перечитала всего Солженицына от корки до корки, но на самом деле она ничего из обсуждавшегося собравшимися не читала.

Когда разговор проходил в более узких кружках, то Анечка неизменно слыла там специалистом по здоровому питанию, таким образом, под всякими благовидными предложениями уходя от мало знакомых ей "высоких" тем, от разговоров о литературе и даже от живописи, хотя её отец был художником и она сама окончила художественное училище. Зато она расцветала, когда разговор заходил о пении мужа, и тут она начинала, преобразившись, как ныне говорят, продвигать своего Сенечку. Иногда ей удава-

лось получить для него ангажемент где-нибудь в районной библиотеке.

Да, вот так жизнь идёт.

Всё, как говорится, было хорошо, кроме...

Семён Семёнович любил петь романсы.

Вспомнив это, Чицова отыскала в интернете романс "Изумруд". Она даже не знала, кто автор текста этого романса, и кто автор музыки, потому что Семён Семёнович просто вставал из-за стола, делал шаг в сторону, принимал позу солиста эстрады и... Начинал один и тот же романс... "Изумруд".

Вот тут-то и крылась ситуация, которую Чицова до сих пор никак не могла для себя объяснить.

Первое время муж Чицовой, Виктор Васильевич, высокий, серьёзный статный мужчина, с довольно заметной лысиной, воспринимал выступления Семёна Семёновича сдержанно. Это не значит, что последние его выступления он смиренно выслушивал, но как только Семён Семёнович поднимался из-за стола и делал шаг в сторону, у Виктора Васильевича сразу находились какие-то срочные дела и он буквально растворялся в квартире, прочие гости, особенно те, которые наблюдали подобное впервые, с завидным усердием выслушивали Семёна Семёновича.

Однажды, как только Семён Семёнов пропел последний куплет романса: "Мне не под силу боль мучительных страданий; // Пускай разлукою ослабят их года, - // Чтоб в ярком золоте моих воспоминаний // Сверкали б вы всегда, // Как этот тонко ограненный, // Хранящий тайну черных руд, // Ничьим огнем не опаленный, // Ни в что на свете не влюбленный // Темно-зеленый изумруд, - Чицова бросилась разыскивать мужа, но, не найдя в квартире, выскочила на лестничную клетку, где он стоял с соседом и курил, стряхивая пепел в баночку из-под кильки.

- Витя, ну так же нельзя!

При этом возгласе сосед мгновенно исчез в своей квартире. Чижова с мужем остались наедине.

- Верочка, это невыносимо! - вскричал муж.

- Я это хорошо понимаю, - смягчая голос, сказала Чижова. - Но надо же находить в себе силы, чтобы отдавать должное стремлению Сенечки показать свои способности... которых, я это прекрасно понимаю, у него нет.

- Ну, объясни мне, почему я должен мучиться при каждом визите этой парочки, у него же нет никаких вокальных способностей... Да, могу согласиться, у него, в принципе приятный низкий мужской голос, когда он говорит, но когда он начинает петь, то делается не по себе от какого-то бессмысленного, бестактного гудения.

Чижова взяла его под руку и повела в квартиру и, когда они вошли в комнату, сказала:

- Ну, в этом весь мой Витя! Никогда никому не может ни в чём отказать. Помог соседу втащить в квартиру холодильник!

- Верочка, не беспокойся, всё хорошо, - сказала жена Сенечки Анна.

Как-то Чижова шла по Большому Толмачёвскому переулку, по которому она могла ходить с закрытыми глазами, потому что она более тридцати лет там работала. Неповторимая, чугунная ажурная ограда перед входом в некогда роскошную усадьбу - жемчужина не только этих мест, но и всей Москвы. Стоит Чижовой оказаться вновь в этих местах, как она слышит голоса замечательных коллег, с которыми в середине семидесятых годов они с упоением пели романсы во дворе под шелест падающих листьев в бархатных сумерках вкрадчивой осени: "Пусть жизнь прошла, все пролетело - // Осталась песня, песня в час ночной..."

Лещенко - "Эй, друг гитара".

Вертинский - "Эй, друг гитара".

Козин - "Изумруд".

Станция "Трубная" слышит Чиждова голос из репродуктора и едва успеваёт выскочить из вагона. Останавливается и застывает. Что за дворец!? Темно-зелёного изумруда прямоугольные широкие колонны в два ряда подчёркивают основательность, строгость и простор. Станция воздушна. Цветные витражи с видами старинных городов светятся, создавая обстановку роскошного выставочного зала. Изысканно изогнутые фонари, чёрные, литые, освещают уютные скамьи. Восхищенно осматривая станцию-дворец, Чиждова замечает высокого, худощавого господина в цилиндре с тросточкой. Он неторопливо направляется к выходу, и Чиждова как зачарованная следует за ним.

Как будто Чехов родился здесь, такой он весь московский. Герои его повести "Три года" "родились в Москве и обожали её... они были убеждены, что Москва - замечательный город, а Россия - замечательная страна". Сам Чехов писал: "Я ужасно полюбил Москву... Я навсегда москвич". О Москве постоянно говорят как о земле обетованной его три сестры, но я слышу голос Антона Павловича. Да, в Москве он болел, вынужден был покинуть её периодически, но тосковал по ней, по жизни московской, которая вдохновляла его. Много съёмных квартир сменил писатель в разных уголках Москвы. На Трубной улице он снимал квартиру по двум адресам, а Трубный рынок, где по воскресеньям продавали птиц, охотничьих собак, рыб для аквариумов, изображен в очерке "В Москве на Трубе".

В уголках памяти Чиждовой бережно хранятся моменты упоительного счастья, когда душа, казалось, просто не выдержит этой полноты. Незабываемые вечера с дорогими сердцу людьми за столом, разговоры, пение романсов, песен, иногда звучала гитара, но чаще они слушали песни Окуджавы, весьма стройно подпевая ему, особенно "Молитву". Хотелось всех обнять и остановить время. Чиждовой казалось, что жизни нет конца, так было много лет, но,

вдруг, они очнулись в совершенно другой обстановке. Свобода, о которой они так много говорили, наступила. Многие растерялись, кто-то уехал, и только единицы сумели воспользоваться ею по назначению. Но воспоминания ушедшей молодости, их дружбы светят и согревают в минуты грусти, как вот это чудесное стихотворение Афанасия Фета:

Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна - любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна - вся жизнь, что ты одна - любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и вели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

Оно удивительно было созвучно настроению Чижовой. Дата написания стихотворения точно не известна. В письме Толстому в 1877 году Фет пишет о нём, как только что написанное, а Татьяна Андреевна Кузминская, сестра жены Толстого, вспоминает, что оно было написано в 1866 году после вечера в Черемошине, имении Дьяковых, на котором поэт оживленно развлекал всех рассказами, а на следующий день было написано это стихотворение. Важно для Чижовой то, что оно так совпало с мелодией её души, с "Изумрудом". Воспоми-

нания, сожаления, грусть, любовь, вздохи и надежды нахлынули на Чижову.

А то вот:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

И Чижова напевает этот до боли знакомый романс, как заведённая, и мысль о "чУдном" мгновении, которое случается в течение жизни не раз и не два её не покидает. Некоторые индивиды, первый раз открывшие книгу, могут прочитать и как "чуднОм". В юности Чижова воспринимала это произведение как единое целое в гармонии текста и музыки. С годами вдруг как-то давно знакомые строки показались ей не такими простыми, такими обыденными, даже банальными. В чём тут дело? Чижова стала пристальнее вглядываться в слова. Какие-то стёртые, невыразительные. Ну, что это за рифма: "мгновенье" - "виденье"?! И вот тут ей как бы открылся секрет художественного произведения. Она вспомнила Антона Чехова, который всем и всюду повторял: пишите простыми, понятными словами, вычёркивайте определения глаголов и существительных, избегайте многословия, длинный абзац постарайтесь выразить одной фразой, потому что всё остальное уйдёт в подтекст. И Чижова поняла, что это стихотворение Александра Сергеевича Пушкина подобно айсбергу.

Да, этот звонок Анны вызвал в памяти Чижовой довольно-таки любопытный каскад воспоминаний.

Если повести разговор о дочери художника, примыкавшего к группе "Бубнового валета", то, прежде всего, надо сказать, что более аморфной женщины вряд ли можно было себе представить. Хотя она училась, как было сказано, в художественном училище вместе с человеком восточного

типа, который впоследствии стал довольно известным писателем, но сама Анечка всецело посвятила себя построению семьи, можно даже сказать "советской", и даже "образцовой". Вот она выходит из подъезда своей пятиэтажки под руку с мужем Сеней, облаченным в жаркий летний день в тройку, серый с едва заметным сиреневым отливом костюм, отутюженные брюки, начищенные ботинки, и естественно, застегнутого на все пуговицы, но жилетка видна, галстук синий, и вот что странно, Сеня постоянно издавал странные звуки, скрипя зубами. Он все время, то ли от напряжения, то ли по какой-то медицинской особенности, постоянно скрипел зубами. Рядом с ним Аня казалась расплывшимся облаком. Хотя прическа у нее была довоенная, то ли с завивкой, то ли у неё вились волосы от природы, этакий пышный шар, иногда перехваченный заколкой на затылке. Полнота её была столь объёмна, что она выглядела гораздо старше своих лет, как женщины, о которых Антон Павлович говорил: "обабились". Увидев эту счастливую пару, можно было подумать, что они собрались на приём, в гости, или в театр. Но не тут-то было. Аня сопровождала Сеню до метро, и потом шла в магазин. А Сеня ехал в свой институт, где он состоял старшим преподавателем. Странно, что он не стал кандидатом наук. Но к этому он и не стремился.

Сеня поёт. Мучение публики. Отсутствие слуха. Постоянно затягивает густым баритоном что-то классическое, но врет так, что уши вянут. Дикции практически нет. Одно звучание из пустой бочки, которым он сам упивается и озирает восторженным взором собравшихся, которые не знают, куда себя девать, но находясь в западне "концерта", прячут глаза и покорно аплодируют.

Кто-то пришел в гости, позвонил в дверь, Аня побежала открывать, а Сеня в это время находился в уборной, из которой, пока гость не удалился он не вышел.

И новые гости, и новое выступление Семёна Семёновича.

Чижова теперь знала автора текста: Анатолий Д'Актиль (Анатолий Адольфович Френкель родился в Иркутске (1890-1942). другие псевдонимы: А д'А, Желчный Поэт, Евгений Онегин. Печататься стал с 1910-х годов ("Сатирик-кон", "Бич", "Стрекоза", "Красный перец", "Бегемот"...). Редактировал еженедельник "Жизнь и суд" (1913). Писал острые фельетоны, куплеты, шуточные стихи, пародии, песни. Много работал как текстовик для Леонида Утёсова. Перевёл "Алису в стране чудес" Льюиса Кэрролла, несколько рассказов О.Генри, Джека Лондона. Автор текста "Марша энтузиастов" на музыку Исаака Дунаевского ("Нам ли стоять на месте..."). И вот "Изумруд"!

Знал ли Анатолий Адольфович что его текст будет мусолить Семён Семёнович?

Нет, ни пурпурный рубин, ни аметист лиловый,
Ни наглой белизной сверкающий алмаз
Не подошли бы так к лучистости суровой
Холодных ваших глаз,

Как этот тонко ограненный,
Хранящий тайну черных руд,
Ничьим огнем не опаленный,
Ни в что на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд.

Мне не под силу боль мучительных страданий;
Пускай разлукою ослабят их года, -
Чтоб в ярком золоте моих воспоминаний
Сверкали б вы всегда,

Как этот тонко ограненный,
Хранящий тайну черных руд,
Ничьим огнем не опаленный,
Ни в что на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд.

Чижова услышала вместо Сенечкиного, сначала голос Петра Лещенко, а затем Александра Вертинского в другом романсе - "Эй, друг гитара":

Музыка Бориса Фомина

Слова Бориса Тимофеева

В жизни все неверно и капризно,
Дни бегут, никто их не вернет.
Нынче праздник, завтра будет тризна,
Незаметно старость подойдет.

Эй, друг-гитара, что звенишь несмело?
Еще не время плакать надо мной!
Пусть жизнь прошла, все пролетело -
Осталась песня, песня в час ночной.

Эти кудри, дерзко золотые,
Да увяли в белой седине;
Вспоминать те годы молодые
Будем мы с тобой наедине.

Эй, друг-гитара, что звенишь несмело...

Где ты, юность, без конца, без края,
Отчего так быстро пронеслась?
Неужели, скоро умирая,
Мне придется спеть в последний раз:

Эй, друг-гитара, что звенишь несмело?
Еще не время плакать надо мной!
Пусть жизнь прошла, все пролетело -
Осталась песня, песня в час ночной.

Чижова разобралась с "Изумрудом", там четвёртая строка куплета была сломана, укорочена, с ударными рифмами: "алмаз - глаз", после чего необходимо было сделать паузу, чтобы перейти на другой мотив, на мотив припева! Но Сенечке было это невдомёк, он дул по какой-то своей колее без руля и без ветрил. Впрочем, Чи-

жова эту ошибку, это слияние куплета и припева нашла даже у Вадима Козина, хотя у того есть некоторое акцентирование смены мелодии, но всё равно, очень приблизительное, а уж у Валерия Агафонова, с его кисельными берегами и молочными реками бархатистого голоса, вообще получалась какая-то блажь для выбивания слезы из слушателей. Высокие потолки "Метрополя", столик с крахмальной скатертью у фонтана, пробки салятся, игра, балык, ананасы, конечно, по Северянину, в шампанском, устрицы в лимонах, зимние мандарины, наши гуляют:

Как этот тонко оговоренный,
Хранящий тайну черных руд,
Ничьим огнем не опаленный,
Ни в что на свете не влюбленный
Темно-зеленый изумруд.

Сенечка раскланивается и, проскрипев зубами, садится к столу.

Когда кто-то из гостей спрашивал Сенечку, чей это он "Изумруд" поёт, тот просто бросал, что "мол" народный. В принципе, тогда всё ресторанно-блатное приписывалось всё поглощающему и всё производящему народу, как и клятвы вождей о том, что они никогда не сменяются, потому что самозабвенно служат на благо народа. Как и Высоцкого записывали в урку, блатняка из зоны... Собственно, именно на блатных песнях, что бы там ни говорили, возшла звезда Высоцкого. И вот только после звонка Анечки кое-что о сочинителе романса "Изумруд" Чижова узнала. Оказывается, Фомин сидел даже в Бутырках, сочинил такие застольно-домашне-цыганско-ресторанные шлягеры как "Только раз бывает в жизни встреча", "Дорогой длиною", "Эй, друг гитара", и умер раньше пятидесяти лет в полнейшем забвении...

"Изумруд" Бориса Фомина - это путь покаяния, исповедальная магистраль. На протяжении всей жизни Чижовой частенько хотелось спрятаться от леденящего ветра окружающего мира в уютной "берлоге", скрыться от скучного "ничтожества быта". Чувство вины, постоянно тревожащее душу, не даёт покоя. Как точно чувствует и передаёт интонацию поэта Анатолия Д'Актиля композитор Борис Фомин, и Чижова пошла за ними, повторяя бесконечное количество раз: "Ни в что на свете не влюбленный // Темно-зеленый изумруд".

И как здесь без Изабеллы Юрьевой?!

Голос, интонация, проникновение в текст и подача его - всё Чижову в ней завораживает. Изабелла Юрьева прожила почти целый век. Но, кажется, что она современница Чижовой. Она пережила взлёт, успех, забвение, возвращение из небытия на сцену. При этом сохранила уникальное мастерство подачи романсов, за что в период необычайной популярности получила прозвище "белая цыганка". Как она бережно относится к каждому слову. В каждом исполнении песни чувствуется филигранная работа над интонацией, музыкальной фразой, дикцией. Да, это культура минувшего века. Она ушла "в невозвратную даль", но записи её концертов сохраняют для нас её песни. Изабелла Юрьева с первых звуков своего чарующего голоса берёт слушателя в плен. Когда Чижова слышит романс Бориса Фомина "Только раз бывают в жизни встречи..." в её исполнении, то невольно улыбается, передёргивает плечами, и мысленно переносится на яркий праздник начала предыдущего века. Видит удалую тройку, румяных гимназисток, бравых военных, дам и кавалеров, которые кружатся в зале под захватывающие дух песни незабвенной Изабеллы Юрьевой.

Романс! Великая сила! Поднимем бокал за Аполлошу!

Достоевский хоронил Григорьева. Беднее похорон не было. С Митрофаньевского кладбища зашли в кухмистер-

скую. Помянули лучшего критика России. Умер скоропостижно практически сразу после выхода из долгового отделения, которое "девицы легкого поведения из немок называли его "Тарасов сад". Боборыкин об этом говорит (в воспоминаниях "За полвека"): "Эта "Яма" (как в Москве еще тогда называли долговое отделение) была довольно сильным пугалом не только для несостоятельных купцов, но и для нашего брата писателя. Было что-то унижительное в этом лишении свободы из-за какого-то там векселька, выданного хищному ростовщику. Григорьев тоже оказался жертвой своего хронического безденежья. У него уже не было такого положения, как в журнале графа Кушелева и у Достоевских. Он вел жизнь настоящего (так у Боборыкина) богемы. А выручить его в трудную минуту никто не умел или не хотел. "Фонд" и тогда действовал; но, должно быть, не дал ему ссуды, какая была ему нужна". Выкупила Григорьева Бибикина, известная в Петербурге как "генеральша", с целью дешево приобрести права на его сочинения. Описание похорон Григорьева вызывает противоречивые чувства. Вот уж действительно "смех сквозь слёзы". Печальное зрелище представляли собой "несколько его сожителей из долгового отделения", "выходцы из царства теней". В литературном мире весть о смерти Аполлона Григорьева прошла незаметно. Но это земная жизнь, а творческий импульс его передается и мне. Его энергия зовет к письменному столу. А в душе звучит его голос:

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой, ты ли?

Цыганские романсы его зажигательны, романтичны. Они передают тоску и страдания разгульной русской души.

маргарита прошина

Аполлон Григорьев любил цыганское пение, оно завораживало его. Он не раз писал об этом. Он жил отчаянно: от взлёта - к падению.

Не отсюда ли взлёт Бориса Ивановича Фомина?!

"Наша улица" №251 (10) октябрь 2020

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Когда Роксана пальчиками с алым маникюром поставила прямоугольной вытянутой формы бокал перед собой, то произнесла немножко неестественно, с некоторым нажимом:

- Всё-таки "Лолита" ошарашивает...

На несколько мгновений все, сидящие за столом, притихли.

Потом немножко оживились, кто-то даже причмокнул от удовольствия при упоминании "Лолиты".

- Да, не просто ошарашивает... Как бы тут поточнее сказать... Набоков просто хватает меня за шкуру и перебрасывает в совершенно иное измерение, - почти пропела рыжеволосая Марина.

При этих словах, круглолицая, без следов косметики Нина вжалась в спинку стула, она почувствовала себя здесь такой чужой, что хотелось поскорее исчезнуть, кусочком сахарного рафинада раствориться в воде непонимания. Она испуганно покосилась на Игоря, который в это время возбуждённо воскликнул:

- Набоков - это высший пилотаж литературы!

Провозгласив это, он взглянул на совершенно поникшую Нину.

Два дня назад он привез её в Москву из-под Орла, где служил, а теперь, демобилизовавшись, устроил приём в честь возобновления своей гражданской жизни.

А тут ещё рыжеволосая Марина разразилась экспромтом:

- Вернулась Марина... Я о Цветаевой... Так вот вернулась она в Москву после долгих странствий и застыла в

камне напротив дома в Борисоглебском переулке... Я просто балдею у этого памятника! Да, представьте... Марина была счастлива... Отсюда покидала свою Москву, обреченная на бесприютные странствия. "Домики старой Москвы, // Из переулочков скромных", нынче притаились, стараясь не попадаться на глаза временщикам, крушащим всё и вся. Но Москва Цветаевой живёт в стихах её, горят колокола над Москвой. Под звон колокольный губы мои шепчут: "Семь холмов - как семь колоколов! // На семи колоколах - колокольни. // Всех счетом - сорок сороков. // Колокольное семихолмие!.."

- Я немею при слове "Марина"! - шелковой гладью головы вышила Роксана.

Нина сжалась в комок.

Старые фильмы напоминают о ритуале обедов всей семьи за большим столом, потому что почти ни один фильм не обходился без подобных застолий. Игорь в такие мгновения вспоминал домашние воскресные и праздничные обеды. Круглый стол, накрахмаленная скатерть, салфетки, праздничная сервировка, в которой принимали участие дети. Первое блюдо, непременно, подавалось в супнице, на стол ставили соусник, сливочник, приборы с горчицей, перцем, солью. К столу следовало привести себя в порядок, тщательно одеться, и, пожелав всем приятного аппетита, сесть вовремя за стол, чтобы не заставлять остальных ждать. Это было давно, в те времена, когда Игорь был маленьким, время не проносилось мимо, а неспешным шагом шло.

Игорь идёт и размышляет про себя. Как много у нас, живущих на земле людей, общего! От зачатия до рождения каждому из нас предначертан уход. Ходим, смотрим, говорим, познаём мир, создаём семьи, продолжаем род. Так было и так будет. Казалось бы, ничто не должно мешать отдельному человеку жить своей жизнью. Старт у всех один.

Нет, одни учат других, проявляя нетерпимость, агрессивность к тем, кто живет созиданием и творчеством, пытаюсь вынудить их жить по своим законам. Эти недалёкие законники никак не желают понять, что у каждого из людей есть только миг, продлить которой можно только творчеством. Так думает Игорь.

В поезде Нина чувствовала себя птенцом, выпорхнувшим из гнезда в свой первый самостоятельный полёт. Полнейшее ощущение новизны во всём. Ей досталась верхняя полка, Игорю такая же напротив. Сначала они перешёптывались, чтобы не беспокоить нижних пожилых попутчиков, а потом, когда Игорь незаметно задремал, Нина стала думать о своей предстоящей жизни в столице...

У Нины были свои девичьи мечты о семье как об идеале жизни. Муж, дети, дом - полная чаша. О том, чем чашу это наполнить, чтобы в доме была любовь и гармония, Нина вообще не задумывалась. Конечно, семья - это счастье! Но одна мудрая старуха как-то сказала Нине, что семья - это ежедневный взаимный путь уступок, терпения, умения слышать, промолчать, прощать. Часто чаша полная разбивается. Отчего? Конечно же, не только о быт она разбивается. Нина думала, разбивается она оттого, что не хватает воздуха свободы и доверия. Прежде всего, хорошо бы помнить, создавая семью, что ни муж, ни жена не получают друг друга в собственность на всю жизнь.

Она то и дело вздрагивала, как бы опасаясь очнуться, мысль о том, что это она, Нина, действительно едет в Москву, которая представлялась ей чем-то недостижимо далеким да, ещё с любимым человеком создавать семью. Вдруг она увидела себя на берегу речки с подружкой Раей, как они, все в песке, пытались танцевать, обхватив друг дружку руками, подражая взрослой парочке, которая резвилась на речке, напевая: "Москва моя, ты самая

любимая...". Вот ведь она даже не понимала о чём это они, а тут... она счастливо улыбнулась и стала представлять себе будущую с Игорёчком жизнь, как она сошьёт сама занавески, или нет, повесит красивые до полу портьеры, это же столица, здесь нужно всё посolidнее устроить, поставит тесто, испечёт большой пирог, украшенный румяными запечёнными в духовке косичками из теста, а тут Игорь звонит в дверь, входит и говорит: "Надо же, а я вхожу в подъезд и думаю, у кого это так вкусно пахнет, а это оказывается у нас", - он подхватывает её на руки, она обнимает его, жадно целует, а он несёт её в светлую кухню, а там уж она постарается его не разочаровать.

Нина усмехнулась, вспомнив, как он холодным ненастным днём ворвался в комнату, схватил её, жаркую в объятья и, сдвинув тарелки, любил прямо на столе, а она сквозь счастливый лепет пыталась сказать, что еда уже остыла.

Как он схватил холодную картошку с солёным огурцом и на ходу пытаясь их проглотить, убежал назад в часть, чтобы не опоздать к вечерней проверке!

А ведь в тот вечер он, переправляясь через брод, поскользнулся, едва не упал, но удержался на ногах, а то бы получил по полной за самоволку.

Когда он ей поведал приключения того счастливого и светлого вечера, она перекрестилась и сказала, что это его спасла её молитва Богородице.

Вдруг возникла картинка, как они с девчонками впервые собрались на танцы в часть на том берегу, сколько было волнений и сборов: она всё ночь завивала себе кудри, а они от влаги реки, которая была покрыта томной дымкой, окутывала их своей ласковой печальной влагой, именно печальной, ведь река уже давно забыла свои девичьи грёзы и надежды, а волосы разошлись и были особенно нелепо прямые. А ведь главное было пройти через

брод, не намочить подол нового платья и туфли сберечь, первые в жизни туфельки красненькие с бантиком тоненьким, на каблучке рюмочкой. Нина бережно сняла их, осторожно нащупала ногой в воде первый камень, который показался ей уж очень скользким, а потом, перекрестив себя туфельками, решительно направилась на встречу с неизвестной, но обязательно прекрасной жизнью, о которой столько наслушалась разговоров и рассказов, что отмахнулась от них, потому что она сама не такая, у неё-то уж всё непременно будет хорошо, уж она постарается делать всё по-умному, а не так, как эти тётки, которые только и знают, что кричат на своих мужиков, а она будет ласковой и податливой, как ей подсказывала покойная бабушка со словами: "Внученька, запомни, мужика всегда надо лаской брать".

Нина всё понимало про семью правильно, как у них в поселке понимали. Сначала их было двое. Он и она. Потом их стало трое. Третий смотрел на них круглыми глазами и ничего не говорил, но смотрел так внимательно, впитывая слова и восторги родителей, что, казалось, заговорит сам. Маленькое чудо выросло. Родители строили планы, что их ребёнок непременно реализует то, чего им самим не удалось добиться. А ребёнок ничего не добивается, действует, как родители, сообщая однажды, что вскоре у него будет ребёнок и своя семья. Родители ещё только привыкают к мысли, что у их ребенка уже появился свой ребёнок, как узнают, что дети уже ждут второго...

Высунув кончик языка, Игорь старательно вырезает лепестки мака из красной гофрированной бумаги. Один за другим они падают на стол. Игорю нужно пять лепестков для каждого цветка, чтобы собрать букет. Вот уже их набралось вполне достаточно. От усердия даже шея онемела, Игорь поднимает голову и вертит ею слева направо. Те-

перь предстоит самое сложное: собрать цветы. Для этого ему необходимо обмотать такой же, но уже зелёной бумагой проволоку для стебельков, при этом аккуратно прихватив кончики лепестков. "Утро красит нежным цветом // Стены древнего Кремля..." доносится из приёмника. Игорь готов идти на демонстрацию по случаю 1-го Мая. Игорю семь лет.

В первый же самый длинный день, какой бывает только в июне, Игорь вечером повёл Нину по Москве, сам любуясь ею, узнавая и не узнавая. Ему очень хотелось, ещё в армии, пройтись по новому пешеходному мосту от Киевского вокзала к Смоленской набережной, и они, оглядев площадь с фонтаном, вступили на этот хрустальный мост.

Нина поразилась широте реки, мысленно воскресив в памяти свою речку, которую она переходила в брод, да, здесь чаровали взгляд совершенно иные масштабы, а университет, высвеченный яркими огнями, походил на космический корабль, который вот-вот оторвётся от земли и воспарит в небо.

В одном из переулков, когда они сошли с моста и повернули налево, в проёме между двумя зданиями, как между двумя порталами в театре, перед их восхищенным взором возникли на сценическом заднике невероятные поблескивающие гвозди высоток вколоченные в темнеющую доску неба.

Когда Игорь замолчал, Нина спрашивала:

- О чём ты думаешь?

Чтобы остаться в своих мыслях, Игорь скупо отвечал:

- О тебе!

А сам думал вот о чём. У всех есть ближайшие, а есть и дальние. Это Игорь говорит о родственниках. Лет двести назад этих ближайших и дальних был сонм, пчелиный рой, запомнить всех даже всезнающая бабушка не могла. Один список родственников был на нескольких

листах домово́й книги, в которой перечислялись бесконечные троюродные, четвероюродные родственники, их мужья, жёны и дети. В прежние времена все собирались на свадьбы, похороны и крестины, переписывались, приезжали в гости, как правило, даже не предупредив об этом. При этом "ближайшие" нередко были совершенно чужими по мироощущению людьми, но влияли на отношения в семье своими советами и суждениями. Нынче родственные отношения не означают обязательность личных общений, родственники всё чаще отдаляются друг от друга.

Всё было хорошо, даже иногда прекрасно, но Игорь никак не мог отделаться от волнения, от неуверенности в правильности своего решения привезти Нину в Москву. Там, в армии, даже мыслей подобного рода не возникало. Он существовал там совершенно в другом облики. Вроде бы это был тот же Игорь, москвич из интеллигентной семьи, но нет, что-то в нём сильно изменилось, выступила какая-то хватка зверёныша, сжимающего женское тело, входящего в него, как в храм родной, что можно было подумать, что с Игорем произошло раздвоение, что он оказался обыкновенным животным. Но все человеческие науки так хитро отделили человека от животного, что подумать об этом было даже стыдно. Но любовь побеждала рассудок, и в этом смысле Игорь был совершенно другим. Он наслаждался женщиной, наслаждался так, как до этого даже мечтать не мог. Любовь обвинила его своей паутиной ласково и надёжно, что уже без Нины он представить себя не мог. Как ни пытался Игорь отыскать в глубине свой души прежние светлые чувства к Нине, ему это никак не удавалось. Он не хотел сосредотачивать своё внимание на этом сомнительно переживании, но так или иначе тревожные мысли крутились в голове, не давая ему покоя.

Во время прогулки с Игорем по Москве Нине казалось, что она идет не наяву, а в каком-то счастливом фильме, кроме Игоря никто её не видит, а она старалась подмечать всё, но разве это возможно!

Впечатления наплывали с такой частотой, что хотелось закрыть на мгновение глаза и прижаться лбом к надёжной груди любимого, защитника, её героя, о котором она мечтала днями и ночами, придумывая наивные, а для неё невероятные отношения, в разноцветном, ярком окружении аморфного счастья, правда, по мере взросления мечты становились более конкретными, а потом и практичными.

Жизнь постоянно напоминала о себе, ведь допотопный поселковый барак, в котором она жила, был такой школой жизни, о которой многие узнавали только в кино или в сводках новостей. Но у неё всё будет иначе, ведь вот встретила она Игоря, и он пригласил её танцевать, а потом пошёл провожать, а на берегу под треск цикад он её обнял в первый же вечер, и так ей стало надёжно, что она поняла - это навсегда, поэтому Москва пугала, завораживала и притягивала, конечно, шум оглушал, да, вот Игорь здесь, время от времени, как бы был рядом, но не с ней, она постоянно обращалась к нему, вопросы сыпались с такой частотой, что на ответы времени не оставалось, а он отрешённо поглядывал на неё и только слегка пожимал руку, а то и вовсе как будто забывал о ней.

Москва! Господи! Здесь чудесам конца края нет, как тут можно остаться одной!? В такие моменты она крепче впиалась в руку Игоря. Чистые тротуары, постриженные кусты, цветы на газонах, величественные здания, окна, витрины, машины, ведь даже в кино в таком количестве она ничего подобного не видывала. "Ничего я научусь, я смогу, у нас всё получится", - повторяла она то и дело, поглядывая сбоку на Игоря, пытаясь поймать его взгляд.

Конечно, она была встревожена количеством красивых девушек и женщин, таких уверенных в себе, роскошных, независимых, а стайки весёлых, шумных девчонок, примерно её возраста, просто приводили её в шок.

Нина пыталась присмотреться повнимательнее к ним, как это они так причудливо одеты - высокие сапоги в жаркий день, с вырезанной пяткой, оборванные по краям шорты короче трусов, и прозрачные то ли кофты, то ли блузоны, а уж причёски и особенно ногти со стразами, разноцветные, да серьги и в носу, и в губах, и ещё бог знает где, вообще не укладывались в голове. В общем, от разнообразия и обилия впечатлений Нина почувствовала такую невероятную усталость, что казалось прямо сейчас упадёт на тротуар и заснёт крепким сном. Нина зажмурилась на миг, потом дала себе команду взбодриться и жалобным голосом спросила:

- Игорёчек, а может, посидим немного?

- Да, конечно, сказал он, - отвечая на звонок телефона, который зазвонил одновременно с её вопросом, поэтому она не поняла, кому он ответил, но дёргать его не стала. "Терпение и терпение", - дала она себе команду, и с ещё большим усердием стала разглядывать столичных красавиц, с некоторой досадой отмечая, что Игорь не пропускает ни одну из них.

Игорь родился в Москве. И родители его родились в Москве. Окна Москвы зажигают огни. И в каждом окне чьи-то жизни. Из окон, за которыми любовь, нежность и счастье живут под одной крышей, свет струится мягкий, ровный. Холодный же, тревожный свет рассказывает Игорю о трагедиях, тусклый - о бессмысленном существовании. Об этом он думает, всматриваясь в светящиеся окна. Живут вместе, но отдельно, сколько таких семей томятся там, за этими окнами, потому что, по разным причинам, не в состоянии ничего изменить, доживая

свой век. Вроде бы все живут вместе, но у всех своя келья. Свет в окнах рассказывает Игорю истории, а он записывает их.

В этот самый длинный день, очень ясный, на небе рисовалась картина маслом - рассеянные красные и оранжевые лучи смешиваются с небесной голубизной, оттенённой густым ультрамарином, из-под которого закат сиял золотым огнём, окрашивая небесное полотно в совершенно невообразимые тона. Нина с Игорем замороженно застывали на месте от этого дивного представления, разыгрываемого как будто специально для них. В этот же вечер с восторгом наблюдали они невероятные багряно-алые и лилово-золотые облака заката, поражаясь разнообразию сочетаний красок и оттенков.

В сумерки небо над Москвой было многослойным.

Низкие, тяжёлые, мрачные от влажности тучи ветер гнал с Запада на Восток. Над ними в глубине то появлялся, то исчезал прорыв голубого цвета, который местами прикрывали пушистые белые овечки.

Они стояли на Космодамианской набережной спиной к Дому Музыки на Красных холмах и не могли глаз оторвать от постоянно меняющихся небесных рисунков. И небо наградило их за внимание к нему. Сначала тучи открыли едва угадываемый огромный шар закатного солнца. Суровые серые тучи мгновенно преобразились и похорошели, порозовев. Затем между куполами Спасо-Преображенского собора и башнями Новоспасского монастыря солнечное колесо открылось полностью. Оно было столь огромно, что все храмы и дома на той стороне Москвы-реки стали казаться микроскопическими, игрушечными.

Темнело прямо на глазах.

Огромный шар неспешно передвигался от одной башни к другой. И в этот момент они почувствовали под ногами Землю, планету, и Нина с Игорем едут на ней. А Игорь ощу-

тил себя "маленьким принцем". Потом перед ними открылась невероятная картина - солнце как бы остановилось между куполами, которые переливались в его лучах.

Светило смотрело только на них, а затем смущенно прикрыло темными тучками сначала глазки, а потом всё личико, как будто маленькими ручками, и растаяло.

Через считанные минуты на город опустился вечер.

И вот после столь захватывающей дух прогулки по Москве, Игоря угораздило на следующий день собрать своих друзей. Нина думала, что он позвал их, чтобы познакомить всех с нею, но как же так, надо же всё приготовить, попыталась она сказать, а он, махнув рукой ответил:

- Не заморачивайся, у нас уже свои традиции...

На столе появились разнообразные бутылки, бокалы, какие-то коробочки, фрукты, каждый из гостей обнимал Игоря, и они весело обменивались приветствиями, шутками и возгласами проходили в комнату, как будто расстались только вчера.

Девушки все были как с картинок модных журналов, одна лучше другой, они держались столь уверенно и расковано, когда же Игорь объявил, что привез в Москву Нину, при этом не сказав ни слова об их планах, а она напряглась, а гости, рассеяно взглянув на неё, только кивнули. Нина села на стул, но не попала в круг их разговора. Они, как стайки птиц, беззаботно щебетали, перебивая, смеясь и подкалывая друг друга, а Нина даже не могла уловить нить их разговора, поскольку собравшиеся перепрыгивали с темы на тему, как птицы с ветки на ветку.

Игорь думал о своём. Продвигайся по службе, вступи в партию, заведи семью, бегай по театрам и выставкам, но из тебя ничего не выйдет, потому что ты убегаешь всю жизнь от себя, а чтобы из тебя что-то вышло, нужно сесть и писать книгу или картину, или музыку, поскольку только искусство, только личное творчество позволят сказать,

что из тебя что-то вышло, но ты даже не догадываешься об этом, потому что у тебя нет ни минуты свободного времени, тебе не хватает 24 часов, чтобы не пропустить такие важные события в жизни культуры и родственников и друзей, но однажды ты поймёшь, что всё это было пустой суетой, что из тебя ничего не выйдет, если ты те посвятишь себя творчеству.

И догадываться Нине не нужно было, что она пришлась не ко двору, она это сразу поняла всем своим нутром, как только увидела московское окружение Игоря, который всё это время был не в своей тарелке, она это чувствовала, как чувствует каждая женщина, когда наступает у близкого ей мужчины охлаждение. Горечь, переходящая в апатию, овладела Ниной. Только горечь, и ничего больше. Они существовали на разных планетах.

Игорь размышлял. А Нине казалось, что он больше не хочет с нею ни о чём говорить. О плодах яблони вспоминаешь в том смысле, что яблоко от яблони недалеко падает, и задумываясь, как, к примеру, родившийся в семье плотника стал Богом, вдруг видишь под яблоней книгу, которой зачиталось одно из яблок, и возникает желание её прочитать, так начинается процесс ухода от падших яблок, а затем самое сложное - постоянное открытие мира. Обстоятельства детства дают неограниченные возможности всем, но пользуются этим единицы, те, которые заинтересуются книгой под яблоней жизни.

Роятся пчелами семьи в огромных московских домах, не замечая этого, потому что у каждой, или почти у каждой семьи свои соты. А лет двести назад теснота была присуща почти всему населению. Теснились в избах по несколько семей, пристраивались, ставили избы рядом, но не разбегались, жили по указке старших. Разорвать оковы запретов и семейных устоев удавалось только очень сильным личностям одержимым творчеством. Не так страшна теснота

сот, как теснота духа. Заражённые искусством преодолевают все препятствия домостроя, убегают на волю к холстам и краскам.

Преодолев себя, Игорь прямо сказал Нине, что проводит её до вокзала.

В сторону Орла поезда шли довольно часто. Купив ей билет, Игорь посадил её в поезд, в котором Нина скрылась, даже не оглядываясь.

И он быстрым шагом, почти бегом устремился к метро.

ПЕТУХ С КУРИЦЕЙ

- Люб, а Люб, ты чего не садишься-то сама? - спросил муж, а она даже не услышала его вопроса.

- Ма, - произнёс младший, - ты где?

Только смех за столом вернул Любку в реальность. Она думала о том, что надо в магазин пойти, посмотреть там краски, ведь несколько раз на них внимание обращала, всё размышляя о том, что они в их деревне никому не нужны, особенно летом, когда ребятня с улицы не уходит до первых петухов.

Мужчины, насытившись, деловито поднялись и отправились по своим делам, муж одобрительно похлопал по плечу со словами:

- Да, стряпуха ты у нас - первая здесь!

- Да, просто обед, - ответила она несколько отрешённо, а мысли всё о красках.

Быстро собралась и пошла в магазин, а то после четырёх уже закроют.

У реки встретила умную женщину. Это Любка сразу поняла. Из дачников. Стоит и рисует кисточками давно известную Любке реку: кудри зелёные ив по берегам, а сама вода-то аж цвета неба, и там, вдали, сливается с небом этим, прямо в небо утекает.

Вот эта умная женщина и сказала ей, что, мол, сомневаться в себе тут не стоит, бери холст и рисуй сразу масляными красками.

- Так сразу? - удивилась Любка.

- Ждать некогда, - сказала умная женщина. - Жизнь сразу кончается вон там... - она ткнула на холсте в место, где река улетала в небо...

И она наговорила Любке с три короба, суть которого сводилась вот к чему. И вот в какой-то момент до одного из тысячи доходит, что он есть потребитель, пусть потребитель кино или театра, литературы или живописи. Но потребитель. Если в первом приближении до него доходит эта мысль, то он вдруг останавливается, и решает сам попробовать, допустим, снимать кино, играть в театре, писать рассказы, рисовать картины. То есть он отходит как бы ото всех, ходящих по земле, и улетает на облако творчества. Он становится производителем, слово, разумеется, многослойное, но ему есть сходное по значению слово - "творчество". Он с этой точки прозрения своей души становится творцом.

- Стра-а-ашно... - вымолвила Любка.

- Слабакам в искусстве делать нечего, - сказала умная женщина и продолжила: - Вот стою у картины в галерее. Здесь квадрат, чёрный. Там - безличный пейзаж. Это Малевич, а пейзаж можно приписать почти каждому реалисту... Хотя пейзаж Левитана - это Левитан. Картина - окно, сквозь которое художник преображает нереальную реальность, играя освещением, создавая настроение. Картина открывает единственный душевный мир, создает бессмертного художника. Сколько их, особенных видений, существует, никто не считал, да, это и не нужно. Зачем? Смотрю, восхищаюсь, вглядываюсь, размышляю о том, как это трудно, мучительно и прекрасно, когда они есть: Веласкес, Врубель, Кандинский, Фальк...

- Это да-а-а... - согласилась, ничего не понимая, Любка.

- А то вот, бывает так... - сказала умная женщина. - Чуть ли не ежедневно приглашают на вернисажи. На выставках представлено множество картин. Изредка бываю. И запоминаю одну какую-нибудь вещь. Вспомнишь её, и сразу вытягивается целая цепь полотен художника. У каждого крупного художника есть одна ударная картина. По ней

весь мир раскрывается. Вот, к примеру, "Грачи прилетели" - это сущность народа, проживающего на бескрайних просторах снегов и болот. Саврасову удалось постигнуть невероятную тоску по свободе. Я думаю, сам художник не знал, как он этого добился. Но шедевр этот неизменно тревожит каждое новое поколение, мечтающее о свободе...

- О сво-о-бодe... - прошептала Любка, смутно припоминая "Грачей" из школьного учебника.

Любке так понравилось слушать умную женщину, что она, казалось, обо всём забыла.

Но одна мысль всё время крутилась в голове Любви: Бог мне, что ли, послал эту умную женщину.

А та ещё говорит:

- Все привлекает меня в персиках - шарообразная форма, нежный цвет, аромат, вкус! Цвет, который раньше называли телесным, теперь - персиковый, и такое определение более соответствует ему. При слове "персик" перед моими глазами всегда возникает картина Серова "Девочка с персиками". Мягкие тона персиковых листьев подчёркивают детскость, наивную солнечность картины. Кость у персика испещрена причудливыми извилинами, как мозг человека, из чего я невольно делаю вывод, что персики не только вкусные, но и очень умные...

- Ох, как умные! - выдохнула Любка.

- Я пришла как-то в новую Третьяковку (на Крымском валу) не просто посмотреть "Искусство XX века", нет, я поднимаюсь наверх и спешу в зал, чтобы ещё раз посмотреть картину "Вузовки" Константина Истомина, которая взволновала меня в прошлый раз светом, струящимся из окна и энергетикой своей. Меня заинтересовал художник, его картины. Чем подробнее я узнавала об Истомине, тем больше поражалась ещё раз его своеобразному таланту. Вот, в глубине, через анфиладу передо мной появляется картина, излучающая свет. Я не спеша приближаюсь к ней,

чувствуя напряжение, как будто это я всю ночь напролёт готовилась к важному экзамену. Внимательно рассматриваю другие его картины: "Читающая женщина", "В комнате у окна". Все картины объединяет особая цельность и эмоциональность, которая передаётся мне, и, особенно, свет. Всё в них привлекает меня - тональность, цвет и присутствие художника. Константин Истомина пишет, с одной стороны, очень лаконично, с другой - сохраняет удивительным образом непосредственность восприятия увиденного. Большинство его картин написаны с 1922 по 1938 годы, но я воспринимаю их как современные мне. Выхожу из зала. У окна с видом на зимний парк замечаю на круглом столе открытые альбомы-каталоги Третьяковки. Подхожу и вижу - прямо передо мной раскрыты страницы о творчестве Константина Истомина. Невероятное совпадение!

Любку аж рот округлила от этого совпадения, лишь промолвила:

- Учатся девчонки...

- То-то и оно... Вот объёмная, выразительная выставка Наталии Гончаровой не отпускает меня, вспыхивает в памяти сочными красками. Художественный мир её, такой разнообразный, обаятельный, свободный, пленил меня. Я впервые увидела её произведения с такой полнотой. Спасибо и низкий поклон организаторам выставки в Третьяковской галерее. Какой мощный толчок для творчества черпаю я на подобных выставках. Такое же неизгладимое впечатление три с лишним года назад произвела на меня выставка Исаака Левитана. Подобные объёмные экспозиции имеют особую ценность именно потому, что дают возможность как бы проникнуть во внутренний мир художника, проследив его творческий путь и философию развития. Круг интересов Гончаровой, её потрясающая работоспособность, преданность и служение творчеству дают хороший урок для подражания. Она вся поглощена

искусством, дышит им и оно отвечает ей взаимностью. Гончарова пишет свои холсты, как дышит, смело смешивая пёстрые краски и получая неожиданный, поразительный результат. Её не спутаешь ни с кем. Христианские образы Гончаровой потрясли меня своей неистовой оригинальностью и новаторским цветовым решением. А её натюрморты, пейзажи, крестьянские мотивы!? Как она смело и свободно работает с цветом! В нынешний печальный февральский день я мысленно нахожусь в мире искусства, созданном великой труженицей и замечательной художницей. Круг её творчества поражает: иллюстрации книг, театр, мода, рисунки тканей - во всём Гончарова верна себе, она дарит нам праздник. Я люблю бродить по залам на Крымском валу, любоваться видами Москвы за окнами, всегда меняющимися в зависимости от освещения и времени года. Кстати говоря, только одно огорчает меня, как жаль, что любимый Фальк не имеет своего зала. Его "Красная мебель" представлена в зале художников объединения "Бубновый валет", а остальные картины висят в другом крыле. Мне кажется, что картины художников лучше воспринимаются тогда, когда они собраны вместе.

- Этот валет картёжники? - ляпнула Любка.

- Объединились так художники... Или, например... Почему при слове "подсолнух" у меня мгновенно становится тепло и светло на душе? Задумалась я, неужели потому только, что цветут ослепительно солнечно, в солнце сияющее перевоплощаясь. Разве мало разнообразных цветов я знаю цвета солнца - астры, хризантемы, тюльпаны, всех не перечислить. Так почему же именно подсолнухи стали так знамениты?! Ответ известен каждому. Да потому что подсолнухи превратились в произведение искусства благодаря картинам Ван Гога!

- Красиво... - сразу согласилась Любка.

- Так и должно быть... - умная женщина кисточкой поставила чёрную точку под одним кустом, который сразу отразился в воде. - Помню, моё внимание привлёк большой зеленоватый холст в одном из залов Третьяковки на Крымском валу. Я почувствовала в нём непонятную притягательную силу и невольно остановилась. Силуэты двух женщин за столом, который стоит у окна. Лица женщин приглушены, их не видно, да это и неважно, здесь всё дело в свете, я смотрю на силуэты против света. Свет из окна освещает затемнённую комнату, он струится на зрителя. Этим художник достигает как бы эффекта присутствия зрителя на месте художника. Свет из окна придаёт особую глубину и смысл картине. Кажется, что там за окном можно увидеть другое время, другой мир. Это художник Константин Истомин, картина называется "Вузовки". Я как бы вглядываюсь через окно в 1933 год, год её создания. Этот зеленоватый свет, идущий из картины, как из окна, магнетически действует на меня.

- И на меня! - поддержала Любка.

- С высоты своего этажа, - сказала умная женщина, - слежу за нескончаемыми потоками огоньков внизу. Красные и золотистые, синие и зелёные, они гирляндами опоясывают улицы и переулки, словно новогоднюю ёлку. Если не знать, что это машины, то Новый год можно встречать без ёлки и лампочек, поглядывая на бегущие огоньки, когда будет желание, не обращая внимания на календарь. Яркие и праздничные в прозрачном, дышащем холодом воздухе, гирлянды манят меня на карнавал, погружают в новогоднюю сказку. Размытые, разноцветные пятна в тумане создают мечтательные картины, вызывая новые праздничные ассоциации.

- Да-а, с высоты всё красиво... - сказала Любка.

- Когда удаётся уравновесить на весах души плюс и минус, наступает гармония. Иными словами, всё находится внутри каждого человека: добро и зло, любовь и нена-

висть... Множество голосов в душе соревнуются в правоте, как будто человек состоит из бесчисленного количества персонажей. Это нужно понять, принять и никого не обвинять в том, что с тобой происходит. Всего-то нужно затемнить одну часть картины, а другую высветить. Следом солнечному дню подбирается ночь. У любящих двоих родилась дочь. Гармония побуждает созидать...

- Вот у меня такое в душе родилось! - удивилась Любка.

- Я часто вспоминаю удивительное выражение: "Воздух был резок для тонкого фрака". Бунин! У него свой мир и свой свет! В этот момент аромат свежемолотого кофе действует на меня магическим образом, поднимает настроение и вдохновляет. Бунин поэтичный художник! Воздух у него - свежий, нежный, жгучий, молодой, острый морозный, снежный, тёплый солнечный - писатель всякий раз находит новые эпитеты, которые передают тонкие оттенки чувств. Сам процесс приготовления любимого напитка по утрам - одно из моих любимых занятий. Бережно наливаю в чашечку, сажусь у окошка. Тучи на небе ненастные, совсем не весенние, но всё же сквозь них пробивается свет, бунинский свет щемящей тоски по безнадежно утраченному детству. Вот ведь мысли у меня какие самостоятельные, вспомнила о Бунине, который мне бесконечно дорог своей художественной новизной. Я и сама чувствую, что небо часто соответствует моему настроению. Оно может быть сумрачным, ненастным, чистым, холодно зеленоватым, насупившимся, голубым и ясным, низким белёсым. "Сплошная темно-зеленая чаща ельника, стоявшая перед ним, казалась от яркости дня почти черной, и небо сквозило в ее острых верхушках особенно великолепной синевой", - читаю и вижу картину!

- Как здорово... Я всё время вижу картины! - излилась Любка.

- А вот, скажем, клубы дыма, уходящие извивающимися, широкими мазками высоко в небо и колючий неласковый

ветер... Они сопровождали меня на выставку Наталии Гончаровой. Раскрасневшихся от мороза посетителей при входе в зал на выставку "Между Востоком и Западом" окутывает тепло, которое излучают картины Наталии Гончаровой. Художественный мир, созданный художницей, поражает своей сочностью, яркостью, оптимизмом. Праздничность и доброту излучают её картины. Творческий путь, широта взглядов, любовь царят в этом зале. Меня поразила преданность творчеству, цельность личности. Холст "Три женщины" в испанском цикле, написанный нежными почти графическими тонами, навеял мне испанский вариант трёх сестёр, пес на авансцене придаёт картине особую теплоту. Наталия Гончарова искусно сочетает несочетаемое, пишет, как хочет, живет в своих работах. Пейзажи, жатва, натюрморты, крестьянский цикл, русский период, религиозные композиции, испанский цикл, французский пейзаж и жанр, французский натюрморт, лучизм, футуризм, книжная иллюстрация, театр, мода - от одного перечисления круга её интересов дух захватывает! Какой колоссальный труд, какая преданность искусству! Выставка эта открыла мне пример творческой личности, которая на протяжении всей своей жизни вдохновенно жила и творила так, как хотела.

- Вот бы мне так, как хочу я! - воскликнула Любка.

- Прошлая весна была такой же, как нынешняя, или всё-таки чем-то отличалась? А позапрошлая весна? А весна десятилетней давности?! Все эти вёсны как бы спрессовываются в одну бесконечную весну нескончаемой жизни, которая мчится без остановок от весны к весне. И только успеваю каждый раз открывать всё новые и новые картины в неожиданных ракурсах. Вглядываясь в прошлое, я лучше понимаю себя настоящую, убеждаюсь в неизбежности событий, происходящих со мной. Прошлое - начало и смысл моего рождения, устремленного к вечной весне... А весна

- вечные картины... Третьяковка для меня была драгоценным храмом, продолжила изливать душу умная женщина. - Зима, стужа, колючие снежинки летят прямо в глаза. Там меня ждут встречи с Левитаном, Федотовым, Серовым... Я перехожу из зала в зал, и примерно через полчаса у меня от впечатлений начинает кружиться голова. Прошло много лет, я, по-прежнему, люблю ходить в Третьяковку. Она пережила серьёзную реконструкцию в течение долгих лет. Там стало значительно просторнее, но мне душно и тесно там. Да, восприятие совсем другое, но всё же мне не хватает простора и воздуха. Картины висят в тесноте в несколько рядов, а это мешает восприятию. "Грачи прилетели", например, достойны отдельной стены. Старый дом Третьякова напоминает мне монастырские кельи.

- Вот бы мне побывать в этих кельях! - мечтательно воскликнула Любка.

Умная женщина сказала:

- Провидческие сны бывают, я думаю, у каждого человека, но не каждый обращает на них внимание. Только по истечении времени, когда событие уже свершилось, память напоминает о нём. Конечно, предвидение основано на впечатлениях прошлого. Но не только. Мне кажется, что в сознании существует некий калейдоскоп картин ушедшей жизни, который ассоциативно и произвольно складывается в предсказание будущего. Даром предвидения событий обладают писатели. Чем человек свободнее в своём творчестве, чем глубже проникает в безбрежный мир слов, тем чаще он описывает события, которым суждено свершиться. Всем известны произведения Оруэлла, братьев Стругацких... На мой взгляд, чем больше человек знает, размышляет, тем точнее его предвидение... У всех есть глаза, но художественным глазом обладает человек, видящий мир в законченных картинах своего воображения, улавливая тончайшие перепады света и тени, реальности и

вымысла, выражая это в своих произведениях, которые живут собственной жизнью вне времени. Оригинальное видение привычного рождает новые направления в искусстве, способствует его развитию, так "Чёрный квадрат" Малевича стал провозвестником нового искусства...

Любка смахнула рукой пот со лба.

Сомлела.

Да, как тут не сомлеть, жара под сорок, земля потрескалась.

Поливала, поливала с пяти утра, а толку-то, зачем корячилась?

Места себе не находят, маются люди, не каждый день, конечно, а в выходные, в отпуске, на пенсии. Ну, это просто испытания выпадают на душу людей. Куда пойти, куда податься? На месте остаться - это ж с ума можно спятить. В четырёх стенах сидеть силушки нет никакой. А душа куда-то рвется, чего-то просит. Душе требуется пища. Кино посмотреть по телевизору, с соседями поболтать у подъезда на скамейке. Опять что-то не то.

А почему?

Потому что это опять, как ни крути, сплошная еда для души. А душа всё ест и есть, но не довольна собой. Никак душа насытиться не может. И человек оказывается в тупике каком-то никак не объяснимом.

В чём дело?

Чего тебе надо?

Ответа нет.

Мысли путанным клубком шевелились в голове, а время неумолимо близилось к обеду, а уж тут хочешь не хочешь, подавай щи, да погуще мужикам, иначе сцепятся с голода из-за пустяка друг с другом, что и есть забудут.

Любка это ещё с детства усвоила, что мужика, как постоянно повторяла бабушка, прежде всего, накормить надо горячим, тогда в семье будет лад да склад.

Дверь в летней кухне была нараспашку, марлевая занавеска, которая давным-давно забыла свежесть и утратила свой первоначальный вид, никак не защищала ни от мух, ни от мошки, да и Любка уже вовсе перестала на них реагировать.

А в голове крутится разное... Хорошо, пусть так, но свободные дни закончились, на работу пора. Тут, надо сказать, полегче, чувствует себя человек приемлемо. Всё ж при деле. И вдруг человек понимает, что это опять не то. Он превратился в какой-то автомат. Вот бегаёт женщина каждый день на фабрику. Коробки с готовой продукцией окантовывает. Нужно дело делает. Иначе как доставить продукцию кондитерской фабрики по магазинам? Только в упакованном виде. Все это человек понимает, но ему опять чего-то не хватает. Директору не хватает, инженеру не хватает, шофёру не хватает, министру не хватает и так далее...

Свёклу с морковкой пошинковала, добавила к золотистому лучку, помешала, и замерла оттого, что внимание её привлекла сцена выяснения отношений двух куриц и петуха.

Надо сказать, что петух у Любки был знатный, красавец первый на деревне, как павлин разноцветный - малиновые перья его в сочетании с изумрудными и медными горели на солнце огнём.

Любкин петух приводил в восторг красотой своей всех, кто его хоть разок видел, а соседка Райка, покачивая головой, восклицала: "Энто, прям, не петух, это прям боярин, какой-то!" Перья его переливались на солнце совершенно невероятным светом, Любка даже рот приоткрыла от восхищения, не обратив внимания на то, что прижарка к щам уже начала пригорать. Нос, правда, не подвел, не отрывая глаз от баталий за окном, рука самостоятельно помешивала овощи на сковородке и выключила огонь.

- Мать, чего там у тебя, насчёт обеда... Есть будем? - раздался со двора голос хозяина.

- Та сейчас, Петь, косточка пусть ещё поварится мозговая, как ты любишь...

- Ну, тогда пусть...

А куры-хохлатки в это время сцепились в жаркой схватке за внимания красавца петуха, роскошные шпоры которого не шевелились, он склонил голову набок и, издавая то ли одобрительный, то ли озабоченный рокот "ко-ко-коко-ко ко", наблюдал за схваткой.

Бой был неслабый.

Пух и перья летели!

- Та, что ты стоишь, как пень?! - крикнула Любка. - Давай уже разнимай, да делай свой выбор! Вот ведь так и хлопцы мои на танцах давеча наблюдали, как соседские девчонки дрались смертным боем за красавца городского, смеялись, а не разнимали.

Залюбовавшись этой сценой, Любка как-то естественно схватила варёную свёклу, отрезала кусок и попыталась изобразить этого наглого самоуверенного петуха, она провела свёклой по стеклу, но ничего, кроме потёков на нём не получилось, тогда она оглядела кухню, выхватила их старой сумки, в которой лежала бумага для розжига, старую тетрадь, порылась в сумке ещё маленько и нашла красный огрызок карандаша, ножом заострила кончик и несколькими штрихами попыталась запечатлеть увиденное.

В это время на кухню заглянул старший сын, он удивлённо взглянул на мать, она же, спохватившись, торопливо сказала: "Зови, наших, есть пора!". Сын цыкнул на дерущихся из-за петуха кур, и они исчезли из виду, а Любка ловко поставила большие тарелки, положила ложки, нарезала ломти серого круглого хлеба, а чеснок, соль, перец, как будто сами появились на столе, где тут же возникло и нежное сало.

Ох, как же умилялась она, наблюдая своих мужиков за столом, которые шумно и вкусно ели - коренастый, кряжистый муж, старший сын, с накаченными мышцами, и длинный худой младший, голова которого на тонкой шее казалась такой незащищённой, что сердце сжималось.

Любка с нежностью наблюдала момент тишины, согласия и довольства за столом, вдруг она даже вздрогнула, как будто её кто толкнул в спину и увидела картину, как на фоне распахнутой двери, ветерок покачивал, баюкая разноцветные цветы, какая красота, вот, что надо нарисовать подумала она, и взгляд её как бы направлен был внутрь, в грудь что ли или душу, а там, вихри рисунков неясных совсем, но сочных, прямо манили её присоединиться к ним.

Холст.

Краски.

Воображение.

По дороге её окликнула Райка и стала хвалиться халатом таким ярким, как цыганская шаль.

Любка машинально кивнув, прошла, не оценив толком покупку.

- Люба, ты чего такая? - спросила Райка.
- Какая?
- Чужая...
- Да так в голове всякое крутится...
- Ой, смотри не закружись...

ТИХИЙ ДОМ

На прощание она протянула визитку, и он прочитал: "Углич Ольга Ильинична...", - далее следовал номер телефона и электронная почта...

До этого они общались вполне обычно, как разговаривают незнакомые люди, конечно, на "вы", "вы знаете... а как вы думаете..." и прочее.

Только Углич собралась отправить по электронной почте очередной план мероприятий и методички на следующий месяц, как раздался голос их незаменимой дежурной Верочки:

- Ольга Ильинична, подойдите, пожалуйста, к вам пришли.

Углич вышла к столу администратора, который у них совмещал свою должность с работой гардеробщика, перед Углич стоял сурового вида мужчина, и она мысленно решила, что это один из сотрудников Управы их района, которая находилась от них через дорогу, представители её нередко обращались к ним с самыми неожиданными просьбами и поручениями, которые они старались выполнять, поскольку с Управой нужно дружить.

Углич заинтересовалась у незнакомца, чем может быть полезна, на что он ответил несколько резко, что хотел бы оставить им свои книги...

Углич взглянула на одну из книг, чтобы узнать автора. Чётким шрифтом было напечатано: "Яков Шумаков".

Углич пригласила его пройти в зал, где им будет удобнее разговаривать.

В Короленковском зале Шумаков заинтересовался оформлением, рассматривал витрины с фотографиями и

автографами Владимира Галактионовича, с обложками его знаменитого журнала "Русское богатство", затем поднял глаза на лозунг: "От великого до смешного один только шаг" и подпись под ним - В.Г. Короленко "В дурном обществе", хотя Шумаков знал и о Наполеоне, любившем эту фразу, и о её первоисточнике - из сочинений французского писателя Жана Франсуа Мармонтеля (1723-1799), который написал: "Вообще смешное соприкасается с великим (т. V, 1787).

Углич объяснила, что они старались, чтобы каждый, кто входит сюда, особенно те, кто мало осведомлены о Короленко, могли, осмотревшись, понять значение писателя не только для нашей, но и мировой литературы.

Углич с Шумаковым сели за круглый стол. Шумаков счёл нужным представиться полностью: Яков Георгиевич Шумаков, филолог и доктор наук, что вызвало у Углич интерес и уважение, поскольку период, когда подобные книги пользовались некоторым спросом, уже прошёл, стремительно внимание вызывает интернет, неограниченные возможности которого всё больше завоёвывали внимание всех.

Книги Шумакова были прекрасно изданы, в них всё говорило о глубочайшем уважении к филологии - бумага, шрифт, переплёт, оформление, предисловия, послесловия, указатели имён, использованная литература, на что Углич, естественно, обратила внимание.

Учёный отреагировал очень живо, было очевидно, что перед Углич истинный профессионал филологической науки, что поразило и заинтересовало её.

Шумаков показал сноски на работы своего сына, аспиранта, и с гордостью сказал, что успехи сына есть не что иное, как плоды его воспитания.

Углич попробовала не согласиться, что убеждена в том, что влияние обоих родителей имеет колоссальное влияние

на ребёнка, но услышала в ответ, что женщины нередко только мешают свободному развитию ребёнка, что Углич, призналась она себе, неприятно задело, поэтому она возразила на это, что всё зависит от того, какая женщина рядом и привела пример Анны Григорьевны и Фёдора Михайловича Достоевских.

Её пример вызвал массу положительных эмоций у её собеседника, лицо его преобразилось, из неприступного закрытого человека он превратился в доброжелательного, умного и обаятельного собеседника. Когда их разговор пришёл к логическому завершению, Шумаков заинтересованно спросил о том, чем они занимаются, и выразил желание посмотреть их помещение. Углич с удовольствием провела для него небольшую обзорную экскурсию.

В учреждении было тихо и пустынно. Сотрудники собирались во второй половине дня в комнате для отдыха с неизменным кофе, постепенно входили в предстоящий день, обсуждая свои бесконечные планы, затаив надежды на счастливый случай, который периодически случался с кем-то из сотрудников. Да, надежда не только юношей питает. Она живёт в каждом человеке и время от времени случаются события, которые становятся легендами.

Углич задумчиво говорит о трагедийности судеб мастеров русской литературы. Крюков и любовь для Углич как слова синонимы. Как тонко, глубоко и нежно умел он перебирать поэтические струны души. Когда, к примеру, она читает его "Казачку", опубликованную в журнале Владимира Короленко "Русское богатство". номер 10, за 1896 год...

Впервые Короленко посетил Москву в августе 1871 года по дороге в Петербург (остановился в "номерах" на Домниковской улице, (сейчас Маши Порываевой). В 1874 г. он поступил студентом в Петровскую земледельческую и лесную академию (ныне Московская сельскохозяйственная

академия имени К. А. Тимирязева) и жил на улице Выселки (сейчас Большая Академическая), в доме 7. Жизнь студентов и Петровско-Разумовское изображены писателем в "Истории моего современника" и автобиографических повестях "С двух сторон" и "Проخور и студенты". "Все из того времени, - рассказывает Короленко, - вспоминается мне каким-то сверкающим и свежим. Здание академии среди парков и цветников, аудитории и музеи, старые "Ололыкинские номера" на Выселках, деревянные дачи в сосновых рощах, таинственные сходы на этих дачках или в Москве, молодой романтизм и пробуждение мысли...".

В 1876 г. Короленко, как один из активных участников студенческих волнений, был арестован и заключен в Басманную часть (Новая Басманная улица, 20), а затем выслан в Вологду. Когда ссылка была заменена надзором полиции, он поселился в Петербурге. В 1879 году будущий писатель вновь подвергается аресту и высылается в Вятку. По дороге он пробыл сутки в Москве, в здании Рогожской части на Николо-Ямской улице, 54.

В следующем году Короленко был ложно обвинен в попытке побега и отправлен в Сибирь. При проезде через Москву он опять был заключен в Басманную часть.

Отбыв ссылку, Короленко поселился в Нижнем Новгороде. В 1885 г. в московском журнале "Русская мысль" (Лентьевский переулок, 21) был напечатан рассказ "Сон Макара", принесший известность молодому автору. В феврале 1886 г. писатель прожил около месяца в Большой Московской гостинице (Воскресенская пл., 1, сейчас площадь Революции). Здесь он работал над повестью "Слепой музыкант".

В этот приезд писатель побывал у Л. Н. Толстого, которого он считал "огромным художником, какие рождаются веками". С этой встречи началась их многолетняя дружба. В Москве Короленко сблизился также с А. П. Чеховым. Ан-

тон Павлович писал о нем в 1888 г.: "Это мой любимый из современных писателей. Краски его колоритны и густы, язык безупречен...". В 1903 г., отвечая на поздравление А. П. Чехова, Короленко сообщал, что любит его "давно (с Садовой-Кудрино!) и искренно", вспоминал важное о Чехове: "- Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы?.. Вот. Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь, - это оказалась пепельница, - поставил ее передо мною и сказал: - Хотите - завтра будет рассказ... Заглавие "Пепельница". И глаза его засветились весельем. Казалось, над пепельницей начинают уже роиться какие-то неопределенные образы, положения, приключения, еще не нашедшие своих форм, но уже с готовым юмористическим настроением..."

Бывая впоследствии в Москве, Короленко останавливался у сестры, которая жила с конца 1890-х годов по 1912 г. на Малой Бронной в доме номер 32 (строение во дворе).

Прощаясь, Шумаков поцеловал ей руку, чему Углич была приятно удивлена.

А когда Шумаков ушёл, принялась листать его книги. Он перевозносил самого Владимира Галактионовича Короленко до небес, и подчёркнуто хвалил сотрудника "Русского богатства" Фёдора Дмитриевича Крюкова, ставя его на одну доску с самим Антоном Павловичем Чеховым, высвечивал его изобразительное мастерство, а одно место особенно восхитило Углич: "Федор Достоевский и Федор Крюков, два гения русской литературы, ведут своих героев к красоте, которая спасет мир, через мрак преступлений. В романе Федора Крюкова "Тихий Дон", если смотреть широко, изображение тяжелых, иногда безысходных противоречий достигает напряженного накала в образе Григория Мелехова. В эпизодах "Тихого Дона", рисующих развитие восстания против большевистской нечисти во многих донских станицах, и в том числе в родной станице

Григория Мелехова, Глазуновской, проходит множество разных фигур по ту и по эту сторону баррикад. Картина разворачивается широкая и хотя не многоплановая, но за нею чувствуется вся страна "от финских хладных скал до пламенной Колхиды". Иногда как будто вскользь, бегло, а в то же время ярко, отчетливо передано ощущение большого, борющегося за независимый Дон казачества. Не всегда можно отдать себе отчет в том, как, какими художественными средствами достигнуто это непрерывное ощущение. Но задача эта особая, и решать ее нужно не здесь. И если зашла о ней речь, то лишь для того, чтобы повторить сказанное уже не раз и многими о романе Федора Крюкова, что героем его является казачество Дона. Если бы этого не было, то нельзя было бы решить тему, которая в последней книге романа, и чем дальше к концу, тем больше, становится важнейшей для автора и которую можно было выразить словами Григория Мелехова: "А главное - против кого веду? Против народа... Кто же прав?"... Она едва оторвалась от текста, потому что рабочий день подошёл к концу.

Прошло дней десять, как вдруг, отвечая на очередной телефонный звонок, Углич услышала голос Шумакова, который она сразу же узнала, потому что сам голос и речь его забыть было просто невозможно.

- Ольга Ильинична, добрый день. Я хотел узнать, как там мои книги поживают.

- По-моему вполне хорошо, Яков Георгиевич, потому что жалоб от них не поступало, - с улыбкой, которая чувствовалась в её голосе, ответила Углич произвольно.

После небольшой паузы, её собеседник произнёс:

- Я бы хотел пригласить вас, Ольга Ильинична, во вторник на следующей неделе, на концерт в Дом учёных...

- Приглашайте, Яков Георгиевич... - ответила она несколько игриво, что было неожиданно для неё самой.

Шумаков оживился и, предупредив, что обязательно перезвонит накануне, чтобы уточнить время и место встречи, попрощался.

Тут Углич осознала, что вероятно заигралась, нужно было отвечать более официально, а она, позволила себе неуместное кокетство с вполне достойным человеком, что в её возрасте, да ещё и на работе, недопустимо.

Мысли о том, что нужно было ответить отказом, сменили размышления о том, что Углич вполне может себе позволить сходить на концерт, что это ни её, ни его, ничему не обязывает, в голове же звучали слова из прощального письма мужа: "Не смей плакать, у тебя всё будет хорошо, необыкновенная любовь, секс, ты будешь счастлива, потому что заслуживаешь всего самого лучшего". Сомнения всё же не оставляли Углич буквально до момента встречи, которая состоялась в назначенное время в метро на станции "Кропоткинская".

Они встретились в назначенное время, а по дороге в Дом учёных она поняла, что их волнение было взаимным.

Коллектив, который в этот вечер давал концерт, был Углич хорошо знаком, как оказалось, Якову Георгиевичу тоже. Вечер был весьма приятным, звучали романсы, которые настроили их на романтический лад.

После концерта они пошли по вечерней Пречистенке, залитой огнями к домику мастера в Мансуровском переулке, Яков Георгиевич не просто москвич, он настолько влюблён в родной город, что готов рассказывать бесконечные истории о каждом доме, немом свидетелем минувших времён, московские особняки охотно раскрывают ему свои тайны. Вечер, который начинался для Углич нервно, получился на удивление гармоничным. Они не спеша шли в сторону станции "Парк культуры"-кольцевая, в голове же её крутилась мысль о том, стоит ли ей скрывать свой возраст, потому что её новый знакомый предупредил, что при-

обретёт ей билет на метро, а у неё была пенсионная карта москвича, наличие которой - свидетельство её пенсионного возраста, но она тут же устыдилась своей заминки, второе её я безапелляционно заявило, что не только ни от одного года своей жизни не откажется, но и ни одного дня из неё не выкинет, поэтому она спокойно достала карту, которая предоставляла право бесплатного проезда, поступок её привёл нового знакомого в восторг, давно она не слышала такое количество комплиментов, как в тот вечер. Он доехал с ней до "Курской", хотел выйти с ней в город, но она воспротивилась. Он с сожалением смотрел на неё до тех пор, пока она не исчезла на верхних ступенях эскалатора. А она в сильном возбуждении перешла Земляной вал на сторону центра и исчезла в переулках и проходных дворах, где находился её дом.

В первый вечер Углич простилась с неожиданным поклонником, не позволив ему проводить её до дома, смешанные противоречивые чувства бурлили внутри, с одной стороны боль потери просто зашкаливала, и Углич была не готова к новым отношениям, ведь жизнь для неё закончилась, это она объясняла себе, что никто и ничто хорошего её на этой земле больше не ждёт, а с другой - слова из прощального письма супруга звучали так отчётливо: "не смей плакать, у тебя ещё всё будет самое лучшее - любовь, секс, отношения...". Эта буря эмоций не стихала в душе несколько дней, одновременно Углич готовилась к своему шестидесятилетию, которое хотела отпраздновать с самыми близкими людьми дома и на работе с очень приятными и дружелюбными коллегами, в последний раз так торжественно и широко, как прежде, когда она была так счастлива в семье, в связи с этим волновалась, гостей дома она ждала в субботу, а на работе отмечала в понедельник, эти дни прошли на редкость удачно, благодаря помощи внучек и сотрудников на работе.

Каково же было её удивление, когда на работе ей сказали, что её настойчиво разыскивал Шумаков, просил её домашний телефон, но у них на работе не принято было давать личные телефоны сотрудников. Встреча с ним казалась Углич такой далёкой, что она очень удивилась, когда услышала его голос и предложение посетить выставку Левитана на Крымском валу в ближайшие выходные, что согласилась не раздумывая, потому что любила выставки, которые устраивает Третьяковка, тем более с таким интересным и образованным человеком, как учёный Шумаков.

Их встреча, неспешное знакомство с объёмной выставкой Исаака Левитан, обмен впечатлениями настроили их на романтический лад. Её собеседник сказал, что не знает о ней ничего, что он женат, у него взрослый сын, семью свою он оберегает и ценит и никогда не предаст. Углич тронула его искренность и честность, она ответила, что разделяет его отношение к семейным ценностям, но её жизнь сложилась, к сожалению, иначе, она овдовела и в настоящее время живёт одна. После продолжительной паузы Углич неожиданно для себя произнесла: "После такого интересного дня, я могу предложить вам чашку чая у меня дома".

Её провожатый тут же согласился на её предложение.

Есть заманчивые арки в старых переулках, под которые страстно хочется нырнуть, потому что в первом дворе между кособокими древними строениями имеется узкий проход вдоль красного кирпича в другой более таинственный двор, а уж из него попадаешь вовсе в неизведанный то ли сад, то ли парк со старыми с мощными потемневшими от времени стволами деревьями, а на полянке, окружённой этими деревьями стоит одинокий домик эпохи, так сказать, шестнадцатого или семнадцатого века, из белого, ныне потускневшего крупного камня, с небольшими окнами, более похожими на бойницы, увитые резными карнизами и наличниками.

- Вот здесь я и живу, - после некоторого молчания, пока петляли проходными дворами, проговорила Углич.

Шумаков от изумления увиденным почесал затылок, продолжая с неподдельным интересом разглядывать таинственный домик, более походящий на какие-нибудь палаты Годуновых или Шуйских, впрочем, и Романовы не чуждались подобных домашних крепостей, где стены были,

Шумаков прикинул на глазок, метра в полтора толщиной.

Витые объёмные колонны по краям крыльца, само крыльцо с белокаменными ступенями более походило на парадный вход во дворец, но в уменьшенных размерах, а вот входная тяжёлая стальная дверь была современной, с электронной коробочкой с кнопками цифр и со светящимся окошком и глазком видеокамеры.

Углич с Шумаковым переглянулись, при этом Шумаков вздрогнул от вспышек зелёных лапочек в глазах Углич, как будто она просверлила Шумакова для проверки идентичности щупальцами лазерного рентгена.

В прихожей Шумаков все же решил поинтересоваться происхождением фамилии "Углич", он всё время хотел спросить об этом, но смущался. А тут прямо спросил:

- Откуда ж у вас фамилия такая диковинная "Углич"?

Надев домашнюю обувь и предложив тапочки Шумакову, Углич буднично как-то ответила:

- Дмитрия никто не убивал, он жив-целёхонек хотел вернуть себе трон, но... Дальше вы всё знаете. А спас Дмитрия мой пра-пра-пра и так далее дед, укрыв себя фамилией "Углич", дабы все эти Годуновы, Романовы и прочие забыли о нём, хотя дед сам был первым кандидатом на должность царя...

С остолбеневшим видом выслушав это новое "Слово о полку...", Шумаков покорно проследовал за царственной особой в гостиную, обставленную в стиле хайтек, стекло, металл, мягкие подушки и матрасы.

Конечно, Углич даже мысли не допускала о возможности близких отношений, её предложение не имело никакого подтекста, просто усталость и одиночество в пустом доме, который всего в 10 минутах от Кремля, толкнули её предложить своему спутнику чаю, которого ей самой так сильно хотелось в течение продолжительного времени.

То, что произошло потом, так страстно и так естественно, повергло Углич в шок.

В этот вечер она сделала для себя открытие, что любовь, этот дар великий, никак не связан с возрастом, что чувство это невероятное, как послание свыше, накрывает и берёт в свой сладкий плен, возрождая тебя к новой жизни, совершенно отличной от прежней, в этот вечер Углич родилась для новой жизни, испытав невероятную страсть, жажду любить и быть любимой, это была не она, а совершенно незнакомая для неё ненасытная женщина.

Они пели о любви и были невероятно счастливыми.

- Олечка, пойдём-ка за линию, - говорил Шумаков.

Углич сбрасывала с себя халатик, Шумаков полностью раздевался. И в обличии Евы и Адама они уходили за линию.

- Представь, Олечка, чистый лист бумаги. На нём проведена горизонтальная линия. Низ и верх. В верхней части человек, вооруженный словом. В нижней части, под линией - животное, млекопитающее из отряда приматов. Здесь нет нравственности. Здесь есть размножение, секс, чревоугодие. Огромные массы животных, антропологически смахивающих на людей, живут по законам животного мира. Но чтобы в обществе всё-таки существовал порядок, животных нужно дрессировать. И тут возникает полиция, армия, тюрьмы... Воспитанных посредством слова животных дрессировать не нужно, они сами себя ведут по жизни к бессмертию через слово... Над линией - единицы, под линией - большевизм, который всегда побеждает... Фёдор

Дмитриевич Крюков - над линией, потому что он книга. А животные грабастают себе без понятия всё то, что создано человеком над линией... И над романом певца Дона поставили имя животного...

В тот невероятный вечер Углич убедилась в том, что в любовь необходимо верить, тогда она появиться непременно, совершенно неожиданно, что дар этот приходит только к тем, кто верит в неё, кто испытывает жажду любви.

Вот если бы Углич тогда не была на месте, то не встретила бы с этим человеком. Да, у случайностей всегда возникает это "если". В хаотическом ежегодном движении от случая к случаю выстраивается сама жизнь. Вся она, на первый взгляд, представляется как цепь случайностей, которая при более вдумчивом размышлении складывается в картину судьбы. Следовательно, Углич оказалась в определённое время на своём месте вовсе не случайно, ведь случай можно и пропустить, как пропускают счастье, вовремя на него не отреагировав. Эти мысли не покидали Углич после вспыхнувших между нею и Яковым чувствах.

- Любимый юный, мудрый, красивый гений, - сказала Углич.

- Любимая Олечка - художница Слова, - сказал Шумаков.

- Я только учусь у мастера!

- А я учусь очень многому и в жизни, и в творчестве у тебя, необыкновенная чувственная любимая Олечка!

- Я сейчас от гордости птицей взлечу высоко, высоко!

- Как хорошо, что я тебя нашёл, - сказал Шумаков.

- Да, любимый Яшенька, - это чудо!

- И сразу, с первого взгляда, полюбил!

- Так не бывает, неужели прямо полюбил? - спросила Углич и продолжила. - Как ты это понял, что это любовь?! Я сначала пугаюсь. Так было в тот первый раз... Страшно!

- Как видишь, почти десять лет я проверяю любовь свою с первого взгляда, при этом люблю всё сильнее! Вот что

значит полюбить с первого взгляда! - с чувством сказал Шумаков.

- А я просто люблю и ничего не проверяю, - сказала Углич.

- Иначе никто не поймёт, что такое любовь с первого взгляда. Я могу это твёрдо говорить, потому что сразу полюбил такую красавицу, царицу Олечку!

- Любимый Яшенька, я тоже понимаю это, но только когда ты об этом говоришь и пишешь!

- В народе говорят, что мы сильны "задним умом", мы с тобой, конечно, невероятным образом по всем параметрам совпали, но то есть случай, о котором я много пишу и размышляю, то счастливый случай, который нужно уметь ловить, иначе говоря, взять свои книги и пойти к Короленко!

- Яшенька, ты - совершенно необыкновенный, уникальный человек, таких нет и никогда уже не будет, а ты будешь всегда!

- Да, этот случай изменил меня, поразил, потряс и разбудил! - воскликнул Шумаков.

Хорошее всегда преувеличено, всё золотом окрашиваем солнечным, "мой дорогой человек, - мысленно обращается она к близкому человеку, - сны золотые о тебе, прекрасный мой". Особенно ярким золотом сияют милые сердцу воспоминания о прошедших как миг один десяти лет счастья с Любимым, невероятно глубоким и обаятельным Яковом, которые по мере удаления золотятся всё ярче, потому что мелкие недоразумения и обиды исчезают из памяти мгновенно, а золотая пора любви и счастливых дней греет, защищая от невзгод и препятствий, которых на жизненном пути не счесть, да и не стоят они того, чтобы оставаться в памяти. Золотые сны - целебны и вдохновенны.

Любовь не знает возраста, сколько раз Углич слышала об этом, нисколько не задумываясь насколько слова эти справедливы.

Неосязаемой дорогой стремится к лучшему душа. Она одна в огромном незнакомом мире, в котором множество дорог, переплетений судеб, встреч. Как быть!? Ей нужно встретить другую душу для полноты ощущения целостности жизни, но как узнать её среди множества других? Порой на поиск жизни мало, тут нет советов никаких, живи, дари добро, любовь, не делай зла, душа родная тебя узнает из множества других, готовься к невероятной встрече, которая случится вне всяких сомнений в нужный час, терпение и вера наградят.

Прозрачный свет осенних деревьев. Золото на синем. Пьянящий запах увядающей листвы кружит голову. Осень стала весной их любви. Бывают времена, когда деревья выступают на передний план. Весной - набухающие почки, подернутые бледной зеленью с отливами желтизны. И осенью - когда даже не замечаешь старинные особняки, потому что все внимание приковывают к себе золотые листья. У Углич обостряются все чувства. Она наслаждается разноцветным убором листьев - солнечных, красных, фиолетовых, рыже-зелёных, шуршащих и летящих в свой последний полёт. Вот на зелёном баке сидит скворец вместе с голубем и воробьём. Обычно скворушки держаться обособленно в своей стае. Но Москва всех объединяет. Птицы уже слились в единую московскую семью... А есть ли у скворца национальность? Вот бы люди в единую семью объединились, о чем мечтал бронзовый позеленевший поэт.

В тот октябрьский день накануне дня лица в воздухе было разлито томление, даже нега, на работу Углич пришла, как обычно, к полудню, сразу проверила на месте ли портрет Короленко, который специально для их мемориального зала был заказан художнику Некуренко, приоткрыла окна, чтобы такой томительно вкусный и любимый ею воздух октября своими совершенно невероятным по сочетанию за-

пахами жизни и лёгкого тлена вытеснил духоту и грусть, наполнявшие закрытое безлюдное помещение. Зал был их гордостью, он был отремонтирован и оформлен в стиле салонов конца XIX начала XX веков, мебель, шторы, светильник - всё это выглядело как единый ансамбль, особая ценность зала, душа его - большой рояль фирмы "R?nisch", 1870 года, что удивительно - это год рождения Фёдора Крюкова. Углич так любила этот рояль, что разговаривала с ним каждый день, как с живым, здоровалась и говорила : "Сейчас я тебе попить принесу, милый". Потому что в зале было очень сухо. После концертов, которые здесь проходили вечерами регулярно, поскольку зал этот привлекал студентов музыкальных и театральных колледжей и вузов, Углич привыкла лично закрывать его, предварительно убедившись, что всё в порядке.

Встречаться взглядом с Владимиром Галактионовичем каждый день в начале рабочего дня вошло у Углич в привычку. Шёл третий год её печального одиночества, и она постепенно училась жить одна. Смерть мужа совершенно сразила Углич, она не могла физически видеть идущие пары мужчин и женщин, слёзы лились по лицу просто водопадом каким-то. Холод окружал её, беззащитность и уязвимость просто приводили в отчаяние: "Что имеем, не храним - потерявши плачем", - слова эти постоянно звучали в её голове, но они никак не соответствовали действительности. Углич хранила, ценила, делала всё, что могла, и мысли не допускала, что не спасёт, настолько верила в своё желание преодолеть страшную болезнь. Муж во всём поддерживал её, он настолько благородно и с достоинством держался до последней минуты земной жизни, пытаясь успокоить и приободрить её, что уход его стал для Углич мощнейшим потрясением. Как-то вечером Углич, перебирая бумаги, обнаружила белый конверт, подписанный красивым почерком мужа одним словом: "Ольге".

От неожиданности Углич покачнулась и отдернула руку от конверта. Затем вышла на крыльцо, холодный апрельский ветер несколько остудил её, а мысли вихрем кружились в голове: "Он писал мне прощальное письмо, как это возможно, они ежедневно постоянно разговаривали обо всем, что происходило вокруг, но избегали даже малейших намёков на возможную разлуку, внушая друг другу, что этого не случится, они этого не допустят", - Углич твердила слова эти вслух чужим голосом, внутренний же голос настойчиво убеждал её читать письмо, но решиться на это ей было так волнительно, что она медлила.

Дрожащими руками Углич бережно перебрала каждый листок, которых было неполных пять. Очевидно, что письмо было написано не в один день, об этом красноречиво свидетельствовали разные цвета шариковой ручки и неровность размера букв.

Мысль о том, что подобное может случиться с ней, прежде даже не приходила в голову, как оказалась самонадеянную. Всегда вокруг были помимо мужа, с которым они были одним целым, сёстры, другие родственники, племянница, которую искренне воспринимала, как родную душу, считала дочерью, подруги. Даже слабая тень мысли о том, что привычный круг близких людей так спешно начнёт таять, не возникала в её голове.

А тут! Из-за какой-то пустяковой ссоры возбуждённый диалог.

- Все слова беру назад, прости, виноват я сам, любимая Олечка! Люблю! Я дурак, буду лечиться. Прости, ты лучшая из женщин! Люблю!

- Ты - лучший из мужчин! Очень умён и самокритичен! Люблю!

- Солнце, любимая Олечка, мне так было тяжело весь день от своей тупости. Спасибо...Я воспарил...

- Мне тоже было тяжело, от моей глупости, Я тоже воспарила!

- Ах, счастье моё... Буду твоими глазами читать Крюкова...

- Любимый Яшенька! Я просто теряюсь, тема - прекрасная, но для меня слишком сложная, пишу сама не зная что: В венчике из роз... Образ в надежде и в вечности, такой непостижимый и такой ясный, в белом венчике, как я в детстве в веночке из ромашек, возникает в минуты печалей и горестей с того момента, как я услышала строчки Блока: "Нежной поступью надвьюжной, // Снежной россыпью жемчужной, // В белом венчике из роз - // Впереди - Исус Христос", у меня два эти образа невероятным образом соединились и всегда поддерживают, придавая невероятные силы.

- Любимая Олечка! Ты в случившемся со мной нервном срыве абсолютно ни при чём, это глубины моей нервной психики, и я просто констатировал своё состояние неисправимого филолога! Я верю тебе, верю, что никакой прогулки не было. Склоняю грешную голову перед тобой! Виноват. Но со мной всю жизнь подобное происходит, ибо воспалённое мое воображение диктует мне свои правила. Не сердись, я тебя сильно люблю, от этого все преувеличения. Извини! Ты верная моя любовь!

- Да, любимый, ненаглядный Яшенька!

- Увидел, большое спасибо, любимая Олечка! Как мне приятно быть с тобой рядом, любимая Олечка!.. Вот я захожу к тебе, вижу твои чёрные большие глаза, приближаюсь к тебе, обнимаю крепко и целую тебя, язычок к язычку, рукой глажу по спинке и ниже, крепко-крепко...

- Я тоже целую тебя постоянно язычок к язычку, любимый, гениальный Яшенька! Я ночами разговариваю с тобой, ты слышишь меня?

- Я всё время думаю о нашей невероятной, исключительной любви, и она такая долгая, что просто дух захватывает! Почти 10 лет! Уму непостижимо! Но это есть!

- И это - чудо! - воскликнула Углич.

- Как мне хорошо с тобой, любимая Олечка, милая, нежная и всевластная надо мной! Ты просто обладаешь божественной силой воздействия на меня! - воскликнул Шумаков.

- Я обладаю бесконечной нежностью и любовью к тебе, гений моего сердца, Яшенька!

- Любимая красавица, желанная Олечка, спокойной ночи, и я ложусь рядом с тобой, тихо. Рядышком всегда, на всю жизнь, драгоценная Олечка любимая!

Если в помещении не звучат голоса, не слышно смеха и звуков музыки оно впадает в летаргический сон. На сегодняшний вечер никаких мероприятий намечено не было, поэтому Углич полагала провести день в покое, занимаясь текущими делами, коих в нашей стране при невероятной жажде бесчисленных чиновников, одержимых имитацией бурной деятельности не счесть, в течение дня то и дело на сайте управления культуры появляются всё новые задания,

совершенно нелогичным образом вдруг, с требованиями точного исполнения очередных заданий буквально в течение нескольких часов. Да, фантазии чиновничьего мира беспредельны, не имеют никакого отношения к логике, идеи их неизменно поражает Углич - то вдруг необходимо "срочно!" выслать план модернизации учреждения на ближайшие 12-15 лет, указав при этом, что, по какой цене, где и когда планируется приобрести по годам и кварталам в течение 5-10 лет, как будто не понятно, что это полная глупость. При этом всем ясно, что бумаги читать никто не будет, их соберут, переплетут, а потом сдадут в макулатуру, но об этом даже думать опасно, ответственное отношение к имитации бурной деятельности непременное условие существования бюджетных учреждений, бумаги просто нужно отправлять в срок, чтобы напротив вверенного тебе учреждения появилась заветная галочка, называемая в на-

роде "птицей", тогда коллектив может спокойно заниматься текущей работой и душевными посиделками, которые, собственно, являются приятной частью непыльной работы, в которой имеется масса плюсов.

Но всё это побоку, когда есть Шумаков.

Тишина во всём доме стояла такая, что Углич слышала биение собственного сердца, как будто оно было не в её теле, а где-то в глубине дома. Она протянула руку к Шумакову, но испугалась, не обнаружив его рядом. Ладонь проскользнула по пустой простыне. Углич поднялась, прошла коридором мимо дверей других комнат. Снаружи дом казался маленьким, но внутри расширялся до необычайных размеров. У двери кабинета Углич остановилась. Её обнажённая фигура в свете ночного светильника на стене в виде свечи была столь прекрасна, что хотелось сравнить её с античной женской скульптурой. Из-за двери доносились голоса. Углич взволнованно приоткрыла дверь.

Один голос говорил:

- Без военных сцен роман не приобретёт вечного звучания...

Другой согласительно поддерживал:

- Без вашей "Войны и мира" я бы не вышел на свой "Тихий Дон"...

Углич бесшумно возликовала. Это был голос её возлюбленного. Она пошире отворила дверь. В одном кресле сидел Лев Николаевич Толстой, а в другом, напротив, Фёдор Дмитриевич Крюков.

Не удивившись обычному разговору писателей, Углич вернулась в спальню, легла. И Шумаков тут же оказался рядом.

- Яшенька, ты куда-то выходил? - спросила она.

- На минутку... - сказал Шумаков.

- Я испугалась... Пошла тебя искать... А там Толстой с Крюковым беседуют...

- Я тоже, любимая Олечка, их слышал... Конечно Крюков в "Тихом Доне" отталкивался от "Войны и мира"... Масштаб...

- Они бессмертны... - задумчиво проговорила Углич.

- Любимая Олечка! Ты прелесть, создана для счастья!

- Для счастья, - повторила Углич.

- Любимая Олечка! Проникновенно и с пониманием! "Отхожу от обид очень медленно, сержусь на себя за это, но упрямства хватает ненадолго, приходит понимание того, что любые преграды следует преодолевать, чтобы быть в равных отношениях с дорогим человеком, он ведь тоже обидчив, а жизнь такая короткая, в ней хватает препятствий и трудностей, возникающих по независимым от нас причинам, поэтому нужно дорожить и беречь то, что так дорого".

- Люблю!

- Все дни я думаю о тебе, любовь моя Олечка! - воскликнул Шумаков.

- Аналогичные мысли не дают мне уснуть, любимый Яшенька.

- Миленькая моя...

- Любимый Яшенька, ты такой большой и гениальный, а я такая маленькая, утопающая в сомнениях, что мне очень страшно самой писать о Фёдоре Крюкове, но я старюсь...

- Главное подбрасывать в печку дрова, а истопник Шумаков всё наладит, будет тяга и не будет дыма в избе, любимая моя девочка Олечка!

- Сижу и бросаю... Вся надежда на истопника...

- Он такой, вооружился кочергой!

- Он - гений!

- Люблю сильно-пресильно...

- Сильно-сильно-сильно! Пришлю в субботу, работаю, но только первый вариант.

- Сердце забилось в восторге!

- Трепещу!

- Любимая Олечка! Никогда не переживай! Я всегда на последнем рубеже стою насмерть!

- Я знаю, любимый Яшенька, но это неизбежные переживания, поскольку во время работы невозможно писать равнодушно.

- Люблю!

- Ненагляднолюбимый! Любимый юный, мудрый, красивый гений!

- Любимая Олечка - художница Слова!

- Я только учусь у мастера!

- А я учусь очень многому и в жизни, и в творчестве у тебя, необыкновенная чувственная любимая Олечка!

Давно уже Углич не удивлялась тому, что погода у нас имеет обыкновение круто меняться. Накануне холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя. Дома в переулке представляются ей живым, точно морщинистые лица глядят из-под огромных шапок впадинами окон, по стёклам которых нескончаемым потоком льются слёзы. Ничего подобного Углич припомнить не могла. В такую ненастную погоду хорошо открыть томик Крюкова: "Посыпал немножко дождик. Перестал. Но было хмуро, похоже на сумерки, на унылую элегию старой пустыни. Лишь разлиvistое трепетание степных пернатых песен не смолкало. Перед самым закатом выглянуло на минутку солнце, и степь ненадолго оделась в прекрасный багряный наряд. Все вдруг осветилось, стало ярко, необычайно выпукло и близко. И далеко, на самом горизонте, можно было различить масти лошадей, отчетливо перебиравших тонкими ногами, как будто легко, без напряжения, словно шутя, таскавших бороны. Казачка, верхом на рыжем коне, гнала быков в балку, к водопою. Пела песню. И было какое-то особенное обаяние в этом одиноком молодом голосе, который так сладко тужил и грустил о смутном счастье, ма-

нящем сердце несбыточными грезами. И так хотелось слушать эти жалобы, откликнуться им. Хотелось крикнуть издали певице что-нибудь дружеское, ласковое, остроумно-веселое, как кричат вон те казаки, которые переезжают балку. Они смеются, шлют ей вслед свои крепкие шутки, а она едет, не оглядываясь, и, изредка обрывая песню, отвечает им с задорной, милой бойкостью, и долго мягкая, мечтательная улыбка не сходит с лица тех, кто слышит ее. Образ женщины наполнил сердце Терпуга радостным волнением, сразу прогнал усталость и всецело овладел мечтами. Он выпрямился, подобрался, выпятил грудь, и все казалось ему, что она непременно должна видеть его и смотрит именно в его сторону. Ночь надвинулась. Огоньки задрожали по степи. Умерли звуки. Черная, огромная, загадочно безмолвная лежала равнина...". Углич даже вздрогнула от такого невероятного совпадения, как будто Фёдор Дмитриевич - рядом.

Как бы во сне Углич провела ладонью по животу Шумакова, опускаясь всё ниже, нащупала Яшеньку, который сразу, вспоминая своё верховенство, своё значение Всевышнего оживился. Углич закрыла глаза, ощущая на своём лице дыхание Шумакова, входящего всей мощью Господа в Иерусалимские сады, наслаждаясь вкусом райского яблока. Вдруг Углич почувствовал прикосновение к своему нежному лицу мужской бороды. Она в некотором страхе отрыла глаза и увидела бороду и лицо Толстого.

- Лев Николаевич, вы тоже любите меня? - с придыханием спросила Углич.

- Да, любимая Оленька, я теперь люблю только тебя, потому что Софья Андреевна мне осточертела... Она не понимает секс, соитие мужчины и женщины, для неё есть только деторождение... Я уже больше не могу этого терпеть... Мне нужна женщина, сливающаяся в экстазе вкушения яблока, такая, как ты, любимая Олечка.

- Как я тебя хорошо понимаю! - с чувством вздохнула Углич.

- Так и есть! Писатель враг семьи! Любить можно только книгу! Оставил как есть! Прочувствовала! Жить с писателем невозможно. Писатель всё время пишет, заключил себя на всю жизнь в четырёх стенах, и всё пишет и пишет, а хочется дышать полной грудью, ходить в театры, рестораны, на презентации, путешествовать, наконец! Писатель целый день сидит на одном месте, это же ужас, требует, чтобы ему не мешали работать, чуть что спросишь, он психует, пойдёшь куда-нибудь, познакомишься с приятным человеком, он подозревает в изменах, придумывает всякие небылицы, с ума сходит, падает на пол, бьётся в истерике... Думаю о Льве Николаевиче... До чего не устроена и тяжела была его жизнь... И это при внешнем благополучии... Да, жить с писателем невозможно, его можно только любить...

ХУДО

"Ведь как бы ни было в семье худо - всё отец с матерью, а не враги,
не чужие..."

Фёдор Достоевский

"Записки из подполья" (часть вторая "По поводу мокрого снега")

Татьяна дрожащим голосом спрашивает:

- Егор, что происходит? Я никак понять не могу... Наша любовь ведь никуда не исчезла...

Муж закуривает. Сидит в позе мыслителя, положив одну ногу на другую и покачивая ею.

Молчание длится почти вечность, уместившуюся в минуте.

Татьяна сжимает руки на груди.

Всё-таки потаённые свойства характера рано или поздно проявляются у каждого человека. Немногие позволяют себе роскошь быть, а не казаться. В общественных местах, на работе люди, как правило, скрывают свой истинный характер. Его распознает только близкий человек, да и то далеко не всегда. На собственном опыте Татьяна убедилась в том, что, порой, в критической ситуации изумлялась поступкам мужа, открывала в нём такие черты характера, о наличии которых прежде не догадывалась. Тайные особенности характера не всегда проявляются в течение жизни. Всё зависит от ситуации.

Слышно тиканье настенных электрических часов.

Татьяна вопросительно и тревожно смотрит на него, в её глазах страх и тревога, а его взгляд устремлён вверх, он

как будто подбирает слова, чтобы ответить как можно мягче:

- Лет двадцать ты была мне родная и близкая, нас связывает много общих воспоминаний, но мы изменились оба, сыновья живут своей жизнью и просят только об одном, чтобы мы не мешали им жить так, как считают нужным они. Я отпустил их. Мы общаемся изредка по телефону и встречаемся, когда кто-то из них выражает желание, а ты, по-прежнему, не отпускаешь их, пытаешься ими руководить, навязываешь свои взгляды, всегда уверена, что сама лучше знаешь, как им будет лучше.

Егор нервно гасит недокуренную сигарету, встаёт и начинает ходить из угла в угол. Татьяна же, стараясь говорить как можно спокойнее, пытается объяснить свои чувства:

- Егор, всё чаще я воспринимаю тебя как чужого и непонятного мне человека. Все, что связано с нашей прошлой жизнью, вспоминается мною с особой нежностью. Мы не молодеем, обрастаем новыми знакомыми и приятелями, наши взгляды и мнения постепенно изменились, мы перестали понимать друг друга...

Не успеешь родиться, как старость подходит.

Никто не слышит скрипа земной оси.

В сущности, опыт есть умение распознавать сразу плохое и хорошее. Чувство стиля, вкус появляются незаметно в каждодневной тренировке. Обычный человек без опыта часто тянется к плохому, потому что оно крикливо, широко распространено, блестит и сверкает. Хорошее сидит где-то мышкой в норке...

Молодость - прекрасная пора очарований, надежд. И Татьяна летела навстречу жизни, как мотылёк, на свет. А там - печь, в которой можно сгореть. Раз - и сгорела! Поэтому теперь к слову "очарование" Татьяна ставит приставку "раз". Разочарование. Разочарований в жизни во много

раз больше, чем очарований. Татьяна повезло, крылышки свои она опалила, но не сгорела. Разочарование вызывает невероятную бурю страсти, которая рисует всё мрачными красками, но по мере отдаления от событий смягчаются оттенки, и разочарование вспоминается с грустной благодарностью...

Порыв ветра подхватил шелковистые каштановые пряди Тани, мгновенно превратив их в миловидный беспорядок.

Прохожий застыл на миг, любуясь тем, как прекрасная женщина, почти бессознательными движениями стремится привести причёску в порядок.

На мгновенье взгляды их встретились.

Татьяна прочитала в его взгляде восторг, смешанный с вопросом, но вздёрнула подбородок и прибавила шаг.

Она спешила на электричку на 17.10 до Павловского Посада, городка в котором она родилась и выросла с мечтой стать москвичкой, что ей удалось, а это является убедительной иллюстрацией того, что если четко следовать своей мечте, не сворачивать с намеченного пути, то непременно добьёшься её осуществления.

Женское поведение для мужчин - фантастическое представление, которое она пишет спонтанно, под влиянием сиюминутно меняющегося настроения. Мужчины же должны его разгадать, а те, которых пленил вихрь чар женских, должны проявить готовность принять участие в игре чувств. Каждая женщина - уникальна, и её притяжение, демонстрируемые окружающему миру знаки, неповторимы, как узор снежинок.

Если в погоде полный штиль, можно самой "поиграть" с волосами.

Тане ещё в подростковом возрасте эти премудрости объяснила бабушка, которая до последнего земного дня сохраняла игривость и кокетство, общаясь с противоположным полом, вне всякой зависимости от разницы лет.

Эти странные существа, мужчины, почему-то не видят ничего волнующего в волосах, убранных под заколку, а вот падение волос каскадом из причёски, притягивает и беспокоит их невероятно, на подобные движения они всегда обращают внимание.

В чём тут загадка?

Татьяна даже не пыталась понять этого, она просто умело пользовалась подобными жестами, которые не раз успешно проверяла на своём муже Егоре. Неважно, длинные волосы или короткие - можно аккуратно пропустить через них пальцы, будто поправляя, наблюдая за реакцией проходящих мимо мужчин.

Взгляд прохожего, выражающий желание, вызвал у неё на мгновение мысль подмигнуть ему, но она тут же одёрнула себя, ускорив шаг, чтобы не опоздать на электричку.

В прежние времена, прогуливаясь летом или тёплой осенью в парке с мужем, она часто играла на его чувствах, имеющих чуть ли не инстинктивное происхождение, невинно спрашивая: "Егорушка, посмотри, у меня листок в причёске не запутался?". В подобных случаях он всегда останавливался, притягивал её к себе, запускал пальцы в её волосы, страстно прижимал к себе, шепча на ушко: "Я хочу тебя немедленно! Здесь и сей же час!"

Они понимали друг друга не только с полуслова, а даже с полувзгляда, при этом она научилась чувствовать его настроение на расстоянии. Как недавно всё это было...

Вот она роняет перчатку, наклоняется и чудом избегает столкновения с мужчиной в такой же позе.

- Ой! Простите! - восклицает она.

- Прошу прощения, - произносит он одновременно с ней и протягивает перчатку со словами, - это вы уронили?

- Да, спасибо, я хотела...

- И я хотел...

Они рассмеялись, затем молодой человек представился:

- Егор!

- Татьяна!

Глаза их отражали свет вечерних фонарей.

Они больше не расставались, через год поженились, сняли комнату, через полгода родился старший сын.

- Как любишь ты меня? - спрашивала она его каждый раз после упоительной близости, ожидая восторженных слов любви.

- Ты же знаешь, - отвечал он, раньше пылко, а с годами спокойно, даже несколько утомлённо.

- Я хочу услышать это ещё, - говорила она то игриво, то капризно.

- Люблю тебя всю, всегда... Когда еду готовишь у плиты... В кино... В машине... В туфлях и босую... Вчера и завтра... Днём и ночной порой...

Сначала их было двое. Он и она. Потом их стало трое. Третий смотрел на них круглыми глазами и ничего не говорил, но смотрел так внимательно, впитывая слова и восторги родителей, что, казалось, заговорит сам.

Они полюбили прогулки по вечерней и ночной Москве, особое внимание привлекали редкие окна, которые светились поздними вечерами, ведь в каждом окне чьи-то жизни. Они придумывали свои истории, например, что мягкий, ровный свет струится из окон, за которыми живут любовь, нежность и счастье, а холодный, тревожный свет сигнализирует о трагедиях или беде, тусклый - о бессмысленном существовании. Они всматривались в светящиеся окна, обсуждая несчастные семьи, в которых супруги живут вместе, но отдельно, но у них даже на мгновение не возникала мысль о том, что когда-то они будут томиться так же там, за своими окнами, не в состоянии ничего изменить.

С той поры минуло почти четверть века, теперь Татьяна нередко бродит по улочкам в одиночестве, пытаясь понять,

когда и куда исчезло их счастье, кто его спугнул или погубил своей завистью?

Татьяна стремилась построить семью в соответствии с девичьими мечтами: муж, дети, дом - полная чаша. О том, чем чашу это наполнить, чтобы в доме была любовь и гармония, она вообще не задумывалась.

Конечно, семья - это счастье! Мысль о том, что семья - это ежедневный взаимный путь уступок, терпения, умения слышать, промолчать, прощать поначалу ей в голову не приходила, ведь у них с мужем был умопомрачительный секс.

Но пришло время, когда она почувствовала, что в чаше этой появились трещины, которые стали увеличиваться, а потом и страх того, что её полная чаша разбивается.

Отчего?

Конечно же, не только о быт она разбивается. О том, что причина кроется в том, что не хватает воздуха свободы и доверия, она даже не думала, ей пришло в голову, что семью её сглазили или порчу напустили, возможно даже, что виноваты спутницы её сыновей.

Рождение сыновей одного за другим, с разницей в три года, в период жизни в коммунальной квартире, повлекло столько проблем, что успевай только их разматывать, но они были счастливы, уставали, но справлялись. Да, мальчики росли в пятидневках и продлёнках, но когда они забирали их домой, то старались окружить любовью и заботой. Родители строили планы, что их сыновья непременно реализуют то, чего им самим не удалось добиться.

А дети один за другим сообщали, что вскоре у них будут свои семьи.

Дети росли, но они сумели купить трёхкомнатный кооператив до того, как старший сын пошёл в первый класс. У мальчиков появилась своя комната. Затем приобрели "Жигули". Сколько было радости!

Они с мужем всячески поддерживали увлечения сыновей, покупали развивающие игрушки, записывали в кружки в соответствии с их интересами. Старший сын стал программистом, а младший увлёкся баскетболом, стал играть профессионально, но они убедили его обязательно получить диплом института физкультуры заочно, и теперь он работает успешным тренером. Сыновья выросли так быстро, что стали даже слишком самостоятельными, с отцом у них сложились дружеские отношения.

Татьяна своими попытками уберечь сыновей от нежелательных связей, а также своей запоздалой материнской заботой, чтобы они одевались теплее зимой и приходили домой пораньше, добилась противоположных результатов.

Она всячески пыталась уберечь сыновей от нежелательных связей с взрослыми женщинами, которые так падки на молодых наивных юнцов. Пытаясь объяснить им, что современная косметика творит чудеса, что все девушки вокруг, как на подбор - с фарфоровыми личиками, фарфоровые профили, фарфоровые глазки, прелестны, но вот беда - в фарфоровых головках их нет мыслей, кроме той - найти скорее мужа, богатого, чтобы всю жизнь только совершенствовать красоту свою фарфоровую и покупать постоянно всё, что душе угодно на зависть окружающим, похожим друг на друга так, что голова идёт кругом, когда именно на такие грабли наступил её младший сын, влюбившись в женщину буквально на десять лет моложе её, его матери! Сколько сил она потратила на то, чтобы убедить его в том, что у юности нет опыта, но страсти разъедают младое тело, всё кипит, бунтует, мчится смутное осознание себя как нового человека, не такого, как все, оригинального, единственного и неповторимого, и это затмевает мир вокруг настолько, что ты совершаешь одну ошибку за другой, не желая задумываться и принимать очевидное, ведь юные страсти ослепляют, захватывают в манящий плен, убеждая сы-

на в том, что он ещё не в состоянии это осмысливать, столь сильны и всеобъемлющи, что он погружается в них полностью, не задумываясь о последствиях, которые часто приводят к разочарованию, но он не слышал её.

Мало этого, он женился на этой "даме", как её упорно называла Татьяна, несмотря на все попытки удержать его от этого шага. После этого он ушёл жить к жене, и стал всячески избегать любых попыток матери общаться с ним.

Запреты, как известно, логике не поддаются, да и логика у каждого своя, она меняется в соответствии с планами достижения задуманного наперекор здравому смыслу, который молодость не желает ни принимать, ни понимать, вот и действует наперекор ему, самое удивительное, что это приносит свои плоды!

Старший сын просто снял квартиру со своей сверстницей, но не торопится знакомить её с родителями, объясняя это тем, что они ещё не готовы создавать семью, ни один из них не торопится порадовать её внуками, а ей так хочется, чтобы на даче были слышны детские голоса.

"Что случилось? Как и когда он охладел к ней? Перестал видеть в ней женщину? - мысли эти не давали покоя Татьяне, не было никакой возможности от них избавиться. Она ведь настолько доверилась мужу. Можно сказать, растворилась, уверенная в том, что только она сможет дать ему по-настоящему всё то, что ему нужно и даже больше, и никогда об этом не пожалеет.

Сколько раз, распахнув окно, она вдыхала полной грудью, наблюдая свежий малиновый рассвет, а потом, прошептав мужу на ухо: "Доброе утро!", - налетала с объятиями на сонного своего избранника, или когда заставший их на улице дождь едва закончился, она со смехом тащила из-под навеса упирающегося мужа, чтобы ловить последние крупные капли и топтать отражение облаков в лужах, или за просмотром триллера дрожащим зайчонком ныряла под

руку своего защитника, а он чувствовал в такие моменты себя величайшим героем.

- Ведь всё это было, было...

Когда женщина желанна, не важно, как она выглядит, в этом Татьяна не раз убеждалась на протяжении более двадцати лет замужества, она никогда не слышала упрёков Егора о том, что не так одета или причёсана, он всегда замечал, когда она меняла причёску или цвет волос, говорил комплименты, но теперь он совершенно не реагирует ни на какие изменения её внешности, просто не замечает их и всё, а сколько раз она, пытаясь выяснить причины изменения в их отношениях, натыкалась на невозмутимое спокойствие с его стороны или же он просто находил предлог, чтобы исчезнуть якобы по неотложному делу.

У них была, можно сказать, дружная семья, правда, они с мужем много работали, чтобы обеспечить сыновей всем необходимым, дать им возможность заниматься в спортивных секциях, иметь соответствующее снаряжение, покупали современную технику, старались проводить хотя бы два выходных дня в месяц всей семьёй, потому что приходилось подрабатывать то на то, чтобы выплатить кооператив, то на машину, то на приобретение дачи, о которой так мечтала Татьяна, убеждая своих мужчин, что уж там-то они будут встречаться в выходные дни всей семьёй, дружно и весело проводить время, при этом получая витамины, выращенные своими руками, приобщать внуков к природе, но дача её мужчинам оказалась не нужна, они туда практически не приезжали.

Семья! Люди счастливые похожи - они вечно молоды, улыбчивы и добры и, как правило, всегда влюблены: в дымку рассвета, в улыбки любимых, в старые книги, в успехи друзей, суетливость соседей, в шум детворы, в жужжание пчелы, в каплю росы, в свои увлечения...

К сожалению, многие теряют счастье своё по глупости или неосторожности... Счастье - оно ни "капризное" и ни "обидчивое", как думают некоторые, оно может исчезнуть и не вернуться.

Несчастливые люди все чем-то похожи: одиноки, печальны, больны и, как правило, обижаются беспричинно на себя и на окружающих. А каждый счастливый - счастлив сегодня! В непрерывном "сегодня" длиною в жизнь, в его жизни нет "случайных людей" и "потерянных лет".

Счастливые люди избавляются от лишнего груза, чтобы со счастьем своим легче было по жизни идти.

В электричке Татьяна пыталась подготовиться к предстоящему разговору с мужем, возлагая надежды на примирение и преодоления взаимных разногласий, он обещал приехать сегодня вечером не позднее девяти.

Она вновь и вновь прокручивала в голове их неудачные попытки разобраться в происходящем.

Постепенно ответы Егора становились всё короче, а она вновь и вновь повторяла свой вопрос, пытаясь оживить его интерес к ней. Ветер гладит по коленям, но не он, неужели они обречены... Как вернуть страсть, жажду обладания... его прикосновения... ожиданье, ожиданье... где же миг, когда рук виток вновь обовьет её? Татьяна вглядывается в огромный лунный диск, с надеждой увидеть ответ, что там, вдруг, распахнётся "окно", освещённое удивительно мягким, ласкающим светом, а затем появиться подсказка, которая даст возможность вернуть ускользнувшее счастье.

Егор сидит рядом, пристально с легким прищуром молча смотрит на неё.

- Я - эгоист, - говорит он несколько вызывающе, - мне нравится это слово! Оно рождает у меня исключительно положительные эмоции.

- А я люблю тебя, люблю своих сыновей, свой дом, уют и тепло, мир и лад в нём.

- У нас с тобой имеется общее прошлое, но я не вижу общего будущего, - ответил он.

- Нет, я так не думаю! Да, в последние годы мы не общаемся с тобой подолгу, не обмениваемся новостями. Мы почти не общаемся друг с другом, но мы должны постараться это исправить.

- Может быть, лучше попытаться не мешать каждому из нас жить так, как нравится?

- О боже, столько всего случилось! Не перечислить. И вот мы сидим, смотрим друг на друга, что-то говорим, говорим и не понимаем, куда исчезла любовь... Ведь она была, Егор?

Он молча курил, а она всё ещё надеялась получить от него ответ, который позволит возродить прежние чувства и отношения, хотя бы частично.

Но он молчал.

По всему было видно, что в ему было худо в семье.

- Почему так вышло, что спустя долгие годы нашей совместной жизни, нам с тобой не о чем говорить?.. Мы ведь как-то общались все эти годы?..

- Ключевое слово "как-то", - после длительной паузы сказал он.

Обида перехватила у Татьяны дыхание. Она почти десять лет терпела полное отсутствие секса с собственным мужем, стараясь не задавать вопросов, надеясь, что он сам объяснит причину происходящего.

Конечно, она предпринимала попытки привлечь его внимание, покупая яркое, вызывающее бельё, даже парфюм в секс-шопе, но он ничего не замечал.

Так и жили последние лет десять как сестра с братом, никакого секса. Она, конечно, пыталась выяснить, не изменяет ли он ей, но ничего не сумела в этом вопросе до-

биться. Он увлекался рыбалкой всегда, и ездил на неё по выходным с проверенными друзьями, которых она знала всю их жизнь, как и их жён. Ничто не давало повода подозревать его в измене. Так и жили, как брат с сестрой, при этом при посторонних демонстрировали дружных супругов.

- Ты, последние годы часто упрекал меня в эмоциональности, а я удивлялась твоей холодности и сдержанности. Ты был всегда самым близким для меня человеком, - сказала Татьяна.

- Ты была мне любимой, а стала как сестра... - сказал Егор.

- Но почему?!.. - вырвалось у Татьяны.

Помолчав немного, Егор сказал:

- Трудно объяснить, я не могу тебе сегодня сказать, что ты важна для меня.

Татьяна замахала руками и воскликнула:

- Это не так!

- Ты постепенно стала частью моего прошлого. Мои жизненные ценности и убеждения ничего для тебя теперь не значат. И это, в общем-то, нормально. Время не стоит на месте, - проговорил довольно сухо Егор.

- Но я никогда не знаю, как мне жить без тебя... Словно тебя и не было... - всхлипнула Татьяна.

- Мы не сойдемся с тобой уже никогда... Слишком разные для этого, - сказал Егор.

- Мы и прежде были разные, это не мешало нам любить... - сказала Татьяна.

- Теперь мы живем с тобой в совершенно разных мирах, каждый на своей частоте. Мыслим на разных волнах. Тебе не интересен мой мир, а мне - твой. Просто так случилось... Прости.

Егор резко поднялся и торопливо удалился, можно сказать, сбежал.

А у Татьяны не было сил остановить его, от обиды и нежелания его попытаться понять её, пожалеть, у неё даже голос пропал, а так хотелось закричать:

- Да это всё неважно! Мы можем всё начать сначала, если ты готов всё начать сначала!

Задумываясь над смыслом жизни и в школе, и в институте, и потом много-много раз, у неё всё сводилось к устройству жизни - любовь, семья, дети, друзья и дальше по списку, всё, что прилагается к комфортному времяпрепровождению, пониманию благополучной жизни. Постепенно всё складывалось удачно, жизнь щедро одаривала её, она была уверена, что так будет всегда.

На мир Татьяна смотрела всю жизнь, как и подавляющее большинство людей, только из себя, единственной и неповторимой. Вот так устроен человек. Сначала он младенцем был. Смотрел на мир незамутнённым взглядом. Потом подрос. И стал строителем своей судьбы. Что в молодости главное? Вопрос вопросов. Для большинства это желание устроится на хорошо оплачиваемую работу, приобрести полезные знакомства, создать семью, конечно же в хорошей, просторной квартире, родить детей, которые превзойдут их успехи по всем направлениям жизни, а то, что на душе пусто, наступает момент, когда близкие становятся более дальними, чем чужие, им в голову не приходит. Спасает уверенность в том, что у них всё будет так, как задумано.

"Почему я осталась совершенна одна, за что мои любимые мужчины не ценят мои достоинства?" Мысли эти не давали покоя ей, она спустилась с крылечка, на ступенях которого просидела всю ночь вся в слезах от жалости к себе и обиды на жизнь, прошла по дачной улице и вышла в поле.

Лучи восходящего солнца вернули Татьяну в новый день. Стояла такая тишина вокруг, что она слышала биенье

худо

сердца, сопровождаемое тихим пеньем птиц и шелестом травы на поляне, освещённой мягким светом солнечных лучей, и от этой картины, созданной природой, комок подступил к горлу:

- Что ждёт меня сегодня, какие сюрпризы преподнесёт судьба? - произнесла она, едва сдерживая слёзы. - Каким будет этот день?

Публикуется впервые

ОБ АВТОРЕ

Маргарита Васильевна Прошина родилась 20 ноября 1950 года в Таллине. Окончила институт культуры. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Долгое время работала заведующей отделом Государственной научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского, затем была заместителем директора библиотеки им. И. А. Бунина. Автор многочисленных поэтических заметок под общим заглавием "Задумчивая грусть", и рассказов. Печаталась в альманахе "Эолова арфа", в "Независимой газете". Постоянно публикуется в журнале "Наша улица". Автор книг "Задумчивая грусть" (2013), "Мечта" (2013), "Фортунаэта" (2015), "Голубка" (2017), "Явление Афродиты" (2019) и "Задумчивая грусть" в трёх книгах (2020), издательство "Книжный сад",

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Тёща	3
Родственные узы	17
В настоящем из прошлого	30
Линия Настасьи Филипповны	45
Алёнушка	58
Беспомощная	71
Любовь к жидкости	83
Земноводное	94
В голове стоит туман	107
Отражённые лучи	120
Даша и Наташа	141
Жди дожди	153
Изумруд	165
Самый длинный день	179
Петух с курицей	192
Тихий дом	205
Худо	228
Об авторе	242

Маргарита Васильевна Прошина
Отражённые лучи

рассказы

Редактор Юрий Кувалдин

ISBN 978-5-85676-162-6

ЛР № 061544 от 08.09.99.

Сдано в набор 07.10.20. Подписано к печати 29.10.20.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.

Гарнитура "OfficinaSansCTT". Печать офсетная.

Уч.-изд. л. (авторских листов) 10,13. Тираж 300 экз.

Издательство "Книжный сад"
www.kuvaldinur.narod.ru

Иду неустанно по
многовековой Москве, как
будто по новой иду галерее,
графически чёткие шпили на
фоне заката пурпурного, река
разрезает пейзаж городской,
восхитительные картины
сменяют друг друга, ночные
люди идут на покой, наступает
время влюблённых
романтиков, город сияет
огнями, оттенки которых,
отражаясь в воде, превращают
его в чудо, плавно перехожу
из одной эпохи в другую, я
нахожусь во всех временах, и
в этом смысле вне времени.

Маргарита ПРОШИНА